

Дэвид Уилкерсон

КРЕСТ И НОЖ

ЧИТАТЕЛЮ

В повести «Крест и нож» нож не используется как инструмент для нарезания хлеба, а как орудие для пролития человеческой крови.

Крест - это не просто два куска дерева, сбитые гвоздями, а символ Божией любви и милости. На первый взгляд-противоречие! Что общего может быть между Крестом и ножом?

История молодых людей в этой книге доказывает, что Крест сильнее ножа.

Если Вы сомневаетесь, что греховная, грязная жизнь не может измениться под влиянием Божией силой, прочитайте эту книгу. Вы ощутите, что Ваша жизнь никогда не будет той же. По крайней мере, изменится Ваше отношение к Богу, к духовным вопросам.

Мое пожелание заключается в том, что Вы через эту книгу ощутите Божие благословение, Бога, в Которого Вы еще не верите!

Ханну Ю. Хаукка Президент христианского Международного Русского Радио-Телевещания

Захватывающий рассказ о борьбе одного пастора с подростковой преступностью в крупных городах Америки.

Давид Уилкерсон, молодой деревенский проповедник, взял на себя одинокую и, очевидно, обреченную на провал миссию.

Он вышел на улицы и трущобы города Нью-Йорка к самым крупным шайкам большого города, чтобы рассказать об Иисусе ожесточенным, глубоко окунувшимся в преступность подросткам.

В начале они хулили Бога и угрожали проповеднику. Они встречали его насмешками и оскорблениями. Были времена сомнения и страха. Но, в конце концов, шумная толпа увидела, как их главари на асфальте городской улицы преклонили колени для молитвы.

Заблудшие, погрязшие в грехе парни и девушки через веру в Бога обрели новую жизнь. Выпустив из рук нож, они выбрали Крест. Крест победил.

Глава 1

Эта странная история началась однажды вечером, когда я читал в своем кабинете журнал "Лайф".

На первый взгляд в нем не было ничего, что могло бы заинтересовать меня. На одной из страниц был помещен рисунок, изображающий сцену судебного процесса, происходившего в Нью-Йорке, в 50 км отсюда. Я никогда не "бывал в Нью-Йорке и даже не собирался ехать туда. разве что взглянуть на статую Свободы. Я было начал листать страницы, но мое внимание привлекли глаза мальчика, изображенного на этом рисунке. Одного из семи подростков на судебном процессе об убийстве. Художнику удалось запечатлеть выражение такой ненависти, замешательства и отчаяния в чертах его лица, что я всмотрелся в рисунок еще раз, более внимательно, и вдруг, неожиданно для себя, заплакал.

— Что со мной? — спросил я себя вслух, торопливо смахивая слезу. И еще раз пристально всмотрелся в рисунок. Там были изображены подростки. Они были членами шайки "Драконы". Внизу, под рисунком, помещался рассказ о том, как в Хайбридж парке в Нью-Йорке ими был жестоко убит 15-летний подросток Майкл Фермер, большой полиомиелитом. Семеро подростков нанесли ему семь ножевых ранений в спину и избили солдатскими ремнями. После всего этого они ушли прочь, приговаривая: "Здорово мы его отделали".

Эта история вызвала у меня отвращение. В нашем небольшом горном городке такие вещи казались невероятными. Вот почему я был буквально ошарашен мыслью, как будто ворвавшейся извне: "Поезжай в Нью-Йорк и помоги этим ребятам".

Вначале я даже рассмеялся: "Мне ехать в Нью-Йорк? Провинциальному священнику, ничего не смыслящему в этих делах?" "Поезжай в Нью-Йорк и помоги этим ребятам", — эта мысль не давала мне покоя, она преследовала меня, она существовала независимо от других моих мыслей. "Я буду выглядеть глупцом, я ничего не знаю об этих подростках и ничего не желаю знать."

Все было напрасно. Эта навязчивая идея не покидала меня. Я должен был ехать в Нью-Йорк, и более того, — я должен был ехать немедленно, пока не закончился суд.

Чтобы лучше понять, насколько необычна для меня была эта идея, необходимо знать, что до того, как я открыл эту страницу, моя жизнь протекала тихо и спокойно, вполне предсказуемо. И я был этим удовлетворён.

Я жил в Филипсбурге, штат Пенсильвания. Небольшая община, в которой я работал, росла медленно, но равномерно. У нас было новое церковное здание, новый пасторат, отличный бюджет. Я был доволен ростом нашей церкви, потому что четыре года назад, когда я и Гвен впервые приехали в Филипсбург кандидатами на свободное место за кафедрой, у церкви не было даже своего здания. Община собиралась в частном доме, верхний этаж был пасторатом, а нижний использовался для служения.

Вспоминаю, что, когда нам с Гвен показывали наше будущее жилье, её каблук провалился сквозь пол.

— Кое-что требует небольшого ремонта, — признала одна из прихожанок, крупная женщина в хлопчато-бумажном платье. Я обратил внимание на въевшуюся грязь в трещины её рук. Она сказала:

— Мы пойдём, а вы пока осмотритесь. Гвен осматривала второй этаж уже без меня, но я чувствовал по звуку захлопывающихся дверей, что она недовольна. Но настоящая беда пришла, когда она открыла ящик кухонного стола. Я услышал ее крик и бросился наверх. В ящике сидели семь или восемь жирных чёрных тараканов.

Гвен захлопнула ящик.

— О, Дейв! Я не вынесу этого, — она заплакала и, не дожидаясь моих слов, бросилась вниз по лестнице, я только слышал стук ее каблуков. Я наскоро извинился перед членами приходского комитета и последовал за ней в единственную гостиницу в Филипсбурге, она уже ждала меня там с ребенком.

— Извини, дорогой, — сказала Гвен, — здесь такие чудесные люди, но я до смерти боюсь тараканов.

Она упаковала вещи. Мне было ясно, что Филипсбургу придется подыскивать другого кандидата на пост пастора.

Но все произошло по-другому. Мы не могли уехать до вечера, потому что в воскресенье вечером я должен был проповедовать в церкви. Я не думаю, что моя служба удалась, но было в ней что-то такое, что привлекло внимание 50 человек в этом маленьком доме. Я заканчивал службу и уже мысленно садился в машину. чтобы ехать подальше от Филипсбурга, как вдруг поднялся один пожилой фермер и спросил:

— Ваше преподобие, не желаете ли вы быть нашим пастором?

Это был довольно неожиданный вопрос, и все очень удивились, включая меня и мою жену. Люди в этом доме Господнем давно уже искали подходящего кандидата, и сейчас мистер Мейер взял дело в свои руки, пригласив меня на эту должность. Вместо горячих споров раздались голоса поддержки. Он сказал мне:

— Вы можете пока выйти и обсудить дело с вашей женой.

Мы сидели в машине и молчали. Дебби спала в корзинке на заднем сидении, упакованный чемодан рядом с ней. В молчании Гвен я явственно чувствовал протест против тараканов.

— Гвен, мы нуждаемся в помощи Господа, — сказал я, — мы должны помолиться.

— Спроси Его насчёт тараканов, — мрачно добавила она.

— Хорошо.

Там, в темной машине, я проделал эксперимент в особом виде молитвы, при которой воля Бога передается через какой-либо знак. Это называется "расстелить шерсть перед Богом". так как Гедеон, пытаясь узнать волю Бога в отношении своей жизни, попросил, чтобы был дан знак на такой шкуре. Он расстелил стриженую шерсть на гумне и попросил Господа послать росу везде, кроме неё. Утром вся земля была мокра от росы, но шерсть была суха, Бог даровал ему знак.

— Господь, — сказал я вслух, — я также хотел бы расстелить шерсть, и мы готовы исполнить Твою волю, но мы должны знать ее. Если Ты хочешь, чтобы мы остались в Филипсбурге, пусть комитет проголосует за это единогласно. И пусть они сами предложат нам холодильник и плиту.

— Господь, — Гвен прервала меня, так как уже открылась дверь церкви и вышли члены комитета, — и пусть они выведут тараканов.

Весь приход вышел вслед за комитетом, они подошли к машине, возле которой стояли мы с Гвен. Мистер Мейер откашлялся и начал говорить. Гвен сжала мою руку.

— Ваше преподобие, мисс Уилкинсон, — сказал Мейер.

Он помолчал и начал вновь.

— Брат Дэвид, сестра Гвен. Мы проголосовали и все согласны в том, что мы хотим, чтобы вы были нашим новым пастором. Единогласно. Если вы решите приехать, мы установим новую плиту и всё такое. А сестра Уильямс говорит, что нужно произвести дезинфекцию.

— Чтобы вывести тараканов, — добавила миссис Уильямс, обращаясь к Гвен.

В свете, падающем через открытую дверь, я заметил слезы в глазах Гвен. Позднее, в гостинице, куда мы добрались после длительных рукопожатий, она сказала мне, что очень счастлива.

И мы действительно были счастливы в Филипсбурге. Мне нравилась жизнь в этом городе, жизнь провинциального священника.

Большинство наших прихожан были фермерами или углекопами. Это были честные, добрые, богобоязненные люди. Они приносили нам в качестве десятины молоко, масло, яйца и мясо. Это были люди деятельные, счастливые, которыми можно было восхищаться и многому научиться у них.

После того, как мы прожили там более года, мы купили старую бейсбольную площадку на краю города, где когда-то играл Лоу Гериг. Однажды, когда я играл там в бейсбол, я просил Бога, чтобы Он дал возможность построить церковь на этой площадке. Мое желание было исполнено.

Мы построили церковь и свой дом рядом с церковью. Это был чудесный небольшой домик из пяти комнат с видом на холмы с одной стороны и белым крестом церкви — с другой.

Мы с Гвен усердно работали в Филипсбурге и многого добились. К началу 1958 года у нас в приходе было 250 членов, включая Бонни, нашу младшую дочь.

Но, несмотря на все это, я чувствовал какую-то духовную неудовлетворенность. Ничто не радовало меня: ни новое здание, ни растущий приход, ни многочисленные собрания. Обычно люди запоминают важные вехи своей жизни. Вот и я запомнил 9 февраля 1958 года. В тот вечер я решил продать телевизор. Гвен и дети уже спали, а я сидел перед экраном и смотрел "Вечернее шоу". Там была сцена, когда танцовщицы появляются в едва прикрывающих их тела костюмах.

И вдруг я почувствовал, как всё это скучно. "Ты стареешь, ДэвидГ — сказал я сам себе.

Но, как я ни старался, я не мог сосредоточить свое внимание на том, что происходило на экране. Банальная история о девушке, сценическая судьба которой, как предполагалось, вызовет жгучий интерес у зрителей.

Я поднялся и выключил телевизор. Все девушки исчезли в маленькой точке в центре экрана. Уже сидя в своем кабинете, я подумал: "Сколько времени я провожу у экрана каждый вечер? По крайней мере, несколько часов. Боже, а что если я продам телевизор и буду проводить это время в молитве?" Все равно в нашей семье, кроме меня, никто не смотрит телевизор. А что если я буду каждый вечер проводить два часа в молитве? Эта мысль взбудрила меня. Молитва вместо телевизора! Посмотрим, что из этого выйдет!

Но я тут же подумал и о вещах, которые были против этой идеи. Прежде всего: я уставал к вечеру. Затем — мне необходим был отдых и смена обстановки. Ну, и наконец, — телевидение было частью моей культурной жизни:

церковному служителю необходимо быть в курсе всех событий.

Я поднялся с места, выключил свет, остановился у окна, любуясь залитыми лунным светом холмами. Затем я попросил Господа о знамении, которое должно было изменить всю мою жизнь. Мне казалось, что я поставил перед Господом трудную задачу, потому что я действительно не хотел расставаться с телевизором.

"Господи, мне нужна Твоя помощь в разрешении этой проблемы. Вот о чем я Тебя прошу:

я помещу объявление в газете о продаже телевизора. Если Ты желаешь этого, пусть покупатель придет немедленно. Пусть он придет через час; нет — через полчаса после того, как газета поступит в продажу".

Когда на следующее утро я рассказал обо всем Гвен, она была разочарована.

— Полчаса... — сказала она. — Мне кажется, Дэвид Уилкерсон, что ты совсем не хочешь того, о чем молился.

Гвен была права, но я все же поместил объявление. Мое положение после выпуска газеты было комичным. Я сидел на диване в гостиной. С одной стороны на меня смотрел телевизор, с другой — Гвен с детьми, а я смотрел на большой будильник. Прошло 29 минут.

— Да, Гвен, ты была права. Мне не придется...

Зазвонил телефон. Взглянув на Гвен, я нерешительно снял трубку.

— Вы продаете телевизор? — спросил мужской голос.

— Да. Марка ЭР-СИ-ЭЙ. В хорошем состоянии. Экран 19 дюймов. Куплен два года тому назад.

— Сколько вы за него хотите?

— Сто долларов, — быстро сказал я. Я не думал о цене до этого времени.

— Я возьму его.

— И вы даже не хотите взглянуть на него?

— Нет. Я приду за ним через 15 минут.

С тех пор моя жизнь сильно изменилась. Каждую ночь я уходил в свой кабинет, закрывал дверь и начинал молиться. Вначале время тянулось очень долго, и я был сильно обеспокоен. Позже я научился включать в свои молитвы чтение Библии. Раньше я никогда не читал Библию полностью, включая родословные. Я узнал, как важно поддерживать равновесие между молитвой-просьбой и молитвой благодарения. Как чудно провести час в молитве-благодарности. Вся жизнь открывается в новой перспективе.

Именно в один из таких поздних часов молитвы я и взял в руки "Лайф". Все время я ощущал странное беспокойство. Я был один в доме. Гвен и дети уехали в Питтсбург погостить у дедушки и бабушки. Я долго молился и чувствовал себя очень близко к Богу, но в то же время не понимал, почему я ощущал сильное беспокойство. Оно появилось неожиданно, и я не понимал, что бы это могло значить. Я чувствовал такую беспомощность, как будто, получив указание, не мог разобраться в нем.

"Что ты говоришь. Господи?"

Я ходил по кабинету, стараясь понять, что же происходило со мной. На моем столе лежал номер "Лайфа". Я хотел было полистать его, но остановил себя на мысли, что нехорошо читать журнал в то время, как я должен молиться.

Я снова начал ходить по кабинету взад и вперед, и всякий раз, проходя мимо стола, я обращал внимание на журнал.

"Господи, есть ли в этом журнале что-нибудь такое, что мне необходимо увидеть?" — спросил я вслух. Мой голос прокатился эхом в пустом доме. Я уселся в свое кожаное кресло, мое сердце стучало так, как будто я стоял на пороге чего-то очень важного и большого, чего я не мог понять. Я открыл журнал. Взгляд мой остановился на рисунке, который был выполнен карандашом, на котором были изображены семеро ребят, и слезы покатались по моему лицу.

На следующий день, в среду, в нашей церкви была служба. Я решил рассказать церкви о своих ночных молитвах и о том, что из этого вышло. Вечер в среду выдался холодным, шел снег. В церкви собралось мало народу.

Я подумал о том, что фермеры побоялись задержаться в городе из-за ненастья. И даже те две дюжины горожан, многие из которых опоздали, заняли места на галерке, что всегда служит неприятным знаком для священника:

это значит, что ему придется обращаться к бездушной массе людей. Я даже не старался вести службу в этот вечер. Я попросил всех сесть поближе, потому что хотел показать им кое-что. Я раскрыл "Лайф".

— Вглядитесь в эти лица, — сказал я и рассказал им, как я рыдал, глядя на эту картину, и как я получил указание от Бога ехать в Нью-Йорк, чтобы помочь этим ребятам. Мои прихожане смотрели на меня окаменевшими взглядами, и я знал, почему. Любое чувство, кроме симпатии, могло возникнуть у людей, видевших лица этих ребят. Я не мог понять своей собственной реакции. Потом случилась удивительная вещь, когда я сказал своим прихожанам, что собираюсь ехать в Нью-Йорк, но у меня нет денег. Несмотря на то, что было очень мало народу, и они не понимали, что я собираюсь делать, они молча, один за другим подходили к столу и клали свои пожертвования. Было собрано 75 долларов, как раз достаточно на дорогу в оба конца на машине.

В четверг я был готов к отъезду. Позвонив Гвен, я объяснил ей, что я собирался делать.

— Ты действительно чувствуешь, что тобой руководит Святой Дух? — спросила она.

— Да, дорогая.

— Не забудь взять с собой несколько пар теплых носков.

Рано утром в четверг я и Майлз Хувер, директор молодежной организации в церкви, отправились в путь. Никто не пришел провожать нас, что лишнее раз свидетельствовало об отсутствии поддержки этой затеи. Я сам чувствовал это и постоянно задавал себе вопрос: почему я еду в Нью-Йорк со страницей из "Лайфа" в кармане? Я не мог понять, почему у меня сжималось сердце при виде этих ребят.

— Я боюсь. Майлз, — в конце концов признался я.

— Боишься?

— Боюсь, что я делаю глупость. Я бы очень хотел убедиться в том, что это истинно воля Господа, а не мое опрометчивое решение.

Некоторое время мы ехали молча.

— Майлз, я хочу кое-что попробовать. Возьми свою Библию, открой её наугад и прочти мне отрывок, на котором остановится твой палец.

Майлз неуверенно посмотрел на меня, но выполнил мою просьбу. Он прочел про себя и молча повернулся ко мне.

— Ну что? — спросил я.

Отрывок был из 125 Псалма, стихи 5 и 6: "Сеявшие со слезами, будут пожинать с радостью. С плачем несущий семена, возвратится с радостью, неся снопы свои".

Мы были воодушевлены этим добрым знаком, он очень помог нам по пути в Нью-Йорк. но как оказалось, то был последний такой знак в течение долгого времени.

Глава 2

Мы прибыли на окраину Нью-Йорка по 46 маршруту, который соединяет Нью-Йорк с Джордж Вашингтон Бридж. Во мне вновь заговорил голос разума. Что я буду делать, добравшись до другого конца моста? Этого я не знал.

Нам нужен был бензин. Мы заехали на автозаправочную станцию неподалеку от моста. Пока Майлз возился с машиной, я достал из кармана "Лайф", зашел в телефонную будку и позвонил прокурору округа, упомянутому в статье. Когда, наконец, я дозвонился, то старался говорить с чувством собственного достоинства, как пастор, выполняющий волю Всевышнего. Но это не произвело впечатления.

— Прокурор не потерпит никакого вмешательства в это дело. Всего хорошего, — на другом конце провода положили трубку.

Я вышел из телефонной будки и остановился возле бензоколонки, стараясь собраться с мыслями.

Мы были в 550 км от дома, уже темнело. Мной овладели безысходность, апатия, панический страх. Я чувствовал себя одиноким. Здесь, в темноте, на заправочной станции, после такой неудачи, указания, полученные мной от Бога в моем приходе, уже не казались мне такими убедительными, как раньше.

— Эй, Дэвид, — позвал меня Майлз, — мы загораживаем дорогу.

Мы выехали на магистраль, и нас тут же поглотил гигантский поток транспорта; мы бы даже не смогли развернуться, если бы захотели это сделать. Я никогда не видел такого множества машин, спешащих куда-то.

А каков был вид на мост! Река красных огней справа — горящие задние огни автомобилей, и белые фонари встречного движения, и над всем этим выплывающая из ночи линия горизонта. Неожиданно я ощутил свою провинциальность.

— Что же мы будем делать дальше? — спросил я Майлза, когда мы подъехали к концу моста, где множество знаков указывало направления во все концы. Но нам эти названия ничего не говорили.

— Когда не знаешь дороги. — сказал Майлз.

— Держись впереди идущей машины.

Как выяснилось, впереди идущая машина направлялась в Манхэттан. Мы последовали за ней.

— Послушай-ка! — воскликнул Майлз после того, как мы проскочили один перекресток на красный свет, чуть не наехав на полицейского, укоризненно покачавшего нам вслед головой.

— Вот улица, название которой мне знакомо, — Бродвей.

Знакомое название улицы в незнакомом городе для нас было, как встреча со знакомым человеком. По Бродвею мы ехали до Таймсквера. Проезжая мимо одного театра, где большие буквы афишировали фильмы "Обнаженные секреты", "Любовь без любви", "Девушка в ночи", "Стыд", и полицейский едва сдерживал напор подростков, хотя на афише было написано: "только для взрослых", мы вспомнили тихие вечера в Филиппсбурге.

Проехав несколько кварталов, мы очутились в Мейси, затем у магазинов Гимбельса. Эти названия были мне знакомы. Гвен заказывала отсюда вещи. Я вспомнил, что теплые носки, которые она наказывала мне взять, тоже были из Гимбельса. От этого названия веяло чем-то надёжным. И поэтому я старался держаться поближе к ним.

— Давай-ка поищем отель поблизости, — предложил я Майлзу.

Напротив как раз был отель "Мартиник". Мы решили остановить свой выбор на нём. Но возникла проблема с парковкой автомобиля. Возле отеля была стоянка, но когда служащий у ворот сказал, что следует заплатить два доллара за ночь, мы торопливо выехали на улицу.

— Это потому, что мы из провинции, — сказал я Майлзу, удаляясь на такой скорости, которая, как я надеялся, выражала моё негодование. — Они думают, что могут вытворять всё, что им вздумается, если ты приезжий.

Но спустя полчаса мы опять очутились на той же стоянке.

— Ну хорошо, ваша взяла, — сказал я служащему. но тот не улыбнулся. Через несколько минут мы были в своей комнате на 12-м этаже. Я долго стоял у окна, наблюдая за движением пешеходов и автомашин внизу. Ветер гонял по улице обрывки газет. Группа подростков из пяти человек собралась на улице вокруг костра. Они пританцовывали, стараясь согреться. протягивали руки к костру и, несомненно, размышляли, что бы им такое предпринять.

Нащупав страницу из "Лайфа" в кармане, я подумал, что несколько месяцев назад семеро других — возможно, похожих на этих ребят — бродили в приступе злобы, пока не забрели в Хай бридж парк.

— Я попытаюсь ещё раз позвонить прокурору, — сказал я Майлсу. Я еще раз позвонил в приемную прокурора округа. К моему удивлению, она еще не была закрыта. Я понимал, что поступаю глупо, но я не видел никакого другого способа добраться до этих ребят. Звонил трижды. Наконец, мне ответили: "Послушайте, единственный человек, который может дать вам разрешение увидеться с этими ребятами — это судья Девидсон"

— Где я могу его увидеть?

— Кортстрит 100. А теперь прощайте и не звоните сюда больше. Мы не можем вам помочь.

Я попытался позвонить Девидсону. Но телефонистка ответила мне, что его линия разъединена, и нет никакой возможности дозвониться к нему.

Мы легли спать, но я никак не мог уснуть. Для меня, не привыкшего к городу, каждый звук, доносившийся с улицы, был полон угрозы. Я провел эти долгие бессонные часы в размышлении о том, что я здесь делаю, и в благодарственной молитве о том, что как бы то ни было, долго я здесь не задержусь.

На следующее утро, в восьмом часу, я и Майлз выехали из гостиницы, даже не позавтракав. Мы оба предчувствовали что-то недоброе и решили, что этот пост поможет нам сохранить умственное и физическое равновесие.

Если бы мы знали Нью-Йорк, то мы бы поехали в суд на метро. Нам же пришлось забрать машину со стоянки и, спросив дорогу, отправиться в сторону Бродвея.

Кортстрит 100 выглядело, как огромное ископаемое чудовище. Сюда приходили обозленные друг на друга люди, жаждавшие отмщения. Каждый день сюда приходят сотни людей по делам и множество любопытных жаждет пощекотать себе нервы. Один человек, например, размышлял вслух возле зала суда, где вскоре должно было слушаться дело об убийстве Майкла Фермера.

— Электрический стул слишком мягкое для них наказание, — сказал он. Затем он повернулся к стоящему у открытых дверей охраннику и сказал:

— Нужно их хорошенько проучить, чтоб и другим неповадно было.

Охранник отвернулся, всем своим видом показывая, что он знает как обращаться с такими самозванными хранителями правосудия. Ко времени нашего прибытия туда, в 8:30, сорок человек уже выстроились в очередь, чтобы войти в зал суда. Я узнал, что в зале было всего 42 места для зрителей и подумал, что если бы мы потратили время на завтрак, все случившееся со мной в то утро — 28 февраля 1958 года — могло бы принять совершенно другой оборот.

Полтора часа мы простояли в очереди, не решаясь отойти даже на короткое время, так как было слишком много желающих занять наши места. Когда мимо нас проходил служащий суда, я спросил, указывая на дверь в глубине коридора:

— Это дверь судьи Девидсона? Он утвердительно кивнул.

— Не могу ли я видеть его?

Служащий посмотрел на меня, рассмеялся и пошел дальше, ничего не ответив.

Около десяти часов охранник открыл дверь, мы все вошли и очутились в небольшом вестибюле. где нас обыскали, чтобы никто не прошел с оружием.

— Они угрожали судье, — сказал мужчина впереди меня. — Эта шайка "Дракон" Они сказали, что убьют его во время суда.

Мы с Майлзом заняли два последних места. Около меня сидел человек, который полагал, что правосудие должно быть незамедлительным.

— Этих парней давно уже надо было прикончить, правда ведь? — обратился он ко мне. и не успел я ответить, как он уже повернулся к своему соседу, чтобы задать ему тот же вопрос.

Я думал, что зал суда представляет собой огромное помещение на несколько сот мест. но это было не так. Половина помещения была занята присяжными заседателями, четверть — прессой, и только небольшая часть мест на галерке была отведена для публики.

Мой сосед справа комментировал для меня процесс суда. Вошла большая группа людей. Это были назначенные судом адвокаты.

— Двадцать семь человек, — сказал мой сосед. — И государству приходится финансировать их, ведь никто не станет нанимать защитников этим мерзавцам, а у них самих ничего нет. Они ведь пуэрториканцы.

Я промолчал.

— Они должны доказать, что те невиновны. Но по закону все семеро должны отправиться на электрический стул.

Наконец появились и сами преступники. Не знаю, кого я ожидал увидеть. Мужчин, вероятно. В конце концов ведь слушалось дело об убийстве. У меня не укладывалось в голове, что его могут совершить дети. Но это были дети. Семеро ссутулившихся, бледных, тощих, запуганных детей, которых судили за жестокое убийство. Каждый из них был прикован наручниками к охраннику, и, как мне казалось, все охранники были необыкновенно здоровые, как будто их нарочно подобрали для контраста. Всех семерых ребят провели на левую сторону зала. Они сели, и с них сняли наручники.

— Вот так с ними и нужно обращаться, — сказал мой сосед. — Нельзя быть с ними слишком мягкими. Господи, как я их ненавижу!

— Господь — единственный. Кто их любит, — сказал я.

—Что?

Тут кто-то постучал по столу, призывая всех к порядку. В зал вошел судья. Все встали. Я молча следил за процессом. Но мой сосед вел себя очень возбужденно. Он так бурно выражал свои эмоции, что в нашу сторону часто оборачивались.

В то утро свидетельские показания давала девочка.

— Эта кукла из их шайки. Шлюха.

Девочке показали нож и спросили, узнаёт ли она его. Она призналась, что это был тот самый нож, с которого она вытирала кровь в ночь убийства. На это простое признание потребовалось всё утро.

Судебное заседание неожиданно кончилось. Я был очень удивлён и этим можно отчасти объяснить то, что произошло далее.

Судья Девидсон неожиданно поднялся и объявил, что суд откладывается. Мысленно я уже видел, как он выходит из комнаты и навсегда исчезает за дверью. Мне казалось, что если я сейчас не поговорю с ним, такой возможности мне больше не представится.

— Я подойду к нему и поговорю — прошептал я Майлзу.

— Ты сошел с ума.

— Если я не...

Судья снимал свою мантию, собираясь уходить. Наскоро помолвившись, я схватил Библию в правую руку, надеясь, что по ней меня легко можно будет опознать как церковного служителя, и побежал за судьей.

— Ваша честь! — позвал я. Судья Девидсон резко обернулся, раздраженный нарушением правил поведения в суде. — Ваша честь, не могли бы вы уделить мне внимание как церковному служителю?

Но в это время меня настигли охранники. Я полагаю, что тот факт, что жизнь судьи находилась под угрозой, может быть объяснением последовавшего грубого обращения со мной. Двое охранников схватили меня под руки и поволокли по залу. В этот момент пресса оживилась, фоторепортеры старались заснять этот момент. Охранники выволокли меня в вестибюль.

— Закройте двери и никого не пускайте! — приказал офицер. Затем он обратился ко мне:

— Ну, мистер, где ваше оружие? Я уверял, что оружия нет. Меня еще раз обыскали.

— С кем вы пришли? Кто еще здесь с вами?

— Майлз Хувер. Он у нас заведует делами подростков.

Они привели Майлза. Он был более раздражен, чем напуган. Кому-то из прессы удалось проникнуть в вестибюль, когда меня допрашивали. Я показал полиции мои документы, так что они знали, кто я. Сержант пошел к судье, чтобы узнать его решение, и, пока он ходил, репортеры забросали нас с Майлзом своими вопросами. Откуда мы? Почему мы так поступили? Были ли мы заодно с "драконами"? Украли мы эти документы из церкви или подделали?

Вернулся сержант и сказал, что на этот раз меня отпустят, если я пообещаю сюда не возвращаться.

— Не волнуйтесь, он не вернется, — сказал Майлз.

Когда мы вышли в коридор, нас поджидало множество репортеров с камерами.

— Эй, священник, что это у вас в руке?

— Библия.

— Вы стыдитесь ее?

— Конечно, нет.

— Нет? Тогда зачем же вы ее прячете? Поднимите ее вверх, чтобы мы хорошо видели ее.

Я был достаточно наивен и послушался. Застрекотали камеры, и я представил себе, как это будет выглядеть в газетах: провинциальный священник, размахивая Библией, с поднявшимися дыбом волосами, прерывает судебный процесс.

И только один из них был более или менее объективен. Это был Гэйб Прессмен из Эн-Би-Си Ньюс. Он спросил меня, почему я заинтересован в судьбе этих ребят, совершивших ужасное преступление.

Я показал ему журнал:

— Вы видели эти лица?

— Да, конечно.

— И вы еще спрашиваете?

Гэйб Прессмен улыбнулся и сказал мне:

— Я понимаю вас. Да, пастор, вы не похожи на обычных искателей приключений.

Да, я не был похож на них. Достаточно того, что я думал, что будто выполняю некую божественную миссию, вытворяя все эти глупости, навлекая позор на свою церковь, город и семью.

Как только нас отпустили, мы устремились к машине. Майлз не проронил ни слова. Мы сели в машину, и там я заплакал.

— Поехали домой, Майлз. Пора отсюда выбираться.

Проезжая по Джордж Вашингтон Бридж, я повернулся и еще раз посмотрел на очертания Нью-Йорка. И вдруг в моем сознании прозвучал отрывок из Псалмов, который так часто вдохновлял меня. "Сеявшие со слезами, будут пожинать с радостью".

Что же это за водительство? Я начал сомневаться, существует ли вообще получение точных указаний от Бога.

Как я посмотрю в глаза жене, родителям, общине? Прежде я стоял перед общиной и говорил, что Бог побуждает мое сердце, а теперь я должен вернуться домой и сказать, что это была ошибка.

Глава 3

— Майлз, — сказал я, когда мы отъехали 80 км от моста, — ты не против, если мы поедem домой через Скрантон?

Майлз знал, к чему я клоню. Там жили мои родители. Честно говоря, мне просто хотелось выговориться.

К тому времени, как мы приехали в Скрантон, наша история уже попала в газеты. Дело это широко освещалось прессой, но заголовки становились уже не такими броскими. Газетчики выжали до последней капли все ужасы и мерзость этой истории. Психологические, социологические и пенеологический аспекты уже истощились. И вот теперь, как бальзам на сердце редакторов, этот случай получил дополнительную окраску и уж они постарались вовсю.

Мы находились уже на окраине Скрантона, когда я задумался о том, как вся эта история подействует на моих родителей. Я был словно маленький обиженный мальчик, ждущий утешения, но сейчас приближающаяся встреча пугала меня. В конце концов, имя, подвергнувшееся осмеянию, было и их именем.

— Может, они не читали газету, — сказал Майлз.

Газету они прочитали. Она лежала на кухонном столе, развернутая на странице, где была помещена статья и фотография размахивающего Библией молодого священника с диким взглядом, которого выгнали из зала заседания суда по делу об убийстве Майкла Фермера.

Отец и мать вежливо, почти официально, поздоровались со мной.

— Дэвид, — сказала мать, — какая приятная неожиданность.

— Здравствуй, сын, — сказал отец. Я сел. Майлз тактично удалился; пошел прогуляться, оставив меня наедине с родителями.

— Я знаю, о чем вы думаете, — кивнул я в сторону газеты, — вы думаете о том, как вам всё это пережить.

— Знаешь, сын. — сказал отец, — дело не в нас, дело в церкви. И в тебе самом. Ты можешь потерять свой сан.

Понимая его беспокойство обо мне, я промолчал.

— Что ты собираешься сделать, когда вернешься в Филипсбург? — спросила мать.

— Я еще не думал об этом. Мать достала из холодильника бутылку молока.

— Ты не будешь возражать, если я дам тебе совет? — спросила она, наливая мне стакан молока (она всегда хотела, чтобы я поправился).

Мать никогда не спрашивала разрешения давать мне советы. Однако на этот раз она стояла с бутылкой молока в руке, ожидая, когда я кивну в знак согласия. Она как будто понимала, что в этой борьбе я сам должен бороться за себя и, может быть, не желал ее совета.

— Когда ты вернешься домой, Дэвид, не торопись признаться в том, что ты был не прав. Пути Господа неисповедимы. Может быть, это часть Его плана, которого ты сейчас не можешь видеть целиком. Я всегда верила в твой здравый рассудок.

По дороге в Филипсбург я все время размышлял над словами матери. Какой здесь может быть план Божий? Что хорошего могло принести мне это поражение?

Я отвез Майлза домой и поехал к себе домой боковой улицей. Если можно проскользнуть незамеченным на автомобиле, то именно это я и пытался сделать. Я закрыл дверцу машины так, чтобы она не хлопнула, и почти на цыпочках прошёл в свою комнату. Там была Гвен.

Она подошла ко мне и обняла.

— Бедный Давид, — сказала она и только после долгой паузы спросила: — Что случилось?

Я подробно рассказал ей, что произошло с тех пор, как мы расстались. Затем я сказал о словах матери, о том, что, возможно, всё не так уж и плохо.

— Тебе будет очень трудно объяснить всё это всему городу, Дэвид. Телефон трезвонит не переставая.

И он продолжал звонить еще три дня. Один чиновник из городского управления накричал на меня. Мои коллеги, церковные служители, сказали мне, что все это дешевая самореклама. Когда же, наконец, я решился выйти из дома, меня провожали неодобрительные взгляды. Один человек, который всё время пытался оживить деловую активность города, пожал мне руку, похлопал по плечу и сказал:

— Да, пастор, вы действительно прославили старый Филипсбург.

Но тяжелее всего была встреча с моими прихожанами. Они были вежливы и молчали. В то утро я взглянул на свою проблему с кафедры честно, без обмана.

— Я знаю, вас мучают некоторые вопросы. — сказал я, обращаясь к людям, сидевшим с окаменевшими лицами. — Прежде всего, я хочу сказать, что ценю ваше сочувствие, но вы, наверное, думаете: "Какой болван этот проповедник, который думает, что любая его причуда есть веление Господа". Вы вправе так думать. И на самом деле все случившееся выглядит так, как будто я перепутал желание Бога со своим желанием. За это меня жестоко унизили. Может, это послужит мне хорошим уроком в дальнейшем? А теперь давайте откровенно спросим самих себя: если верно, что, трудясь здесь, на земле, мы исполняем волю Господа, то не должны ли мы ожидать, что Он каким-то образом сообщает нам Свою волю, хотя мы не всегда можем ее сразу понять?

Непроницаемые лица. Гробовое молчание. Я был плохим примером для жизни под руководством Господа.

Но мои прихожане были люди необыкновенно добрые. Большинство из них сказала, что все происшедшее со мной выглядело действительно глупо, но они верили в чистоту моего сердца. Одна леди сказала:

— И все же мы хотим, чтобы вы были с нами, даже если другие этого не желают. Она еще долго объясняла, что она этим хотела сказать.

Потом случилась странная вещь. Ночью, когда я молился, мне все не давал покоя один стих из Писания. Он постоянно приходил мне на ум: "...любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу."

Этот стих звучал во мне с большой силой и убедительностью, хотя разум мой не принимал его. И вместе с этим мне пришла в голову такая безрассудная идея, что я старался отбросить ее, как только она приходила: "Возвращайся в Нью-Йорк".

Три ночи я старался отбросить ее, но не мог от нее отделаться. Я решил разобраться в этом. На этот раз я был подготовлен.

Во-первых, Нью-Йорк был неподходящим для меня местом. Мне не нравился город, и я не мог бы там жить. Само слово "Нью-Йорк" стало для меня символом смятения. С любой точки зрения было бы неверно покинуть Гвен и детей. Я не собирался трястись в дороге восемь часов туда и восемь часов обратно только для того, чтобы снова сделать из себя посмешище. О том, чтобы снова просить денег у общины, не могло быть и речи. Эти фермеры и углекопы и так давали больше, чем были должны. Как я объясню это им, если я сам еще не понял это новое приказание вернуться на место моего поражения?

У меня не было никакого шанса повидаться с этими ребятами. В глазах официальных кругов города я был сумасшедшим. Никакая сила на земле не смогла бы меня заставить пойти в церковь с этим предложением.

И, все-таки, эта идея была такой настойчивой, что в следующую среду я просил своих прихожан дать мне еще денег для того, чтобы вернуться в Нью-Йорк. Реакция моих людей была поистине удивительной. Опять, как и прежде, они подходили к столу один за другим и оставляли свои пожертвования. На этот раз было намного больше людей, но, что интересно, сбор был почти таким же, как и прошлый раз — семьдесят долларов.

На следующее утро мы с Майлзом двинулись в путь. Мы ехали по тому же маршруту, остановились у той же бензоколонки, по тому же мосту въехали в Нью-Йорк. Когда мы проезжали по нему, я молился: Господи, я не понимаю, почему так все получилось на прошлой неделе по Твоей воле, и почему я снова возвращаюсь в этот кошмар. Я не прошу открыть мне Твою цель, но прошу руководить моими действиями".

Еще раз мы нашли Бродвей и повернули в южном направлении по той единственной магистрали, которую мы знали. Мы ехали медленно, и вдруг я ощутил непонятное желание выйти из машины.

— Я хочу найти место для машины, — сказал я Майлзу, — да и пройтись немного. Мы нашли незанятую платную стоянку.

— Я скоро вернусь, Майлз. Я даже не знаю, что я ищу.

Я оставил Майлза в машине и пошел по улице. Немного пройдя, я услышал:

— Эй, Дэвид!

Вначале я не обернулся, так как подумал, что какой-то мальчик зовет своего друга. Но я снова услышал:

— Эй, Дэви, священник!

На этот раз я обернулся. Недалеко от меня стояли шесть подростков, на них были узкие брюки и куртки на молниях. Все, кроме одного, курили и все явно скучали.

Один из них отделился и направился ко мне. Мне понравилась его улыбка, когда он заговорил.

— Вы случайно не тот священник, которого выгнали из зала суда во время процесса по делу Майкла Фармера?

— Да, а откуда ты меня знаешь?

— Ваше фото было напечатано в газетах, а ваше лицо легко запоминается.

— Да? Спасибо.

— Это не комплимент.

— Ты знаешь мое имя. Но я не знаю твоего.

— Томми. Я президент "мятежников". Я спросил Томми, не его ли это ребята стоят поблизости. Он предложил мне познакомиться с ними. Они смотрели на меня скучающими взглядами, пока Томми не сказал, что у меня была стычка с полицией. Ребята сразу оживились. Это был мой карт-бланш при общении с ними. Томми представил меня с гордостью.

— Эй, парни, это тот самый священник, которого выгнали из зала суда по делу Фармера.

Ребята один за другим подходили посмотреть на меня, и только один не двинулся с места. Он взял нож и начал выцарапывать нецензурное слово на металлической рамке дорожного знака. Пока мы разговаривали, к нам присоединилось несколько девочек.

Томми расспрашивал меня, как я попал в суд, и я сказал ему, что хочу помогать подросткам, входящим в различные группировки. Меня слушали очень внимательно и многие из них сказали, что я "свой".

— Что вы понимаете под "своим"? — спросил я.

Их логика была проста. Их не любили полицейские. Меня тоже. Мы находились в одинаковом положении, и для них я был одним из своих. В дальнейшем я часто встречался с такими умозаключениями.

Внезапно я вспомнил, как меня тащили по проходу в зале суда, и всё предстало для меня в другом свете. Я почувствовал лёгкий холодок, который обычно сопровождал появление направляющей силы Божией.

У меня не было времени поразмышлять об этом, так как тот парень с ножом направился ко мне. Его слова, произнесённые языком уличного мальчишки, пронзили моё сердце значительно сильнее, чем это мог бы сделать нож.

— Дэви, — начал он. При этом он чуть расправил плечи и я заметил, что остальные при этом отошли немного назад. Подросток демонстративно щелкнул ножом и начал небрежно срезать пуговицы моего пальто. Пока не кончил, он не произнес ни слова.

— Дэви, — наконец сказал он, впервые посмотрев мне прямо в глаза, — если с нами что-нибудь случится...

Я почувствовал прикосновение кончика ножа и понял, что не будь той истории в суде, я никогда бы не смог разговаривать с этими подростками.

— Как тебя зовут?

Его звали Вилли, но об этом мне сказал другой парень.

— Вилли, я не знаю, зачем Господь привел меня в этот город. Но я хочу сказать тебе, что Он за вас, это я говорю тебе точно.

Вилли продолжал пристально смотреть мне в глаза. Затем он убрал нож и отвел взгляд в сторону. Томми ловко переменял тему разговора.

— Дэви, если ты хочешь познакомиться с ребятами из разных группировок, ты можешь сделать это сейчас. Все эти ребята из "мятежников". Я также могу познакомить тебя кое с кем из Джи-Джи-Ай.

— Джи-Джи-Ай?

— Это означает "Трест великих гангстеров". Итак, не пробыв в Нью-Йорке и получаса, я уже имел возможность познакомиться с группировкой с другой улицы. Томми объяснил мне, как туда пройти, но я ничего не понял, и тогда он попросил одну из девочек, стоявших в стороне, которую звали Ненси, проводить меня к Джи-Джи-Ай. Члены этой шайки встречались в подвале одного из домов 134-ой улицы. Чтобы попасть в их центр, нам пришлось спуститься по темной лестнице мимо мусорных куч с отощавшими кошками, мимо нагромождения пустых водочных бутылок.

Наконец Ненси остановилась и слегка постучала в двери. Два быстрых и четыре медленных удара.

Нам открыла какая-то девочка. Вначале я подумал, что она нас разыгрывает. Уж очень маскарадной бродяжкой она выглядела, босая, в руке бутылка с пивом, во рту сигарета, волосы не убраны, плечо намеренно обнажено. Я чуть было не рассмеялся, но меня удержало от смеха то, что лицо девушки не выражало веселья и беззаботности и она была еще совсем ребенок. Девушка-подросток.

— Мария, — сказала Ненси, — разреши нам войти. Я хочу познакомить тебя с другом.

Мария пожала плечами и открыла дверь пошире. В комнате было темно, но когда мои глаза привыкли к темноте, я смог различить в ней парочки молодых людей и девушек. Они сидели вместе в этом холодном, зловонном помещении. Кто-то зажег свет. Дети смотрели на меня тем же пустым взглядом, который я видел на лицах "мятежников".

— Это тот самый священник, которого выгнали из суда по делу Фермера.

И сразу же внимание ребят было приковано ко мне. Более того, они симпатизировали мне. В этот вечер у меня была возможность впервые проповедовать нью-йоркским хулиганам. Я не старался много говорить. Сказал, что они любимы. Любимы такими, какие они есть, несмотря на их пристрастие к наркотикам, алкоголю и сексу. Бог понимает, что ищут их души в то время, как они напиваются или ищут развлечения в сексе. Бог хочет дать им все то, что они ищут: радость, веселье и цель жизни, но не из дешевой бутылки в этом гнилом подвале. У Господа есть для них более высокие планы.

Когда я сделал паузу, один подросток сказал:

— Давай, давай, продолжай, мы врубаемся. Я впервые слышал такое выражение и оно означало, что их сердца тронуты, а это было самым дорогим комплиментом моей проповеди.

Я бы покинул этот подвал с чувством воодушевления и радости, если бы не одно. Здесь, среди членов Джи-Джи-Ай, я впервые столкнулся с применением наркотиков. Мария, которая оказалась как бы главарём женской части группировки, прервала меня, когда я сказал о том, что Господь может помочь изменить их жизнь.

— Только не мою, Дэви, только не мою. Она поставила стакан и снова обнажила плечо.

— Почему же, Мария?

Вместо ответа она закатала рукав и показала свою руку. Я не понял и сказал ей об этом.

— Иди сюда, — Мария подошла к свету и снова показала мне свою руку. Я увидел небольшие ранки, похожие на укусы комара. Некоторые из них были уже засохшие, а другие совсем свежие. И вдруг я понял, что она хотела этим сказать. Она была наркоманкой.

— Я конченный человек, Дэви. У меня нет никакой надежды, даже на Бога.

Я окинул взглядом всех остальных, надеясь, что это мелодрама. Но никто не улыбался. Тогда я понял то, что позже вычитал и в статистике полиции, и в сообщениях больниц: у медицины нет эффективных средств против наркомании. Мария выразила мнение специалистов: нет ни малейшей надежды для тех, кто, как она, впрыскивали героин прямо в кровь. Мария была обречена.

Глава 4

Когда, наконец, я добрался до стоянки на Бродвее, Майлз был искренне рад видеть меня.

— Я боялся, что ты опять ввязался в какую-то историю.

Когда я рассказал ему о двух преступных группировках, с которыми познакомился в течение часа, у Майлза возникла та же мысль, что и у меня.

— Теперь ты понимаешь, что ты никогда не смог бы встретиться с ними, если бы тебя не вышвырнули из суда и не напечатали твое фото в газетах?

На этот раз мы поехали прямо в прокуратуру округа. Не потому, что мы надеялись, будто нас хорошо там примут, а потому, что путь к тем ребятам в заключении лежал только через нее.

— Мне хотелось убедить вас в том, что единственное, о чем я забочусь — это благополучие этих ребят.

— Пастор, даже если бы каждое ваше слово исходило прямо из вашей Библии, мы и тогда не смогли бы разрешить вам свидания с ними. Единственная возможность увидеть этих ребят без разрешения судьи Дэвидсона — это получить письменное разрешение родителей.

Передо мною открывалась новая возможность.

— А вы не смогли бы дать мне их имена и адреса?

— Простите, но мы не можем этого сделать. Выйдя на улицу я вытащил из кармана потрепанную страницу "Лайфа". Там была только фамилия руководителя шайки, Луиса Альвареса. Майлз остался в машине, а я зашел в кондитерский магазин и разменял пятидолларовую бумажку на десятицентовые монеты. Затем я взял телефонный справочник и стал звонить всем Альваресам, которых только в Манхатта-не было более двухсот.

— Это квартира Луиса Альвареса, который обвинялся в убийстве Майкла Фермера? — спрашивал я. В ответ — обиженное молчание. Разгневанные речи. Брошенная трубка.

Я израсходовал сорок монет, и мне стало ясно, что таким способом я никогда не попаду на свидание с ребятами.

Я вернулся к Майлзу в машину. Мы оба были обескуражены. Мы не имели ни малейшего понятия, что нам предпринять. Там, в машине, среди небоскребов нижнего Манхаттана, возвышавшихся над нами, я склонил голову. "Господи, — молился я, — если мы здесь по Твоей воле. Ты должен Сам направлять нас. Мы больше не знаем, что делать. Скажи, куда мы должны пойти, потому что мы сами не знаем"

Мы бесцельно двинулись в ту сторону, в которую была направлена наша машина. Оказалось — на север. Мы попали в огромный круговорот машин на Таймс-Сквер. Когда мы выбрались из него, то потерялись у Сентрал Парк, где с трудом догадались о том, что там круговое движение. Мы попытались выехать на первом же повороте, и оказалось, что эта авеню ведёт к центру испаноязычного Гарлема. Внезапно во мне пробудилось желание выйти из машины.

— Давай поищем место для стоянки, сказал я Майлзу. Мы остановились у первого же свободного пятачка. Я выбрался из машины и пошёл по улице. Я остановился в недоумении — внутренне побуждение пропало.

Неподалёку сидела группа парней.

— Где живёт Луис Альварес? — спросил я одного из них. Они молча уставились на меня. Я пошёл дальше. Через некоторое время меня догнал юноша-негр.

— Вы ищете Луиса Альвареса?

— Да.

Он странно на меня посмотрел:

— Того, что в тюрьме за убийство калеки?

— Да. Ты знаешь его?

Юноша продолжал смотреть на меня.

— Это ваша машина? — снова спросил он. Его вопросы начали надоедать мне.

— Да, а что?

Тот пожал плечами.

— Вы как раз перед его домом остановились.

Я почувствовал, как мурашки побежали у меня по телу. Я указал на старый дом.

— Он живёт здесь? — почти прошептал я. Парень кивнул. Я вопрошал иногда у Господа, когда молитвы оставались без ответа, но ещё труднее поверить в столь ясно отвечающую молитву. Мы только что попросили Его направить нас, и Он привёл нас прямо к порогу Луиса Альвареса.

— Благодарю тебя, Боже, — сказал я вслух.

— Что вы сказали?

— Спасибо тебе, большое спасибо, — сказал я.

Увидев на почтовом ящике имя "Альварес", я быстро поднялся на третий этаж. В коридоре было темно и пыльно, пахло мочой.

— Мистер Альварес? — спросил я, найдя дверь с аккуратно написанной табличкой.

Кто-то откликнулся по-испански, и надеясь, что это приглашение войти, я толкнул дверь и заглянул в комнату. Там на стуле сидел стройный темнокожий мужчина с чётками в руках. Он поднял глаза и лицо его просветлело.

— Вы Дэви, — медленно проговорил он. — Вы тот священник, которого вышвырнули полицейские.

— Да, — сказал я и подошёл к нему.

— Я молился о том, чтобы вы пришли. Вы нам поможете?

— Я хочу. Но мне не позволяют увидеть Луиса. У меня должно быть письменное разрешение от вас и от других родителей.

— Я дам его.

Альварес достал из кухонного ящика ручку и листок бумаги. Медленно написал разрешение увидеться с Луисом Альваресом, аккуратно сложил листок и отдал его мне.

— У вас есть адреса и имена других родителей?

— Нет, — ответил отец. — В том-то и дело. Мы не были близки с сыном. Господь привёл вас сюда. Он и доведёт вас до остальных.

Итак, спустя всего несколько минут после того, как мы наугад остановились в Гарлеме, я уже имел одно письменное разрешение. Я вышел из дома Альвареса, размышляя о том, возможно ли, что Господь буквально привёл нашу машину по этому адресу в ответ на молитву отца. Но мой разум искал другого объяснения. Возможно, я видел этот адрес в какой-либо газете и сохранил его в своём подсознании.

Продолжая размышлять об этом, я спускался по ступеням тускло освещённого коридора и тогда случилось то, что никак нельзя объяснить подсознательной памятью. Поворачивая за угол, я едва не столкнулся с юношей лет семнадцати, спешившим наверх.

— Прошу прощения, — произнёс я не останавливаясь.

Он взглянул на меня, что-то пробормотал и помчался дальше. Но когда я проходил под висающим фонарём, он остановился и вновь взглянул на меня.

— Пастор?

Я обернулся. Он вглядывался в сумерках, стараясь получше разглядеть меня.

— Это не вас вышвырнули из суда?

— Да, я Дэвид Уилкерсон. Мальчик протянул руку.

— Я Анжело Моралес. Я из компании Луиса. Вы были у Альваресов?

— Да.

Я сказал Анжело, что мне нужно было их разрешение на свидание с Луисом. И вдруг я почувствовал в этой встрече провидение Господне.

— Анжело, — сказал я, — мне нужно разрешение от родителей всех мальчиков на свидание с ними, но у нас нет их адресов. Но, наверное, ты их знаешь?

Анжело сопровождал нас, пока мы не объехали весь Гарлем, где жили семьи всех находящихся под судом мальчиков. Пока мы ехали, Анжело рассказал нам кое-что о себе. Если бы не зубная боль, он бы тоже был вместе со всеми в ту ночь, в которую ребята "отделали Майкла Фермера". Он сказал, что ребята, идя в парк, ни о чем не думали. Они просто отправились в парк в поисках приключений. Если бы не Майкл Фермер, они бы здорово побесились.

"Побеситься" означало устроить драку между группировками. Мы многое узнали от Анжело, и наше предположение подтвердилось. Ребята из этой компании — все ли они были таковы? — скучали, чувствовали одиночество и внутри у них накопилась злость. Они искали развлечений, жаждали общения с себе подобными — и находили их, где только было возможно.

У Анжело была удивительная способность объяснять многие вещи. Он был смышлёным и привлекательным мальчиком и во всем хотел помочь нам. Мы с Майлзом решили, что, как бы ни повернулись в дальнейшем наши дела, мы будем поддерживать отношения с Анжело Моралесом и укажем ему другой путь.

В течение двух часов мы получили все подписи.

Записав адрес Анжело и пообещав держать с ним связь, мы попрощались и поехали обратно в город. Сердца наши пели от счастья. И мы сами пели, пробираясь через толчею машин на Бродвее. Закрыв окна автомобиля, мы распевали хорошие, старые евангельские песни, которые мы выучили еще в детстве. Свершившиеся за последнее время чудеса вселили в нас уверенность, что, если мы опираемся на поддержку Христа, то все двери будут открыты перед нами.

Откуда мы могли знать, что спустя некоторое время все двери снова с треском захлопнутся перед нами? Ибо, имея все подписи, мы так и не могли повидаться с подсудимыми.

Прокурор округа был очень удивлен, увидев нас так скоро со всеми требуемыми подписями. Он выглядел как человек, который вынужден делать невозможное. Он позвонил в тюрьму и сказал, что, если ребята захотят встретиться с нами, нас должны пропустить.

И вот в самой тюрьме перед нами стало совершенно неожиданное и непонятное препятствие. Воздвигнутое не ребятами, не властями города, а нашим собратом-священником.

Тюремный капеллан, который заботился о ребятах, решил, что их знакомство с новым священником выведет их из духовного равновесия. Каждый мальчик написал бумагу: "Мы хотим поговорить с Дэвидом Уилкерсоном". Но капеллан зачеркнул "хотим" и вписал "не хотим", и никакие мольбы не заставили его изменить свое решение.

И вот мы вновь пересекаем мост Джорджа Вашингтона, весьма и весьма обескураженные. Почему так случилось, что мы получили такую поддержку, но в конце все наши старания снова сведены на нет?

Когда поздно вечером мы ехали вдоль Пенсильвания Тернпайк и до дому оставалась еще половина пути, я вдруг увидел луч надежды в поглотившей нас тьме.

— Ха! — воскликнул я, разбудив своим возгласом Майлза.

— Что "ха"?

— Я знаю, что делать.

— Вот и хорошо, что все уладилось, — сказал Майлз, отворачиваясь и снова закрывая глаза.

Этот луч надежды мелькнул в образе замечательного человека — моего деда. Я надеялся, что он разрешит мне приехать к нему и изложить все мои затруднения.

Глава 5

— Знаешь, что я думаю обо всем этом? — спросила Гвен.

Мы пили с ней чай на кухне перед моим отъездом к бабушке.

— Мне кажется, тебе необходимо почувствовать свою причастность к некоей великой традиции. Я думаю, тебе хочется соприкоснуться с прошлым, и мне кажется, что ты прав. Окупись в прошлое, Дэвид, именно это тебе сейчас нужно.

Я позвонил бабушке и сказал, что приеду к нему.

— Приезжай немедленно, — ответил он. — мы обо всем поговорим.

Моему деду было 79 лет, и он, как всегда, был полон энергии. Раньше моего деда знали везде. Он был англо-уэльско-голландского происхождения и был сыном, внуком и, может быть, правнуком священников. Начало традиции теряется в раннем периоде протестантской Реформации в Западной Европе и на Британских островах.

Насколько я знаю, с тех пор, как священнослужители начали совершать христианские бракосочетания, в каждом приходе был какой-нибудь Уилкерсон. До фермы моего деда, расположенной в Толедо, штат Огайо, было довольно далеко. Большую часть пути я провел в раздумьях о минувшем: то были очень живые воспоминания, особенно, когда речь шла о бабушке.

Бабушка родился в Кливеленде, штат Тенесси. К двадцати годам он уже был священником. Это хорошо, что он был молод, потому что жизнь была сурова. Он был разъездным проповедником. Это означало, что большую часть времени он проводил в седле. Он ездил верхом от одной церкви к другой и обычно сам был и проповедником, и регентом, и церковным сторожем. Он всегда приходил в церковь первым, включал свет, выметал мышинные гнезда и проветривал помещение. Затем собиралась вся община и они пели что-нибудь старое — "Удивительная милость", "Что за друг нам Христос" и другие. Затем он проповедовал.

Проповеди моего бабушки были довольно необычными, и некоторые примеры и аргументы шокировали его современников. Например, когда мой бабушка был молодым священником, считалось грехом носить ленты и перья. В некоторых церквях прихожане приносили ножницы. И если к алтарю подходила женщина, у которой на шляпе была лента, эти ножницы пускались в ход, да ещё читались нотации". Как же вы попадете на небеса со всеми этими лентами на вашей одежде?"

Но мой бабушка изменил свое мнение на этот счет. Став старше, он создал особый принцип евангелизации, который он назвал "методом отбивных".

— Ты побеждаешь людей точно так же, как ты побеждаешь собаку, — часто говорил он. — Ты видишь на улице собаку с костью в зубах. Ты ведь не отбираешь у нее эту кость и не объясняешь, что это вредно для нее, просто даешь ей отбивную и она бросает свою кость. Вместо того, чтобы забирать кости у людей или срезать перья с их одежды, я лучше подброшу им отбивных. Что-нибудь с настоящим мясом и жизнью внутри. Я расскажу им о Новом Начале.

Бабушка проповедовал не только в церквях, но и на собраниях в палатках. До наших дней докатилась слава о том, как интересно удавалось старому Джею Уилкерсону проводить такие собрания. Однажды, например, он проповедовал в Джамайке, церкви на Лонг Айленде в Нью-Йорке. Собралось много народу, потому что был воскресный день и к тому же 4 июля — День независимости.

В тот день мой бабушка заехал к своему другу по какому-то делу, связанному со скобяными товарами. И тот показал ему какой-то новый материал, который трещал и рассыпался искрами, когда на него наступали. Он рассчитывал, что это пригодится ему на фейерверке Четвёртого июля. Бабушка был весьма заинтригован этим веществом и купил себе некоторое количество. Затолкав его себе в карман, он вскоре забыл о нем.

Мой бабушка в тот день говорил о новой жизни во Христе, а также об аде, живо и образно описывая его. Во время проповеди его рука нащупала в кармане то самое вещество. Тихонько он высыпал его позади себя и с невозмутимым видом продолжал повествовать об аде, прохаживаясь по платформе, как вдруг из-за его спины повалил дым и затрещали искры. Вскоре разнеслась молва о том, что уж если Джей Уилкерсон проповедует об аде, то этот ад можно увидеть воочию. Полагали, что мой отец будет таким же странствующим служителем, что и дед. Но мой отец был совершенно другим человеком. Он был больше священник, чем евангелист. Поскольку мой бабушка проповедывал по всей стране, то мой отец вырос, остро ощущая недостаток надёжности и безопасности постоянного дома, и это отразилось на его карьере. За время своей службы священника он переменял только четыре церкви, тогда как мой бабушка каждый вечер был в новой. Мой отец создавал постоянные надёжные церкви, где его любили и в любое время могли обратиться к нему со своими бедами и нуждами.

— Я думаю, что для церкви необходимы оба типа священников, — сказал мне однажды отец, когда мы жили в Питсбурге. — Но я завидую способности твоего деда выбивать гордость из людей. Нам этого как раз недостает сейчас.

Именно это и произошло у нас, когда бабушка в очередной раз заскочил к нам (он всегда именно "заскакивал").

Церковь моего отца располагалась в фешенебельном пригороде Питсбурга, где жили банкиры, юристы, врачи. Это было достаточно необычное месторасположение для церкви пятидесятников, так как наши службы бывают шумны и вольны. Мы старались проводить наши богослужения скромно и тихо из уважения к окружающим. Но бабушка решил показать, что мы неправы.

В те дни все наши прихожане старались подражать жизни своих соседей — быть степенными и светскими.

— И мёртвыми, — говорил дед, — а ведь вера даёт жизнь.

Отец пожал плечами, ему пришлось согласиться. И тут он допустил ошибку — попросил деда проповедовать вместо него в воскресенье.

Я присутствовал на той службе и никогда не забуду выражения лица моего отца, когда пришел дедушка и первым делом снял свои грязные калоши и поставил их прямо на алтарь.

— Ну, — сказал мой дед, поднимаясь и осматривая пораженную общину, — что смущает вас в этих грязных калошах на алтаре? Я немного запачкал вашу прекрасную церковь? Я уязвил вашу гордость? Держу пари, что если бы я задал вам этот вопрос, вы бы ответили, что у вас ее нет.

Отец поёжился.

— Давай, давай, выкручивайся, — сказал дед, поворачиваясь к нему. — Где дьяконы церкви? Дьяконы подняли руки.

— Я хочу, чтобы вы открыли все окна. Мы немного пошумим. Я хочу, чтобы все эти банкиры и судьи, сидящие на верандах своих домов, узнали, что это такое — радость в вере. Сегодня вы сами будете проповедывать своим соседям.

Затем дедушка попросил всех встать. Мы все поднялись со своих мест. Дедушка приказал нам маршировать по церкви, хлопая в ладоши. И мы маршировали и хлопали в ладоши. Он заставил нас хлопать в ладоши 15 минут, и потом, когда мы хотели закончить, он покачал головой, и мы продолжили.

Затем он приказал нам петь. И так мы маршировали, хлопали в ладоши и пели, и каждый раз, когда мы замедляли шаг или переставали пение, дедушка открывал окна еще шире. Я взглянул на отца и понял, о чём он сейчас думает: "Что ж, этого я не переживу, но, всё-таки, хорошо, что так получилось". И он запел громче всех.

Вот эти была служба!

Отец узнал о реакции соседей на следующий день. Он пришел в банк по делу. И конечно же, за большим столом сидел один из наших соседей. Отец хотел повернуть назад, но тот окликнул его.

— Преподобный Уилкерсон, вот это пение было у вас вчера в церкви! Все говорят об этом. Мы знали, что ваши люди хорошо поют и мы все время ждали, когда вы запоете. Это самое замечательное из всего того, что случилось в нашем районе.

Следующие три года в церкви царил дух свободы и силы. Это было для меня хорошим уроком.

— Ты должен проповедовать Пятидесятницу — сказал дедушка моему отцу, когда позднее они обсуждали ту службу. — Будучи освобожденной от всяческих наслоений. Пятидесятница означает силу и жизнь. Вот что вошло в церковь в тот момент сошествия Духа Святого в день Пятидесятницы.

— И когда в тебе есть сила и жизнь, — продолжал дедушка, — значит ты здоров, а если ты здоров, значит, ты можешь немножко и пошуметь. Это полезно для тебя и, естественно, ты можешь немного испачкать свои башмаки.

Для дедушки испачкать башмаки означало не только ходить туда, где грязь и нужда, но также и то, что можно стереть носки ботинок от долгого моления на коленях.

Мой дед был муж молитвы, и вся его семья была похожа на него в этом отношении. Он воспитал моего отца в любви к молитве, а отец, в свою очередь, передал это мне.

— Дэвид, а ты молишься о помощи, когда у тебя неприятности? — спросил однажды у меня дед.

Сначала этот вопрос показался мне незначительным, но дедушка настаивал и я понял, что он клонит к чему-то очень важному.

Конечно же, я благодарил Бога за все хорошее, что у меня было: за родителей и дом, за учебу. И я постоянно, всей душой молился о том, чтобы однажды Господь избрал меня для исполнения Его воли в этом мире. Но я редко молил Бога о какой-то конкретной помощи.

— Дэвид, — сказал дед, глядя на меня без обычной искринки в глазах, — день, когда ты научишься открыто молиться о какой-то особой нужде, станет днём, в который ты познаешь силу молитвы.

Я тогда не все понял из того, что он мне говорил, потому что мне было всего 12 лет и еще я инстинктивно боялся этой мысли — молиться открыто, публично. Это означало сказать вслух, так, чтобы слышали другие: "Я хочу того-то и того-то". А это означало идти на риск, что молитва не будет услышана.

Смысл дедушкиного высказывания открылся мне совершенно неожиданно и при трагических обстоятельствах. Сколько я помнил, мой отец был очень болен. У него была язва двенадцатиперстной кишки и более десяти лет он жаловался на боли.

Однажды, возвращаясь из школы, я увидел промчавшую мимо меня "скорую помощь". Я сразу догадался, куда она направляется и ещё издали услышал крики отца. В гостиной сидели несколько человек из нашей церкви. Врач не пустил меня в комнату к отцу. Я бросился к маме.

— Мама, он умирает?

Мать посмотрела мне в глаза и решила сказать правду:

— Врач полагает, что он проживет не более двух часов.

В это время отец особенно громко закричал от боли. Мать сжала мое плечо и быстро побежала в комнату.

— Я здесь, Кеннет, — сказала она, закрывая за собою дверь, но прежде, чем дверь закрылась, я увидел, почему меня не пустили к отцу. Его постель и пол были залиты кровью.

В этот момент я вспомнил слова дедушки: "Тот день, когда ты научишься открыто молиться о чём-нибудь особенном, то будет день, когда ты почувствуешь силу". Вначале я хотел пойти в гостиную, где

сидели члены общины, и сказать, что я буду молиться за то, чтобы мой отец выздоровел, но не смог этого сделать. Даже в этот критический момент я боялся подвергнуть испытанию свою веру. Не вняв словам деда, я спрятался от всех в подвале, где у нас хранился уголь, и начал молиться, стараясь громкостью голоса восполнить недостаток веры.

Я не подозревал, что молился я как бы в громкоговорящую систему.

Наш дом обогревался горячим воздухом, и в каждую комнату были проведены трубы для него, выходящие из печи, рядом с которой я молился, поэтому мой голос разносился по всем комнатам. Сидевшие в гостиной вдруг услышали жаркую молитву, как бы проникавшую через стены. Слышали ее и врач. и мой отец, лежавший в кровати.

— Позовите сюда Дэвида, — прошептал он. Меня провели наверх мимо любопытных глаз. Я пришел к отцу. Отец попросил доктора Брауна немного подождать в холле и сказал, чтобы мама прочитала 22 стих из 21 главы Евангелия от Матфея. Мать открыла Библию, нашла нужное место и прочитала: "И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите". Я почувствовал сильное волнение:

— Мама, не можем ли мы применить это к папе?

Мать прочла этот отрывок раз двенадцать, и, пока она читала его, я поднялся с кресла, подошел к отцу и положил руку на его лоб.

— Иисус, — молился я, — Иисус, я верю тому, что Ты сказал. Исцели моего папу.

Затем я подошел к двери, открыл ее и сказал громко и четко:

— Пожалуйста, войдите, доктор Браун. Я... (мне трудно было вымолвить это) я молился с верой в то, что отцу станет легче.

Доктор Браун снисходительно отнёсся к серьёзности двенадцатилетнего мальчика, улыбнулся тёплой сострадательской, но без тени веры улыбкой. Но эта улыбка сменилась сначала замешательством, затем выражением крайнего удивления, когда он осмотрел отца.

— Что-то произошло, — сказал он. Голос его прозвучал так тихо, что я еле расслышал, что он сказал. Дрожащими руками доктор Браун взял инструменты и измерил отцу давление.

— Кеннет, — произнёс он, поднимая веки моего отца, ощупывая его живот и проверяя давление, — Кеннет, как вы себя чувствуете?

— Я чувствую как будто бы прилив сил.

— Кеннет, — сказал доктор, — я только что был свидетелем чуда.

Мой отец тут же встал на ноги, а я в тот же момент был избавлен от сомнений о силе молитвы.

В этот день, направляясь на дедушкину ферму, я вспомнил этот случай, происшедший много лет назад.

Я был очень рад увидеть деда таким же жизнерадостным, как всегда. Он стал немного медлительным в движениях, но его ум был по-прежнему живым и мудрость пронизательной. Он уселся в старое кресло, и я рассказал ему о всех моих приключениях. Я говорил около часа без перерыва, а он только изредка задавал мне вопросы. Я закончил свое повествование своим собственным вопросом:

— Дедушка, что ты думаешь насчет всего этого? Как ты считаешь, был ли это Божий призыв помочь тем ребятам?

— Нет, — сказал дед.

— Но столько всего... — начал я.

— Я думаю, — продолжал он, — что эта дверь навсегда закрылась для тебя, Дэвид. Думаю, что Господь не даст вскоре возможности тебе увидеть тех семерых ребят. И я скажу тебе, почему. Потому что, если ты увидишь их, ты сочтешь, что твоя миссия среди нью-йоркских подростков закончена. А я думаю, что для тебя приготовлены более важные вещи.

— Что ты имеешь в виду?

— Дэви, сынок, у меня такое ощущение, будто тебе вовсе и не предназначалось встретиться с этими семерыми ребятами, но, напротив, с тысячами таких, как они.

Сделав паузу, чтобы я всё понял, дед продолжал:

— Я имею в виду всех запутавшихся, опутанных грехом и преступлением ребят Нью-Йорка, которые могут кончить убийством, если мы не поможем им. У меня такое предчувствие. А ты, Дэвид, единственное, что должен сделать — это расширить свой горизонт.

Мой дедушка умел вдохновить меня. Мое прежнее желание как можно скорее убраться из Нью-Йорка переросло в совершенно противоположное желание вернуться назад и как можно скорее взяться за работу. Я сказал это деду, но он только улыбнулся в ответ.

— Легко говорить об этом, сидя в этой теплой кухне и разговаривая со своим старым дедушкой. Но подожди, когда ты встретишься с этими подростками и увидишь, насколько они полны ненависти и греха, ты увидишь, как нелегко будет работать с ними. Они хуже, чем ты думаешь. Это всего лишь подростки, но они знают уже, что такое убийство, изнасилование, гомосексуализм. Как ты собираешься разрешить такие проблемы, когда столкнешься с ними?

— Честно говоря, я не знаю.

— Позволь мне самому ответить на этот вопрос, Дэвид. Вместо того, чтобы останавливаться на этом, ты должен сосредоточить все внимание на самом главном в Евангелии. А что, ты думаешь, является самым главным?

Я посмотрел ему в глаза.

— Я достаточно много слушал своего собственного деда, чтобы дать ему ответ из его собственных же проповедей. Самое главное в Евангелии — это возрождение, рождение к новой жизни.

— Ты отлично отбарабанил это, Дэвид. Подожди. и ты увидишь, как действует Господь. И тогда в твоём голосе будет больше волнения. Для тебя это пока только теория. И все же великое во Христе очень просто: настоящая встреча человека с Богом производит перемену в нём.

Судя по тому, что силы моего деда в конце концов начали иссякать, я понял, что наш разговор скоро закончится. Дедушка встал с кресла и пошел к двери. Но зная, что в душе он любит драмы, я чувствовал, что самое важное в нашем разговоре будет произнесено сейчас.

— Дэвид, — сказал дедушка, взявшись за ручку двери, — я действительно обеспокоен твоей будущей жизнью в Нью-Йорке. До сих пор ты был защищён совсем другим образом жизни. Когда ты встретишься с человеческой злобой во плоти, это может глубоко потрясти тебя.

И он рассказал историю, которая, как мне показалась вначале, не имела никакого отношения к нашему разговору:

— Однажды я прогуливался по холмам и увидел огромную змею толщиной 3 дюйма и 5 футов длиной. Она зловеще сверкала на солнце своей безобразной кожей. Я испугался её и не двигался, просто смотрел. И там я увидел чудо — рождение нового существа. Змея сбросила свою старую кожу, превратившись в новое, поистине прекрасное творение. Она уползла, а старая кожа осталась лежать на солнце.

Когда ты начнешь работать в Нью-Йорке, не ужасайся внешнего вида твоих ребят, как я тогда вида змеи. Бог не обращает на это внимания. Он ждёт, пока каждый из них не сбросит свою старую кожу. Он желает видеть человека, рожденного заново. Не забывай об этом. Дэвид, когда ты встретишь своих змей, которых очень много на задворках Нью-Йорка.

Глава 6

Я ехал в Нью-Йорк совершенно новым человеком. Я уже не был тем, кто приехал только для того, чтобы помочь семерым ребятам, обвиняемым в убийстве. "Но если я должен делать что-то другое, я бы хотел иметь полное представление о том, что мне предстоит делать", — сказал я себе.

Где-то в глубине моего разума имелось некое видение, будто полузабытый сон. Я знал только, что оно имело отношение к помощи, которую я должен оказать ребятам, таким же, как Луис и его друзья.

Пока же я не хотел упускать ни единого шанса найти контакт с компанией Луиса. Приговор уже был вынесен. Четверем — тюремное заключение, включая самого Луиса, троих отпустили. Из этих троих одного отправили в психиатрическую больницу, второго родители должны были увезти из города, третий возвращался домой. Я решил встретиться с ним.

Когда я пришел по адресу на 125 улицу, я увидел на двери новое имя. Тем не менее, я постучал и не удивился, когда дверь открыла мать того мальчика. Она помнила меня с тех пор, как я был у них прошлый раз, и, казалось, была рада видеть меня.

— Входите, — сказала она, — как видите, нам пришлось сменить фамилию на двери. Нам нет покоя, однажды на стене написали: "Вышлите своего сына из города или убейте его"

В гостиной их четырехкомнатной квартиры на кресле, на диване, на столе — всюду лежали груды газет, в которых были напечатаны заметки о суде.

— Вы просто не представляете, преподобный Уилкерсон, что значит каждый день открывать газеты и видеть фото своего сына в зале суда. Все эти газеты нам принесли соседи. Мужу приносили такие газеты ещё и на работу.

Мы пошли на кухню, в которой вкусно пахло жареным, и там обсудили планы на будущее.

— Вы сделаете попытку остаться здесь?

— Мы хотели бы уехать, но не можем из-за работы мужа.

— Но здесь вашему сыну грозит опасность.

— Да.

— Не хотели бы вы отправить его к нам в Пенсильванию? Ему там будут очень рады.

— Нет, — ответила женщина, переворачивая жаркое, — когда мой сын вернется из суда, мы наверняка отошлем его отсюда. Но только с кем-то из своих. Никто не увидит его больше, как будто он никогда здесь и не жил.

Через полчаса, выходя из дома, я увидел ту надпись, о которой мне говорила мать подростка, начертанную желтым мелом на стене дома. Кто-то старался стереть ее, но все же можно было разобрать: "... или убейте его".

Таким образом, мне опять не удалось встретиться и с этим мальчиком из компании Луиса. Вероятно мне следовало признать, что в этих закрытых дверях всё же есть какой-то смысл. Возможно, этот смысл был в появившейся мечте, преследовавшей меня. Каким бы неподготовленным я ни был, я настроился встретить на этих улицах то, что можно было бы назвать судьбой.

— Господи, — сказал я, покидая 125 улицу и направляясь к своей машине, — если Ты посылаешь меня сюда, то научи меня, как действовать.

Это было началом моих четырехмесячных скитаний по улицам Нью-Йорка. На протяжении марта, апреля, мая и июня 1958 года я приезжал в город каждую неделю в свой выходной. Я вставал рано утром, приезжал в Нью-Йорк и до ночи бродил по улицам города, возвращаясь домой рано утром следующего дня.

Я тратил время не напрасно. Меня не покидало чувство, что мне поставлена цель свыше, хотя всё это не становилось менее таинственным. Я не мог поступать по-другому. Каждую неделю я вновь и вновь возвращался в город, старался быть открытым, всё время ожидая ответа.

Я хорошо помню первый вечер моих четырехмесячных скитаний. Мария сказала мне тогда, что одним из самых жестоких районов Нью-Йорка является Бердфорд Стувезан, Бруклин.

— Пастор, — сказала она, — если вы хотите увидеть Нью-Йорк с самой его худшей стороны, поезжайте по Бруклинскому мосту и раскройте пошире глаза.

Хотел ли я на самом деле увидеть Нью-Йорк с самой худшей стороны? Я не был в этом уверен. Но, все-таки, семеро участников дела Фермера родились в этом логове. И если я хочу расширить свои горизонты, как сказал мой дед, может мне сначала опустить глаза?

Итак, я проехал по Бродвею, миновал Тайме Сквер и Мартиник, где мы останавливались с Майлзом, и далее к Бруклинскому мосту. На другой стороне я получил точные указания как ехать от полицейского. Итак, я впервые ехал в то место, где, как полагают, убийц на квадратный фут больше, чем где бы то ни было на земле. Тогда, робко двигаясь по улицам, я еще не знал, что спустя некоторое время эти места будут так же знакомы мне, как родные улицы Филипсбурга.

Когда-то Бедфорд Стувезант населяли семьи среднего класса, которые жили в аккуратных домиках с садиками. Теперь это — негритянское и пуэрториканское гетто. Я въехал в этот район холодным мартовским вечером, и мне пришлось долго ездить, прежде, чем я смог найти свободную стоянку для машины. Здесь улицы практически не очищались от снега и большинство машин будто примерзли к бордюрам. Пешком ходить было рискованно, в слякоти по щиколотку и по скользким кучам отбросов. Я бродил в одиночестве по улицам, всматриваясь и вслушиваясь в ту жизнь, о существовании которой просто не подозревал, находясь в безопасности своих гор.

На обледенелой мостовой лежал пьяный. Когда я остановился, чтобы помочь ему, он обругал меня. Я сказал о нем полицейскому. Он пожал плечами и сказал, что разберется. Отойдя немного, я обернулся и увидел, что полицейский по-прежнему стоял на месте, помахивая дубинкой.

У открытой двери стояли две девушки.

— Сюда, сюда! — крикнули они мне. — Ты ищешь компанию?

Напротив, через дорогу, группа подростков столпилась у кондитерского магазина. На них были кожаные куртки с любопытным знаком сзади. Я хотел поговорить с ними, но не решался. Будут ли они слушать меня, или станут смеяться надо мной?

В конце концов, я не подошел к ним этим вечером. Я прошелся еще немного мимо баров, переполненных мусорных баков, мимо церквей и полицейских участков, мимо полуразрушенного дома с разбитыми окнами и дощечкой с надписью "По газонам не ходить", торчащей из грязного снега.

Возвращаясь к машине, я услышал три коротких выстрела. Потом я подумал, что, наверное, ошибся, потому что все люди на улице были спокойны. Но через минуту мимо меня пронеслась полицейская машина, завывая сиреной и мигая красными огнями. Только шесть человек остановились посмотреть, как полицейские выносили из дома мужчину с повисшей плетью рукой, из которой капала кровь. У него было прострелено плечо. Чтобы собрать толпу в Бедфорд-Стувезан нужно было нечто большее, чем выстрел в плечо.

Я вернулся в машину, повесил на окно старую рубашку, уединившись таким образом, укрылся ковриком и уснул.

Сейчас бы я так не поступил. Теперь-то я знаю наверняка, что мне нечего было бояться взрослых или подростков. Вся опасность была в малышах. Эти восьми-, девяти-, десятилетние дети по-настоящему опасны, потому что они совершают насилие ради насилия. У них есть ножи и пистолеты, оружие их старших товарищей, и они думают, что действуют, как мужчины, пуская его в ход. Если бы мне сегодня пришлось ночевать на улице, я боялся бы именно таких малышей. Но в то утро я проснулся в полном порядке. Может, меня защитила моя собственная наивность, или спасли слова из 90 Псалма, которые я многократно повторял, прежде чем уснуть:

Ибо ты сказал: "Господь — упование моё", Всевышнего избрал ты прибежищем твоим. Не приключится тебе зло. а язва не приблизится к жилищу твоему. Ибо Ангелам Своим заповедал о тебе — охранять тебя на всех путях твоих. На руках понесут тебя, да не преткнёшься о камень ногою твоею. На аспида и василиска наступишь, попирать будешь льва и дракона.

Постепенно я изучил все эти улицы за четыре месяца хождений по ним. В этом мне много помогли Мария и Анжело. Я поддерживал тесную связь с Анжело после той первой встречи с ним.

— Анжело, — спросил я его однажды, когда мы шли по Гарлему, — как ты думаешь, что является самой большой проблемой для ребят вашего города?

— Одиночество, — не задумываясь, ответил он.

Это был странный ответ: одиночество в восьмимиллионном городе? Но Анжело сказал, что это чувство возникает оттого, что никто не любит тебя. По сути дела, все члены банды были очень одиноки. Чем больше я узнавал Нью-Йорк, тем более убеждался, что Анжело был прав.

До тех пор, пока я лично не столкнулся с проблемами этих ребят, я не знал, что представляет собой уличная компания подростков. У нас было нечто подобное в Питсбурге, где я вырос. Там дети собирались вместе после школы и устраивали на пустыре клуб. Там они вели разговоры о девочках, об автомобилях, о спорте, о родителях. Я полагаю, что желание подростков собираться вместе, чтобы как-то уединиться от мира взрослых и в то же время исследовать его, совершенно естественно.

Подобные компании есть и в Нью-Йорке, просто социальные объединения, не выходящие за рамки своих функций. Но есть еще и другая разновидность таких компаний. Это дерущиеся шайки, сражающиеся банды. Эти ребята живут насилием.

Я знаю случай, когда драка планировалась два месяца. Но я знаю и другой случай, когда в два часа дня десять ребят стояли на углу улицы и пили лимонад, а в четыре часа один из них был уже мертв, а двое других отправлены в больницу. Между шайками постоянно горела война.

Как я узнал, в городе существовали разные виды шаек. Кроме драчунов, были шайки гомосексуалистов, лесбиянок, садистов. После того, как я познакомился с большим количеством ребят, я узнал о диких вечеринках, которые они устраивали после школы в заброшенных помещениях и подвалах. Иногда они собираются, например, для того, чтобы выдергивать лапы у кошек. Другие вечеринки сугубо сексуальные. Ребята рассказывали, что часто они забираются в темный уголок парка, собираясь кружком вокруг одной парочки и взаимно мастурбируют, в то время как парочка совершала половой акт прямо на земле.

Эта сторона жизни подростковых компаний была просто потоком порнографии. Но то, что они мне показывали, были не обычные порнографические открытки. Эти карточки изображали неестественные акты, совершаемые между ребятами и девушками, а также половые акты с животными. Дети рассказывали мне, что часто они проводили целые вечера в своих клубах, учась по этим карточкам.

Но как бы ни были омерзительны занятия этих подростков, одно из них — наркомания — превосходило все.

Вскоре я сам столкнулся с разносчиками марихуаны. Они чаще находились в школьных дворах, проявляя настойчивость и нахальность. Они свободно говорили о своём бизнесе и настаивали на том, что я сам попробовал покурить, уж если мне так интересно знать, в чём тут дело.

Тогда я показал одному из них фотографию из газеты, на которой был изображен мальчик, скорчившийся от боли на больничной койке в момент окончания действия наркотика. Он рассмеялся.

— Не беспокойтесь. Этот мальчик употреблял героин. Небольшая доза марихуаны не принесет вам никакого вреда. Это как сигарета.

Не причиняет вреда? Употребление марихуаны не является наркоманией, но ведёт к использованию героина, одного из самых жестких наркотиков, известных человеку.

Однажды я видел "ломку", как они говорят. В то время было недостаточное количество наркотиков из-за многочисленных арестов поставщиков. Проходя по одной из улиц Бедфорд-Стувезан, я услышал пронзительный вопль. Никто не обратил ни малейшего внимания. Крик продолжался...

— Похоже, что кто-то попал в беду, — сказал я женщине, выглядывавшей из окна первого этажа. Она подняла голову, прислушалась и пожалала плечами.

— Это парень на третьем этаже. Ему 20 лет. Это героин. Он на игле и сейчас не может достать дозу.

— Вы знаете его?

— С пеленок.

— Можно ли хоть чем-то ему помочь?

— Чем например? Единственное, что ему сейчас может помочь, это смерть...

— Неужели нельзя отправить его в больницу?

Женщина посмотрела на меня.

— Мистер, вы здесь новый человек, не правда ли?

— Да.

— Можете попробовать поместить его в больницу и вы увидите, что из этого получится.

Я все время вспоминаю ее слова. Во всем Нью-Йорке есть только одна больница Ривер-сайд, где могут оказать помощь наркоману. Но она так переполнена, что попасть в нее практически невозможно. Кроме больницы Ривер-сайд, можно еще сделать заявку в единственную в США лечебницу, где могут принять больного из Нью-Йорка — федеральное учреждение в Лексингтоне, штат Кентукки, специализирующееся по этой проблеме.

Драки, секс, наркомания — таковы внешние проявления бед подростков Нью-Йорка. Но, как сказал Анжело, это было следствием лишь одной болезни: одиночества. Жажда чего-либо значительного в жизни. Самым печальным, что я обнаружил во время своих прогулок по улицам, были потрясающе низкие интересы этих ребят. Некоторые из них попытались описать свои мечты.

Мечты? Можно ли действительно назвать мечтой и целью жизни приобретение новой шляпы? Такой, знаете, с узкими полями. Такая шляпа является символом для этих ребят. Не один раз я видел парня, дрожащего от холода без пальто, но на голове у него была 25-долларовая альпийская шляпа со стильным пером.

Другие же мечтают о путешествии. Аж по Бруклинскому мосту в Манхэттан, например. Вот это было бы приключение! Когда-нибудь... Как-нибудь...

Все эти ребята были отделены друг от друга, каждый замыкался в своей скорлупе. Я встречал много ребят, которые никогда не были за пределами Бруклинского моста из-за боязни встретить шайки из Манхэттана и Бронкса.

Постепенно у меня вырисовывался стереотип такого подростка, его беды, начинающейся с одиночества, бегство от которого ведёт к стычкам между группировками, сексуальным оргиям, наркомании и кончающейся ранней и постыдной смертью. Чтобы проверить свои собственные впечатления, я посещал полицейские участки, разговаривал с работниками по социальным вопросам, патрульными офицерами. провел много времени в публичной библиотеке. В конце концов, я получил настолько ошеломляюще безнадежное впечатление о проблемах подростков Нью-Йорка, что чуть было не отступил. И как раз в этот момент Дух Святой помог мне.

Нет, здесь не последовало никаких драматических событий. Просто Он вдохновил меня, прояснил то видение, которое до сих пор было как смутно вспоминаемый сон.

Я ехал назад, в Филипсбург, рассеянно поглядывая на отсчитывающий мили спидометр. И вдруг я спросил себя: "Предположим, что тебе дана возможность исполнить желание в отношении этих ребят. Что бы ты посчитал наилучшим для них?"

И я знал ответ: чтобы они могли начать совершенно новую жизнь и иметь чистоту и невинность новорождённых. И более того. чтобы становясь старше, они были бы окружены любовью вместо ненависти и страха. Увы, это было невозможно. Не могут они, уже подростки, зачеркнуть все то, что произошло в их жизни. И как можно создать для них новое окружение?

"Господи, Ты ли поместил эту мечту мне в сердце, или это плод моей фантазии?"

Они должны начать новую жизнь и их должна окружать любовь.

Эта идея приобрела в моем сознании такую же завершенность и ясность, как первое побуждение ехать в Нью-Йорк; и в это время в моем воображении возник образ дома. в который могли бы приходить эти дети. Хороший дом, где они могли бы чувствовать себя хозяевами, где бы их ждали и любили. Они могли бы жить в этом доме столько, сколько им захочется. Двери дома всегда будут открыты для них, там будет много кроватей, много одежды и большая кухня.

— О, Господи! — сказал я громко. — Какая чудесная мечта! Но для этого нужно чудо. Много чудес, которых я еще никогда не ридел.

Глава 7

Через неделю я снова поехал в Нью-Йорк, но на этот раз я находился в странном расположении духа: с одной стороны, я был вдохновлён моей новой мечтой, с другой стороны — глубоко подавлен. Чем больше я узнавал врага в этом большом городе, тем больше сознавал свою беспомощность и отсутствие способностей сражаться с ним.

Враг таился в социальных условиях, в существовании трущоб Нью-Йорка, готовых захватить одиноких и лишённых любви подростков. Этот враг давал легковесные обещания безопасности и свободы, счастья и вознаграждения. Он давал невинные названия их порочным увлечениям. Он делал из своих жертв личности, до сердец которых почти невозможно было достучаться. Он воздвигал вокруг этих подростков непробиваемую стену жестокосердия, заставляя их гордиться этой жестокостью.

Я ощутил свою слабость перед его силой. У меня не было никакого обычного оружия против него — не было опыта, не было денег, не было какой-либо организации, поддерживающей меня. Я боялся этого сражения.

И вдруг я вспомнил один случай, когда я испугался драки. Это было очень давно, когда я был еще ребенком и мы только что переехали в Питсбург. Когда я рос, я не получал никаких наград, обещавших мне жизненный успех. Я всегда был очень хрупким и еще худощавее, чем сейчас. Я содрогался от одной только мысли о кулачном бое.

И, все-таки, самое смешное заключается в том, что за все годы моей учебы я ни разу не подрался именно потому, что у меня была репутация самого упрямого и несговорчивого парня. Все это было очень странно, и чем больше я об этом думал, тем больше я размышлял о том, имело ли это какое-либо значение для меня сейчас.

У нас в школе был мальчик по имени Чак, гроза всей округи. Он был первым, о ком я узнал в Питсбурге. Прежде, чем мы успели распаковать свои чемоданы, я узнал, что Чак всегда избивает новичков и мне следует быть особенно осторожным, так как особенно он не жалуется детей священников.

Я еще не видел самого Чака, но по слухам уже боялся его. Что я буду делать при встрече с ним? Я спросил об этом у Бога, ответ пришел очень быстро, и он был очень ясным и четким:

не воинством и не силою, но Духом Моим. Я знал это место: Захария 4:6. С тех пор этот отрывок стал моим девизом. Когда настало время встречи с Чаком, я решил целиком положиться на это обещание. Бог даст мне святую смелость, которая не сравнится ни с какой силой.

И очень скоро мне представилась возможность проверить свою теорию.

Однажды весной я вышел из школы один. На мне была новая одежда, что было ещё одним важным обстоятельством, чтобы я не вступал в драку: в нашей семье и так с трудом "выкраивали" деньги на новую одежду, чтобы испортить ее в уличной потасовке.

И вдруг я увидел, что по направлению ко мне идет какой-то мальчик. Я увидел, что это Чак. Он шел по противоположной стороне улицы. Увидев меня, он бросился ко мне, как тяжелый разъяренный бык. Чак был огромным мальчиком. Он, наверное, весил фунтов на 50 больше меня. Он так возвышался надо мной, что мне пришлось вытянуть шею, чтобы взглянуть ему в глаза.

Чак остановился передо мной как вкопанный.

— Ты сын священника.

Это звучало не как вопрос, а как вызов. И, признаться, в тот момент я здорово струсил и вся моя смелость пропала. Я очень сильно испугался.

"Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф" Я снова и снова повторял эту фразу в то время, как Чак внимательно осматривал меня и высказывал свое мнение обо мне. Прежде всего он сказал, что я глупо выгляжу в новой одежде, затем он вполне правильно заявил, что я слабак. После этого он сказал несколько слов о детях священников вообще.

"... Духом Моим, говорит Господь..." Я не произносил этого вслух, но внутри меня происходило что-то странное. Я чувствовал, что мой страх проходит, и вместо него появляется уверенность и радость. Я взглянул на Чака и улыбнулся.

Чак бесился все больше и больше. Его лицо налилось кровью, он явно вызывал меня на Драку.

Я продолжал улыбаться.

Чак начал ходить вокруг меня со сжатыми кулаками. Но на его лице было заметно беспокойство. Он видел, что по какой-то непонятной причине действительно этот парнишка не боялся. Я тоже ходил за ним и, не отрывая от него глаз, все время улыбался.

Наконец. Чак ударил меня. Это был нерешительный легкий удар, который даже не причинил мне боли. и я не упал. Я тихонько засмеялся.

Чак перестал ходить вокруг меня. Он опустил кулаки, повернулся и пошел прочь от меня.

На следующий день в школе все только и говорили о том, что я побил самого сильного задиру. Чак сам рассказал об этом. Он сказал, что я — самый упрямый парень, с которым он больше никогда не будет драться. То, что он говорил, было очень хорошо, потому что в школе все начали относиться ко мне с уважением. Возможно, мне надо было бы рассказать правду, но я не сделал этого. Моя репутация была как бы страховкой. А так как я не любил драться, то не собирался отказываться от такого страхового полиса.

Не обстоит ли дело и сейчас, как тогда? Ведь и теперь я нахожусь перед лицом врага, который намного сильнее меня. Любопытный парадокс заключался в недостатке силы у меня. Может, именно в этой слабости была сила? Потому что я наверняка знал, что я не завишу сам от себя. Я не обольщался мыслью о том, что деньги, или важные связи, или степень по социологии были бы необходимы в сложившейся ситуации, потому что у меня не было этих вещей. Если я был прав, мечтая о новой жизни для этих ребят и девушек, может быть. Господь и избрал именно меня. чтобы все от начала и до конца зависело только от Него.

"Не воинством и силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф".

Я решил начать работу по осуществлению моей мечты. Первое, что мне необходимо было знать — имею ли я основания полагаться на свои видения. Была ли реальной возможность так радикально изменить жизнь подростков Нью-Йорка — преступников и наркоманов, о чем я так мечтал.

Я помнил слова бабушки о том, что основным в Евангелии является возрождение. Я знал наизусть то место в Писаниях, где об этом говорилось: "Истинно, истинно говорю тебе, — сказал Иисус, — если кто не родится Свыше, не может увидеть Царства Божия. Никодим говорит Ему: "Как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?" Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Божие; рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух" (Иоанна 3:3-6).

Итак, если эти ребята должны измениться. эта перемена произойдет в их сердцах. Я знал, что я не в силах этого совершить, это сделает Святой Дух. Но, возможно, я буду каналом, через который Святой Дух проникнет в этих ребят.

Был только один выход. До сих пор я только наблюдал. Теперь мне надо действовать. Я буду говорить с ребятами, полагаясь на силу Святого Духа. Я начал выяснять, какие шайки были самыми упрямыми, самыми жестокими. Ими оказались Чаплинз и Мау Маус из Форт Грин (Бруклин).

Эти две шайки орудовали в одном из крупнейших в мире жилом квартале Форт Грин Проджэкт. Более тридцати тысяч человек живёт здесь в многоэтажных зданиях, большей частью негры и пуэрториканцы, многие из них безработные.

Банды здесь разделяются по национальному признаку — в Чаплинз входят негры, а в Мау Маус — испаноязычная молодёжь. Эти шайки не дерутся друг с другом, они объединяются для защиты от других шаек. А сейчас они объявили войну полиции.

У ребят был довольно оригинальный метод нападения. Кто-нибудь из них стоял на крыше дома с мешком песка. Когда внизу проходил полицейский, они старались высыпать сорококилограммовый мешок с песком ему на голову. но это им никак не удавалось, хотя каждый раз они приближались к цели. В ответ на это полиция начала пускать в ход дубинки за малейшую провинность и запретила собираться более двух-трех человек.

Я решил, что более подходящего места для проявления действия Святого Духа, чем Форт Грин, найти нельзя. И вот рано утром в пятницу я зашел за своим другом трубачом Джимми Стадом и мы поехали по Бруклинскому мосту в джунгли из кирпича и стали под названием Форт Грин. Оставив машину возле школы на Эдвард Стрит, мы начали свой эксперимент.

— Стой здесь, у столба, и играй, — сказал я Джимми, — если соберется толпа, я попытаюсь поговорить с ними.

— Что мне играть?

— А что если "Вперед, христиане-солдаты"?

Итак, Джимми начал играть "Вперед, христиане-солдаты".

Он повторял мелодию снова и снова.

Из открытых окон начали выглядывать люди. Затем из домов начали выскакивать дети. Они были взволнованы музыкой и все время спрашивали:

— К нам приедет цирк? Будет парад? Я попросил Джимми продолжать играть. Начали подходить подростки. Казалось, они были в форме. На некоторых из них были блестящие красные жилеты с чёрными нашивками на рукавах, и с буквами "ММ" на спине. Другие носили узкие брюки, белые рубашки и туфли на

тонкой подошве и с острыми носами. Почти на всех красовались экстравагантные альпийские шляпы и тёмные очки.

— Господи, — сказал я про себя, — они пришли сюда, чтобы услышать что-нибудь хорошее. Они бы хотели быть лучше, чем они есть на самом деле, и они так не желают быть одинокими.

После того, как Джимми сыграл свою мелодию раз двадцать, собралась толпа ребят и девушек. человек сто. Они переговаривались и очень шумели. Непристойности сменялись свистом. Я взобрался на цоколь фонарного столба и начал говорить. Шум еще более усилился. Я не знал, что делать. Джимми качал головой.

— Они не слышат тебя. — сказал он, но я разобрал его слова только по движению губ.

В этот момент все вдруг изменилось. Наступила тишина. Я увидел, как подъехала полицейская машина, из которой вышли полицейские и стали пробираться сквозь толпу, прокладывая себе путь дубинками.

— Слезайте. — сказал мне один из полицейских и, когда я стоял перед ним, спросил:

— Что вы здесь делаете, готовите бунт?

— Я проповедую.

— Но здесь нельзя проповедовать. Уходите отсюда, у нас и без вашего сборища хватает хлопот.

К нашему разговору присоединились юноши и девушки. Они кричали, что полиция не имеет права запретить мне проповедовать, это нарушение Конституции. Полиция не согласилась с ними. Пока мы разобрались, в чем дело, нас уже вели к полицейской машине.

— Разрешите спросить, — сказал я, когда нас привезли в полицейский участок, — неужели я, как гражданин США, не имею права говорить на улице о чем хочу?

— Можете. — признали полицейские, — но только находясь под американским флагом.

Спустя полчаса Джимми снова начал играть "Вперед, христане-солдаты". На этот раз над нами развевался огромный американский флаг, который мы одолжили у директора школы. И я стоял на маленьком стульчике. Джимми направлял свою трубу на восток и запад, север и юг, и опять открывались окна и на улицу выбегали маленькие дети. А потом снова собралась большая толпа подростков, и я начал проповедовать. Но теперь в глазах толпы мы были героями. потому что вновь столкнулись с полицией.

Но наша популярность не изменила манер нашей аудитории. Я стоял на стуле и старался перекричать неистовствующую толпу.

— Я — провинциальный священник, — говорил я им. — Мой дом в пятистах километрах отсюда. У меня есть к вам послание.

Но меня никто не слушал. Прямо передо мною обнимались парень с девушкой, остальные свистели, кричали, курили. Едва ли подходящее место для проповеди.

В отчаянии я опустил голову. "Господи, я даже не могу завоевать их внимания, — сказал я. — Прошу Тебя, помоги мне".

Я еще молился, когда произошла перемена. Сначала успокоились самые маленькие. Когда я открыл глаза, то увидел, что многие ребята постарше, которые восседали на школьном заборе и курили, слезли на землю, сняли шляпы и стояли, склонив голову. Я был так поражен внезапно наступившей тишиной, что не сразу нашел, что сказать. Я выбрал стих из Евангелия от Иоанна 3:16: "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную".

Я сказал, что Бог любит их такими, какие они есть. Он знает, какие они на самом деле. Он знает и тех из них, которые совершили убийство. Но Бог видит не только то, какими они были в прошлом, но также и то, какими они могут стать в будущем.

Это было все, что я хотел сказать. На улице воцарилась зловещая тишина. Я слышал, как трепетал на ветру флаг. Я сказал ребятам, что буду просить Господа о нечто особенном для них — о чуде, могущем изменить их жизни.

Я склонил голову и молился, чтобы теперь Святой Дух оказал Свое влияние. Я поднял голову. Никто не двинулся с места. Я спросил, не желает ли кто-нибудь подойти ко мне и поговорить. Никакого ответа.

Это была ужасная ситуация. Я проделал этот эксперимент, полагаясь на Святого Духа, но Он не ответил. И вдруг, неожиданно для самого себя, я сказал:

— Ну хорошо, мне говорили, что здесь у вас в Форт Грин есть пара ужасно упрямых команд. Я хочу поговорить с президентом и вице-президентом. Уж если вы такие сильные и упрямые, я думаю, что вы сможете выйти сюда и пожать руку священнику.

Я до сих пор не понимаю, почему я это сказал, но, вспоминая тот случай, я думаю, что это было самым лучшим, что я мог сказать тогда. С минуту никто не двинулся. Затем кто-то выкрикнул из толпы:

— В чем дело, Бакборд? Ты боишься? Из толпы выделился крупный юноша-негр и начал продвигаться вперед. За ним последовал другой, с тросточкой. Оба были в светозащитных очках. По дороге они подхватили еще двоих парней, и все четверо остановились передо мной.

Один из них сделал пару шагов вперед. Это был президент шайки "Чаплинз". Я не понимал жаргона, на котором он говорил. Когда он протянул руку, я хотел пожать её, но Бакборд просто коснулся моей руки раскрытой ладонью. С минуту он внимательно разглядывал меня.

— Все в порядке, пастор. Ты действительно зацепил меня

Затем Бакборд представил мне своего вице-президента Стейджоуча и двух "министров военных дел". Что я должен был делать? Дрожа от волнения, я кивнул Джимми, и мы с ребятами отошли на несколько метров от толпы.

Стейджоуч все время повторял, что наше сообщение "дошло" до них.

— Знаешь. Дэви, — сказал он. — Сюда приходит маленькая старушка в черной шапочке, с корзинкой сладостей. Она всегда за ребят, но это все не то.

Я сказал ребятам, что не я, а Святой Дух коснулся их сердец и пробудил их.

— Это Он уязвил их гордость и высокомерие, — говорил я, глядя прямо в их глаза. — Это все только оболочка, в которой прячется ваше настоящее запуганное, одинокое "я". Святой Дух хочет снять с вас эту оболочку и помочь вам начать жить новой жизнью.

— Что мы должны делать?

Я взглянул на Джимми, но он не мог помочь мне. В церкви я сказал бы этим ребятам, чтобы они опустились на колени перед алтарем. Но как они могут это сделать здесь, прямо на улице, в присутствии множества друзей? А может быть. это как раз и надо сделать? Мы просили Бога о крутой перемене в их жизни, и, наверное, их обращение должно быть очень необычным.

— Что вы должны делать? — переспросил я. — Вы должны стать на колени прямо здесь на улице и просить: "Святой Дух, войди в наше сердце, чтобы мы стали новыми людьми". Библия говорит, что те, кто во Христе — новые люди. Это касается так же и вас.

Последовала долгая пауза. Я посмотрел на толпу, которая смотрела, что же произойдет дальше. Наконец, Стейджоуч сказал охрипшим голосом: "Бакборд, ты станешь? Я стану, если и ты станешь".

Я был поражен. Эти двое лидеров одной из самых опасных шаяк во всем Нью-Йорке медленно опустились на колени. "Военные министры", стоявшие с сигаретами в зубах, выбросили их в грязь и последовали их примеру.

Я начал молиться.

— Господи Иисусе, перед Тобой стоят четверо детей, которые сделали что-то очень трудное для них. Они стоят на коленях перед всеми и просят Тебя войти в их сердца и обновить их. Они просят, чтобы Ты освободил их от ненависти и одиночества. Впервые в жизни они хотят узнать, что Кто-то их любит по-настоящему. Они просят Тебя об этом, Господи, и Ты не разочаруешь их. Аминь.

Бакборд и Стейджоуч поднялись. Оба "военных министра" последовали их примеру. Они не поднимали голов. Я предложил им побыть одним, а потом найти где-нибудь церковь.

Ребята молча повернулись и пошли сквозь толпу. Кто-то выкрикнул:

— Эй, Бакборд! Ну как ощущаешь себя с верой?

Бакборд велел заткнуться и они перестали. Я думаю, если бы кто-то действительно задел его, он не смог бы удержаться и вступил бы в драку, ибо в этот момент он еще не был полностью спасен.

Моя голова кружилась от успеха. Мы не могли даже предположить, что Бог ответит таким образом. Бакборд, Стейджоуч и "военные министры", вставшие на колени прямо на улице, перед взорами всех. — в это едва ли можно было поверить. Честно говоря, я больше надеялся на реакцию лидеров "Мау Мау". Они тоже были в толпе и смотрели на обращение Бакборда и Стейджоуча с презрением и интересом.

Когда "Чаплина" ушли, толпа начала вызывать их.

— Израэл! Никки! Теперь вы давайте! Негры — и те не боялись, неужели вы сдадитесь? Эти крики заставили их выйти вперед. Израэл, "президент" шайки, был очень милостивым мальчиком. Он пожал мне руку, как настоящий джентльмен. Никки был совершенно другим. Глядя на него, я подумал, что более страшного лица я не видел.

— Здравствуй, Никки, — сказав я, протягивая свою руку, но он своей руки так и не подал. Он даже не взглянул на меня. Он дымил сигаретой, выпуская дым колечками.

— Иди к черту, пастор, — сказал он странным голосом. У него было что-то не в порядке с органами речи.

— Знаешь, Никки, я о тебе иного мнения, чем ты обо мне. Я люблю тебя, Никки. Я приблизился к нему.

— Еще один шаг, и я убью тебя! — сказал он.

— Ты можешь это сделать, — согласился я, — ты даже можешь порезать меня на тысячу кусков и выбросить их на улицу. И каждый кусок будет тебя любить.

Сказав я это и подумав, что ничего хорошего это не принесет, нет той любви на земле, которая могла бы разжалобить тебя, Никки.

Прежде, чем оставить Бруклин, мы познакомили Бакборда и Стейджоуча с местным церковным служителем, чтобы тот мог наблюдать за их духовным ростом.

— Но я полагаю, — сказал я Джимми, — что время от времени мы будем их навещать.

Честно говоря, ни один из нас не мог избавиться от подозрения, что ребята просто посмеялись над нами.

Но когда я об этом поведал Гвен, она рассердилась на меня.

— Дэвид Уилкерсон. — сказала она, — неужели ты не понимаешь, что получил то, что хотел. Ты просил Святого Духа совершить чудо, а теперь, когда это чудо совершилось, ты стараешься отвергнуть его. Люди, которые не верят в чудо, не должны молиться о нём.

Мне казалось, что я преодолел первую преграду на пути к осуществлению моей мечты. Теперь я мог надеяться на то, что мне удастся добиться разрешения встретиться с Луисом. Я слышал от Анжело, что Луиса должны были перевести в тюрьму Эльмира в Нью-Йорке.

— Как ты думаешь, мне удастся повидать его? — спросил я.

— Ни малейшей надежды, Дэви. Как только они узнают, что вы тот самый священник, они вас не пустят.

И все же я хотел попробовать. В следующий раз, когда я проповедовал поблизости от тюрьмы Эльмира, я разузнал, каким образом можно повидать мальчика. Мне сказали, чтобы я написал прошение и указал, кем мне приходится заключенный и почему я хотел бы встретиться с ним. И мое прошение будет рассмотрено.

Итак, если я расскажу правду, меня к нему не пустят. Но я знал, что в тот день в тюрьму Эльмира перевозили нескольких ребят. Я пошел на станцию. Когда прибыл поезд, из него вышло около 20 ребят. Я всматривался в их лица, но Луиса среди них не было.

— Ты знаешь Луиса Альвареса? — спросил я одного из ребят, и прежде чем полицейский разъединил нас, он успел ответить: "нет".

— Итак, — сказал я сам себе по пути в Филипсбург, — видимо мне никогда не придется встретиться с этими ребятами. Но если в этом воля Твоя, Господи, да будет так.

Но если Святой Дух закрывал передо мною эту дверь, то он открывал другие. Однажды, весной 1958 года, когда я прогуливался по испаноязычному Гарлему теплым вечером, я услышал пение.

Я был удивлен, потому что это кто-то пел псалмы на испанском языке. Поблизости нигде не было церкви, пение раздавалось из окна одного из домов, мимо которых я проходил.

— Кто это поет? — спросил я, проходя мимо парня, покуривающего возле автомобиля.

Парень поднял голову и прислушался, как будто музыка настолько слилась с шумом улицы, что ее нельзя было различить.

— Это что-то вроде церкви, — сказал он, указывая пальцем наверх, — на втором этаже.

Я поднялся по лестнице и постучал в дверь. Она медленно открылась, но когда свет упал на мое лицо, женщина, стоявшая у двери, вскрикнула. Она в волнении прикрыла дверь и заговорила с кем-то по-испански. Вскоре коридор был заполнен улыбающимися, приветливыми людьми. Они схватили меня за руки и потащили в комнату.

— Вы — Дэвид? Не правда ли, вы — Дэвид? Тот самый священник, которого выгнали из суда!

Выяснилось, что это была внеконфессиональная церковь в испанском отделении Общества Господа. Эти люди собираются в частных домах до тех пор, пока не получат возможность построить свою церковь. Они следили за процессом по делу об убийстве Майкла Фермера и видели мое фото в газетах.

— Мы молились за вас, и вот вы здесь, — сказал один мужчина. Его звали Винцетте Ортез, он был служителем этой небольшой церкви. — Мы хотим узнать, как вы попали в суд.

Той ночью я рассказал этой группе людей о том, как Господь привел меня на улицы Нью-Йорка. Я рассказал им о проблемах подростков-преступников, о своей мечте и о том, как я преодолел первую преграду.

— Я думаю, что это Бог призвал меня на этот труд, и это только начало большого дела. Они должны начать новую жизнь, и их следует окружить любовью, мы были свидетелями того, как Дух Святой коснулся их прямо на улице и кто знает: может быть, в будущем у них даже появится свой дом.

Я закончил свою пылкую речь, будучи очень взволнован проблемами этих молодых людей. Я видел, что и слушавшие меня тоже были озабочены не меньше меня и были готовы помочь мне. Когда я наконец сел на место, они начали оживленно разговаривать между собой, а затем дали слово пастору Ортезу.

— Вы не смогли бы прийти сюда завтра и рассказать то же самое другим служителям церкви? — спросил он.

Я ответил, что смогу.

Так спокойно, как и все, чем руководит Святой Дух, зародилось новое содружество. Никто из нас не сознавал тогда, какое значение это приобретет в дальнейшем.

— Где вы остановились, пастор? — спросил Ортез. — Куда мы можем сообщить вам о месте и времени собрания?

Мне пришлось признаться, что у меня не было денег даже на самый дешевый отель.

— Фактически, — сказал я, — я сплю в машине.

Лицо Ортеза выразило тревогу.

— Вы не должны этого делать, — сказал он, и, когда он перевел мои слова остальным, все согласилось с ним.

— Это опасно. Опаснее, чем вы можете предположить. Вы должны остановиться у нас.

Я с благодарностью принял их предложение. Пастор Ортез познакомил меня со своей женой Делией. Меня проводили в комнату. Это была скромно обставленная комната. Впервые я спал спокойно. Я узнал, что у этой пары было только самое необходимое для жизни. Все остальное было отдано во славу Богию.

Следующее утро я провел в молитве. Я чувствовал, что это не простое совпадение, что я попал в этот дом. Я не мог себе представить, что будет дальше, но я хотел следовать указаниям Святого Духа во что бы то ни стало.

В то время, как я молился, пастор Ортез и его жена звонили по телефону. К тому времени, когда мы прибыли в церковь, там уже находились представители 65 испаноязычных обществ. Они ждали, что я им скажу.

Я понятия не имел, о чем говорить с ними, когда вышел на кафедру. Что им сказать? Зачем мне дана эта возможность? На этот раз я говорил о том, что привело меня в Нью-Йорк, о суде, о том, как за кажущимися неудачами скрывалась воля Божия.

— Скажу вам честно, я не знаю, что буду делать дальше. То, что произошло на Форт Грин, могло быть просто удачей. Я не уверен, что это можно повторить в большем масштабе.

Собрание разработало план действий, чтобы проверить то, что произошло на Форт Грин. Они решили организовать собрание для молодежи на стадионе Сант Николае Арена — месте, где проводились спортивные соревнования в Нью-Йорке. Там я получил бы возможность обратиться сразу ко многим группировкам.

Я сомневался. Во-первых, я не вполне был уверен, что массовое собрание — именно то, что нужно.

— И потом — денежный вопрос, — сказал я.

— понадобятся тысячи долларов, чтобы арендовать это место.

Суэта в задних рядах. Какой-то мужчина что-то выкрикивал. Наконец, я разобрал: "Дэви,

— говорил он, — все хорошо. Все будет хорошо"

Я подумал, что это, видимо, какой-то фанатик, и решил не обращать на его выкрики внимания. Но после собрания этот человек подошел ко мне и представился. Это был Бенинго Делгаро, прокурор. Он еще раз сказал, что все будет в порядке.

— Дэви, — сказал он, — вы пойдете в Сант Николае Арена, арендуете ее и будете говорить с подростками. Все будет отлично.

Я всерьез, что он немного помешан. Таких людей всегда можно встретить в церкви. Но мистер Делгаро, видя удивление на моем лице, достал из кармана увесистую пачку банковских билетов:

— У вас будут деньги, и вы будете говорить, Дэви. Я арендую этот стадион.

Он так и сделал.

Итак, мне предстояло проповедовать на молодежном собрании, которое наметили провести в июле 1958 года на Сант Николае Арена.

Моя новость поразила всех в Филипсбурге. Только Гвен молчала.

— Понимаешь, — сказала она наконец, — в это время как раз родится наш ребенок.

Об этом я не подумал. И мне стыдно было признаться в этом моей жене. Поэтому я пробормотал что-то вроде того, что ребенок родится позже. Гвен рассмеялась.

— Он родится вовремя, а ты витаешь в облаках и не узнаешь об этом. но однажды я поднесу тебе маленький конверт с малышом и ты удивишься. Ты и не вспомнишь о существовании ребенка, пока он не подойдет к тебе и не скажет: "папа".

Она была права.

Моя община в Филипсбурге была щедра не только на деньги, которыми меня снабжали на протяжении последующих двух месяцев, но и на моральную поддержку, несмотря на то, что я уделял им очень мало внимания. Я рассказывал всем о моих путешествиях в Нью-Йорке, о проблемах, которые стоят перед двенадцати-, тринадцати-, четырнадцатилетними девочками и мальчиками. Поэтому прихожане знали, что они являются участниками в осуществлении Господней воли.

Я взял отпуск так, чтобы он совпал с этим собранием, чтобы не покидать церковь надолго. Но по мере приближения собрания, я проводил все больше времени с Ортезом. Мы получали хорошую поддержку от испанских церквей. Они прислали к нам рабочих, которые разносили по Нью-Йорку афиши, в которых говорилось, что собрания будут идти целую неделю. Они готовили людей, способных оказать поддержку юношам и девушкам, пожелавшим начать новую жизнь. Они полностью взяли на себя заботу по подготовке стадиона.

Я же должен был пригласить подростков. Вначале казалось, что это очень легко сделать. Но чем ближе был день открытия собрания, тем больше я сомневался в успехе предприятия. Я ходил по улицам и разговаривал с сотнями юношей и девушек, но я никогда не представлял себе всю глубину их отчаяния. Пойти на собрания для них было очень сложным делом.

Во-первых, они боялись выйти из своего обжитого угла, боялись, что им не поздоровится, если они появятся на территории другой компании. Они так же боялись больших скоплений людей, боялись самих себя, своих предрассудков, боялись, что не сдержатся и полезут в драку.

И самое странное: они боялись, что будут плакать на собраниях. Постепенно я начал понимать, какие ужасные чувства вызывают у них слезы. Что же страшного в слезах? Я много раз спрашивал у них об этом и, наконец, понял, что слезы для них — символ слабости, мягкости, детства в ужасном мире, где царили жестокость и вероломство. Из опыта работы в церкви я знаю, какое благотворное влияние вызывают у людей слезы. Я даже полагаю, что знаком прикосновения Господа являются слезы. Когда, наконец, мы впускаем в сердце Святой Дух, ответная реакция — слезы. Много раз я видел, как это случалось.

Душераздирающие слезы, скорее вопль, чем плач. Это происходит, когда рушится последняя преграда, и ты готов принять новую жизнь. И когда это происходит, человек полностью обновляется таким образом. Со времен Христа это и называется рождением свыше. "Должно вам родиться свыше", — сказал Иисус. Парадокс заключается в следующем: в сердце человека поселяется радость, хотя эта радость выражается слезами.

Какое чувство подсказало этим юношам и девушкам, что они заплачут, когда узнают Бога?

Я был во многих командах: у "Мятежников" и "Джи-Джи-Ай", у "Чаплинз" и "Мау-Мауз", приглашал их на собрания и везде получал один и тот же ответ:

— Ты не растрогаешь меня, пастор, ты не заставишь меня распускать нюни!

Везде ощущался страх перед новым, предпочтение старого, каким бы ужасным оно ни было, одинаковое сопротивление перемене.

Однажды ночью, как раз после моего посещения "Джи-Джи-Ай", в квартиру Ортеза постучали. Миссис Ортез удивленно взглянула на мужа, тот пожал плечами: нет, он никого не ждал. Миссис Ортез отложила в сторону нож, которым она резала мясо, и подошла к двери.

На пороге стояла Мария. Как только она вошла в комнату, я понял, что она приняла наркотик. Ее глаза неестественно блестели, волосы в беспорядке.

— Мария, — сказал я, — входи.

Мария прошла на середину комнаты и потребовала, чтобы я ответил, почему мы хотим разогнать ее старую компанию.

— Что ты имеешь в виду, Мария? — спросила миссис Ортез.

— Вы ходите и уговариваете ребят пойти в церковь. Я знаю, вы хотите разобщить нас.

И она принялась поносить нас. Винцент Ортез в знак протеста привстал со своего стула, чтобы возразить, но тут же опустился обратно, будто говоря своим видом: "Продолжай, Мария; лучше выскажи все здесь, чем где-нибудь на улице".

Тут в комнату вошел один из детей Ортеза. Делия инстинктивно придвинулась к ребенку. В тот же момент Мария ринулась к столу, на котором лежал огромный нож. Мгновение, — и нож зловецом заблестел в ее руке. Делия тут же оказалась между Марией и ребенком. Винцент вскочил на ноги.

— Назад! — крикнула Мария. Вицент остановился, потому что девушка поднесла нож к своему горлу.

— Ха. — сказала она, — я собираюсь перерезать себе горло. Я заколю себя, как поросенка, а вы будете смотреть.

Мы слишком хорошо знали отчаяние и решительность наркоманов, чтобы думать, что это была шутка. Делия заговорила о долгой и чудесной жизни, которую предстояло прожить Марии.

— Ты нужна Господу, Мария, — снова и снова повторяла она.

Делия говорила, не останавливаясь, около пяти минут, и, наконец, Мария опустила нож. Продолжая говорить, Делия осторожно приблизилась к Марии, и, наконец, одним движением выбила нож из руки девушки. Нож упал на пол и покатился по нему. Заплакал ребенок. Мария, не пытаясь поднять нож, стояла посреди комнаты, потерянная и отчаявшаяся. И вдруг она заплакала, закрыв лицо руками.

— У меня нет никакого выхода, — сказала она.

— Почему же ты не отдашь себя Богу? — спросил я.

— Нет, это не для меня.

— Но пусть хоть другие придут. Подумай;

может, хоть они найдут выход, пока не поздно.

Мария выпрямилась. Казалось, она опять вступила в роль. Она пожала плечами.

— Это будет зависеть от того, насколько интересно будет представление, — сказала она и ушла, высоко подняв голову и покачивая бедрами.

Глава 9

Июль наступил удивительно быстро. Мы приложили много усилий, чтобы организовать "представление" в Сант Николае. Во многом это действительно было представление. И я не представлял, сколько черновой работы пред стоит сделать. Для того, чтобы переправить ребят через территорию противника, мы посылали автобусы за каждой компанией в отдельности. Работники 65 церквей прочесывали улицы, собирая подростков. Я в последний раз съездил домой.

— Дэвид. — сказала Гвен, — я не собираюсь притворяться — я бы хотела, чтобы ты был дома во время рождения ребенка.

— Я знаю.

Мы не говорили много об этом. Моя теща была настроена против моего отъезда накануне рождения ребенка. Она сказала, что все мы, мужчины, одинаковые и что настоящее христианство начинается дома. А раз я не питаю уважения к своей жене, я не стою ее. Последние слова задели меня больше всего, потому что в них была доля правды.

— Но, Дэви, — продолжала Гвен, — дети всегда рождались без помощи отца. В любом случае, врач не разрешит тебе быть возле меня, а как раз это я бы и хотела. Я скучала бы по тебе, даже если бы ты находился в другой комнате. Тебе ведь обязательно нужно ехать?

— Да.

— Тогда поезжай. Да хранит тебя Господь, Дэви!

Я попрощался с Гвен в саду. Когда я увижу ее снова, ребенок уже родится. Я думал о том, смогу ли я рассказать ей о других вновь рожденных.

После первых четырех дней собраний я начал сомневаться в этом. Мы старались устроить все наилучшим образом, и тем острее чувствовалась наша неудача. Мы предполагали массовое собрание, но ничего подобного не произошло.

На четвертый день собралась сотня людей. Арена была рассчитана на семь тысяч. Я стоял на балконе и смотрел на вновь прибывших. Каждый день я надеялся на чудо. И только небольшая горстка

людей появлялась каждый раз из специальных автобусов. Я прошел за кулисы. Все организаторы собрания и помощники стояли вокруг меня, переминаясь с ноги на ногу, стараясь найти подбадривающие слова.

— Дело не в количестве, а в качестве. Дэви. Но мы все сознавали, что у нас не будет ни количественной, ни качественной стороны. Те, кто пришел, надеялись увидеть представление. Было очень трудно говорить в пустой аудитории перед подростками, которые курили и отпускали грубые замечания.

Хуже всего было их грубое поведение. Если они что-то не понимали, они начинали смеяться. Мне даже страшно было выходить к ним из-за этого дикого смеха. Но хуже всего прошел четвертый вечер. Я приложил все усилия для того, чтобы он был успешным, и вдруг все пошло прахом. Один из ребят захихикал, за ним другой, и прежде, чем я смог что-то сделать, все сборище зашлось хохотом. Я закончил собрание раньше обычного и ушел домой с разбитым сердцем, готовый отступить.

— Господи, — сказал я с горечью, — мы ничего не можем поделаться с этими мальчишками и девчонками. Что мне делать?

И, как всегда, когда я по-настоящему спрашивал, ответ всегда приходил.

На следующий день я встретил в Бруклине Джо-Джо. Он был президентом шайки "Кони Айленд Драгонз", одной из крупнейших уличных банд в Нью-Йорке. Парень, который указал мне на Джо-Джо, не решился познакомить нас, так как Джо-Джо это могло не понравиться. Я просто подошел к нему и протянул руку. Джо-Джо ударил меня по руке. Затем наклонился и плюнул на мои ботинки. У гангстеров это является знаком наивысшего презрения. Он отошел в сторону и сел на скамью спиной ко мне. Я подошел и сел рядом. Я спросил Джо-Джо, где он живет.

— Я не желаю говорить с тобой и не хочу ничего иметь с тобой.

— Но зато я хочу заняться тобой. Я никуда не уйду отсюда, пока не узнаю, где ты живешь.

— Ты находишься в моей гостиной.

— А где ты прячешься от дождя?

— В своих апартаментах в тоннеле. На ногах у Джо-Джо были старые брезентовые башмаки, из которых выглядывали пальцы, на нем была черная от грязи рубаха и широченные брюки цвета хаки. Он посмотрел на мои новенькие туфли. Я тут же вспомнил грязные сапоги моего деда и укорил себя. Джо-Джо сказал:

— Послушай, богач, конечно, тебе легко приезжать в Нью-Йорк и говорить высокопарные фразы о том, как Бог изменяет жизнь людей. У тебя новые туфли и костюм. Посмотри на меня — я нищий. В нашей семье десять детей. Мы получаем пособие по безработице. Они выгнали меня вон, потому что дома нечего есть.

Джо-Джо был прав. Я снял свои туфли и предложил ему примерить их.

— Зачем? Что ты хочешь этим доказать? Что у тебя есть сердце или еще что-то? Я не собираюсь одевать твои туфли.

— Ты жаловался на туфли. Надень эти!

— У меня никогда не было новых туфель.

— Примерь их!

Джо-Джо медленно надел туфли. Я поднялся со скамьи и направился к машине, шагая по улице в носках. Люди смеялись надо мной. Когда я подошел к машине, меня догнал Джо-Джо и сказал:

— Ты забыл свои туфли.

— Это твои туфли. Я сел в машину.

— Пастор, — сказал он в открытое окно машины, — я забыл позвать тебе руку. Мы пожали друг другу руки. Я сказал:

— Послушай, тебе ведь негде жить. Я сам сейчас снимаю угол, но в гостиной есть диван. Может, люди, у которых я остановился, разрешат тебе переночевать. Поедем, спросим их.

— Окей, — согласился Джо-Джо. Он сел в машину, и мы поехали ко мне.

— Миссис Ортез, — сказал я, немного неуверенно. — это президент шайки "Кони Айленд Дрэгонз". Джо-Джо, я хочу представить тебе женщину, которая приютила меня на время, потому что мне, как и тебе, негде жить.

Я спросил миссис Ортез позволения оставить Джо-Джо со мной на несколько дней. Она взглянула на своих двоих детей, затем на нож, торчавший у Джо-Джо из кармана, подошла к нему, ласково обняла его за плечи и сказала:

— Ты будешь спать на диване.

Это был очень смелый поступок, так сказали бы все, кто когда-либо имел дело с такими потенциальными убийцами.

Я отвел Джо-Джо в сторону и сказал:

— Твоя одежда воняет. Мы находимся в доме. надо что-то предпринять. У меня есть восемь долларов. Мы зайдем в магазин военной одежды и купим тебе рубашку и брюки.

Я надел свои старые туфли, и мы пошли в ближайший магазин военной одежды.

Джо-Джо переоделся тут же, в магазине, оставив там же свои старые лохмотья. Когда мы шли обратно, Джо-Джо не пропускал ни одной витрины, чтобы полюбоваться своим отражением.

— Неплохо, неплохо. — снова и снова повторял он.

То, что я сделал для Джо-Джо, могла сделать любая социальная служба. Несомненно, было очень хорошо, что теперь у него была новая рубашка и брюки и было где переночевать, но он по-прежнему оставался тем же Джо-Джо.

Потребовалась перемена во мне самом, чтобы переменить Джо-Джо. И эта перемена имела существенное влияние на нашу последующую жизнь.

Вечер в Сант Николае прошел, как всегда. плохо. Как обычно, был большой шум и смех. Ребята устраивали драки, слышались угрозы. Девочки вели себя вызывающе, ребята отпускали грубые шутки. Джо-Джо был среди них и все видел. Он пришел из любопытства и дал мне понять, что не верит во все это. По пути домой я молчал. Мне было больно.

— Ты слишком стараешься, — сказал Джо-Джо.

Этот бездомный мальчуган, старавшийся показаться грубым и бессердечным, проявил удивительную пронизательность.

Действие этих слов оказалось удивительным. Я принял их, будто сам Господь произнес их. Я обернулся и столь пристально посмотрел на Джо-Джо, что он подумал, будто я рассердился и даже поднял руку, защищаясь.

Конечно! Я старался сам изменить людей, забыв, что это приоритет Святого Духа. В этот момент я понял, что своими усилиями я приводил к ним не Духа Святого, а себя, Дэвида Уикерсона. Своими усилиями я не смогу помочь Джо-Джо, никогда не смогу изменить этих хулиганов. Я должен сделать только вступление и отойти в сторону, давая место Святому Духу. "Ты слишком стараешься", — эта фраза разрешила вдруг все проблемы.

Я расхохотался. Мой смех озадачил Джо-Джо.

— Успокойся!

— Я смеюсь, Джо-Джо, потому что ты помог мне. С этого момента я не буду так усердствовать. Я отойду в сторону и дам место Святому Духу. Даже сейчас.

Джо-Джо некоторое время молчал, потом сказал:

— Я ничего не ощущаю. Совсем ничего. И не собираюсь ничего чувствовать.

Оставшуюся часть пути мы прошли молча. Вдруг у Джо-Джо появилась идея.

— Послушай, Дэви, у тебя должен родиться ребенок, правильно?

— Да, это правда, — ответил я. Я говорил ему, что мне нужно отвезти Гвен в больницу. Роды могли начаться в любой момент.

— Ты говоришь, что Бог существует и Он любит меня. Правильно?

— Конечно.

— Хорошо. И если я буду молиться Ему, Он услышит мои молитвы?

— Да.

— Хорошо. Кого ты хочешь: мальчика или девочку?

И я почувствовал себя в ловушке, но ничего не мог сделать.

— Послушай, Джо-Джо. Молитва — не автомат, куда ты опускаешь нужную монету и получаешь конфетку.

— Другими словами, ты тоже не уверен в Боге?

— Я этого не говорил.

— Кого ты хочешь: девочку или мальчика?

Я признался, что, так как у нас уже было две девочки, то мы хотели бы иметь мальчика.

Джо-Джо выслушал меня. Затем он сделал то, что для него было таким же трудным, как для Моисея в пустыне вызвать воду из камня. Малыш Джо-Джо молился:

"Господи, если Ты существуешь, и если Ты любишь меня. дай этому священнику сына".

Так молился Джо-Джо. Это была настоящая, серьезная молитва. Я был изумлен. Я выбежал в пустую спальню и начал молиться так, как я еще не молился за все пребывание в Нью-Йорке.

В половине третьего ночи, когда все уже сладко спали, а я все еще молился, зазвонил телефон. Я снял трубку. Звонила моя теща.

— Дэви, — сказала она, — я не могла дождаться утра. чтобы сообщить тебе, что у тебя родился ребенок.

Я молчал, не решаясь задать вопрос.

— Дэви, Дэви! Ты слышишь меня?

— Да. да.

— Неужели ты не желаешь узнать, кто у тебя: сын или дочь?

— Больше, чем вы думаете.

— Дэви, у тебя родился здоровый, пятикилограммовый сын!

Конечно, скептики скажут, что шанс на осуществление молитвы малыша Джо-Джо был 50 на 50. это статистически. И все же что-то важное происходило в эту ночь. Я разбудил Джо-Джо и сообщил ему новость.

— Откуда ты это узнал? — спросил он. — И что ты об этом думаешь? Что ты об этом знаешь?

Этой ночью Джо-Джо стал совершенно другим человеком. Перемена в нем началась со слез: он выплакал всю свою горечь, всю ненависть, выплакал все сомнения и страхи. И, когда окончились слезы, в его сердце освободилось место для христовой любви, которая не зависит ни от родителей, ни от проповедников, ни от того, будет ли ответ на нашу молитву такой, какой мы ожидаем.

С этого дня у Джо-Джо была любовь, которая останется с ним вечно. А эта история послужила мне хорошим уроком. Мы можем много делать друг для друга, и мы должны это делать. но Бог и только Бог может исцелять сердца.

Глава 10

Наступило время начинать очередное собрание. Это был наш последний вечер. На этот раз собралось намного больше молодежи, чем обычно. Здесь были и из "Чаплинз", и из "Драгонз", и из "Джи-Джи-Ай". Среди них я заметил Марию. Но я нигде не видел ни одного представителя "Мау-Маус", хотя и искал все время глазами яркие красные куртки с двумя буквами "ММ". Я не в силах был забыть располагающее лицо и приятные манеры Израэля, президента "Мау-Маус". Я специально ездил к ним, чтобы пригласить их, как моих личных гостей, и сказал, что за ними будет послан автобус. Когда я сказал, что для них будут отведены передние места, Израэль пообещал прийти и привести остальных. Но их не было здесь в этот последний вечер, и я думал, что знаю, почему. Никки! Он присутствовал при нашем разговоре с Израэлем и смотрел на меня с невыразимой ненавистью.

Я подошел к окну и выглянул на улицу. Подъехал автобус. Я понял, что это приехали "Мау-Маус". Шофер резко затормозил. Создавалось впечатление, что он хотел поскорее отделаться от них. Дверь автобуса открылась и оттуда с шумом и криком выскочило около 50 подростков. Один парень выбросил бутылку из-под вина. По пути они подхватили нескольких девиц в мини-юбках. Между остановкой и входом в помещение стояла группа девушек-подростков в мини-юбках.

— Господи, — громко произнес я, — что меня ожидает?

Я попросил оставить места в трех первых рядах, но не сказал, для кого. Ко мне подошел взволнованный главный распорядитель и сказал огорченно:

— Пастор, я не знаю, что делать.

Он подвел меня к балкону и показал в зал. Я увидел, как Израэль и Никки пробивались через толпу с помощью своих тростей.

— Это "Мау-Маус", — сказал главный распорядитель. — Боюсь, что они займут оставленные места.

— Отлично! Эти места и были оставлены специально для них.

Я говорил уверенно, но в душе сомневался. Оставив озадаченного распорядителя, я спустился вниз. От всех сотрудников веяло могильным холодом.

— Мне это собрание не нравится, — сказал директор стадиона. — Они могут устроить нам крупные неприятности.

— Может быть вызвать побольше полиции? — спросил один из служащих, которому приходилось иметь дело с бандами подростков.

Я выглянул на сцену. Одна из наших девушек, молодая певица, красивая, как кинозвезда, вышла на сцену.

— Посмотрим, как пойдут дела у Мэри, — сказал я.

Может быть, удастся укротить толпу пением.

Но когда Мэри запела, шум еще больше увеличился.

— Эй, красотка! Берегись!

— У тебя найдется время после представления для жалкого грешника?

— Как зовут тебя, красотка?

Ребята вскочили со своих мест, а девушки совершали непристойные телодвижения под церковную музыку в своих мини-костюмах. Мэри взглянула на меня, спрашивая глазами, что ей делать.

Несмотря на аплодисменты, повторные вызовы, я дал знать Мэри, что она должна уйти.

— Дэви, ты хочешь отменить собрание?

— Нет, но давайте немного подождем. Я попробую поговорить с ними. Если ты увидишь что-то не так, тогда поступай, как хочешь.

Я вышел на арену. Путь до сцены показался мне невероятно длинным. И, конечно же, Израэль дал мне понять о своем присутствии.

— Эй, Дэви! Я пришел, как обещал, и привел своих ребят!

Я улыбнулся ему и встретил колючий взгляд Никки. И вдруг меня вдохновило.

— Сегодня у нас будет не совсем обычное собрание, — объявил я в громкоговоритель, — мы просим членов команд самим собрать пожертвования.

Говоря это, я смотрел на Никки.

— Я прошу выйти на сцену шесть желающих. Мгновение, — и Никки был уже на ногах. Любопытство и злорадное торжество были написаны на его лице. Он указал на пятерых членов "Мау-Маус" и вместе с ними подошел к сцене. На правильность моей идеи указывало хотя бы то, что мне удалось завоевать внимание аудитории. Сотни подростков успокоились и подались вперед, затаив дыхание от любопытства.

Я вернулся за кулисы и взял у остолбеневшего распорядителя картонные коробки из-под молока.

— Итак, — сказал я ребятам, протягивая им коробки, — когда вы соберете деньги, пройдите за кулисы и принесите деньги к сцене.

Я указал нужное место и посмотрел на Никки. Рядом была дверь на улицу. Большая стрелка указывала: "Выход". Никки молча взял коробку, но в его глазах я прочитал презрение и насмешку. Под звуки органа мальчики собрали пожертвования. На счету Никки было 16 ранений. Он был известен как беспощадный бандит не только в районе Бруклина, но и в Бронксе и Манхэттане. Он хорошо играл в бейсбол. Газеты его называли "грозой помойки", потому что в драке он надевал на голову помойное ведро и устремлялся на противника. Когда Никки тряс коробкой перед подростками, все старались спрятаться. Когда он решил, что собрал достаточно денег, он подал сигнал остальным, и они все вместе скрылись за кулисами. Я ждал на сцене.

По залу прокатился смешок. Прошла минута. Две. Сдержанный поначалу смех перешел в хохот, дети вскочили со своих мест, ликуя. Я почти отчаялся. И вдруг — все замерли. Я обернулся. Никки и все его друзья направились ко мне, держа в руках полные денег коробки. Никки взглянул на меня озабоченно, почти испуганно, как будто он сам не мог понять, что он делает.

— Вот твои деньги, — сказал он, с трудом выдавливая слова.

— Спасибо, Никки, — постарался безразлично произнести я.

Затем я решительно направился к кафедре, как будто вовсе не я только что пережил самые долгие минуты моей жизни.

Ребята прошли на свои места, публика сохраняла гробовое молчание. Я начал говорить. Сердце учащенно билось в груди. Но я ошибался, полагая, что завоевал публику. Я завоевал ее внимание, но не их сердца.

Я не мог понять, что я сделал неправильно. Я все делал для того, чтобы собрание прошло успешно. Я потратил много времени, готовя свои выступления, и молился почти над каждой фразой. Я даже постился, надеясь, что это укрепит мою убежденность.

Но я мог с таким же успехом выйти и прочитать доклад о ярмарке, к примеру. Ничего не могло заинтересовать этих детей. Я проповедовал около пятнадцати минут, а беспокойство толпы все усиливалось. Я дошел до того места, где Иисус повелевает людям любить друг друга.

Вдруг кто-то вскочил с места во втором ряду. Он встал на стул и выкрикнул:

— Подожди, подожди! Ты говоришь, что я должен любить "Драгонз", которые изрезали меня бритвой? Я буду любить их гаечным ключем!

Другой парень из шайки "Хелл Бернез" вскочил на ноги и разорвал на себе рубаху:

— У меня здесь дырка от пули. Это сделали ребята из шайки черномазых. И ты говоришь, что я должен любить их! Ты сошел с ума!

Эти слова звучали действительно безумно в этом помещении, переполненном злобою и ненавистью. Они казались противоестественными.

— Мы не можем достичь этого своими собственными стараниями, — сказал я. — Я говорю о любви от Господа. Мы не можем сами заставить себя любить. Мы должны просить Господа дать нам Его любовь.

И вдруг с предельной ясностью я почувствовал, что я говорю для самого себя. Я вспомнил случай с Джо-Джо и еще раз пришел к выводу, что мы, люди, не можем ничего сделать ни для себя, ни для других в деле исцеления сердца и заполнения его любовью вместо ненависти. Мы должны в этом деле отдать свое сердце и ум Господу.

Я начал молиться: Господи Иисусе, я больше ничего не могу сделать. Я пригласил сюда этих молодых людей, а теперь я уступаю место тебе. Приди же. Святой Дух, и Сам начни действовать, если Ты хочешь покорить их сердца. Это может быть только через Твое участие. Да будет воля Твоя".

Три минуты могут показаться бесконечностью. Три минуты стоял я перед аудиторией, склонив голову. Я не произнес ни слова. Я спокойно молился, беззвучно и самозабвенно, когда зал начал постепенно успокаиваться. Сначала первые три ряда. Я узнал голос Израэля:

— Ну, вы, парни! Тихо!

Установилась тишина. Не прошло и трех минут, как все успокоились.

И вдруг я услышал, как кто-то плачет.

Я открыл глаза. Плакал Израэль. В переднем ряду Израэль старался вытянуть платок из заднего кармана. Наконец он вытащил его, громко высморкался, замигал глазами и засопел. Я продолжал молиться. Господи, коснись каждого, кто здесь находится". Пока я молился, Никки вытащил свой носовой платок. Я не смог поверить своим глазам и взглянул еще раз. Действительно, он плакал и злился на себя за это. Один из ребят положил ему руку на плечо, он стряхнул ее. Я почувствовал, что пришло время призыва. Громким голосом я сказал:

— Хорошо. Вы почувствовали присутствие Иисуса. Он здесь. Он пришел сюда специально для вас. Если вы хотите изменить свою жизнь, сейчас самое время сделать это. Кто хочет это сделать, встаньте и придите вперед!

Израэль не раздумывая встал и обратился к своей шайке:

— Ребята! Три года я был вашим вожаком. Когда я велю вам идти — вы идете. Верно?

— Да, — хором ответили ему "Мау-Маус".

— Хорошо, я пойду сейчас вперед, а вы за мною. Вставайте!

Они вскочили на ноги и все, как один, последовали за Израэлем. Каждый старался быть первым. Никки был среди них.

Их пример был заразительным. К "Мау-Маус" присоединилось еще более тридцати ребят из других банд. Они пошли вниз в раздевалки, где работники церкви готовились к разговору. Мы все были ошеломлены. Я ходил из комнаты в комнату, оказывая посильную помощь. И вдруг я заметил одну странную вещь. Среди множества ребят, пришедших сюда, чтобы начать новую жизнь, были только три девочки. Услышав свист, доносившийся из холла, я выглянул и увидел, как одна девушка расстегнула блузку и, обнажив грудь, крикнула одному из ребят:

— Если пойдешь туда, ты больше никогда этого не получишь.

Прежде чем я успел что-либо сделать, другие девушки начали делать то же самое, и им удалось заполучить несколько ребят. Это озадачило меня. Мне показалось, что, услышав разговор о любви, девушки просто начали ревновать. Они ни с кем не хотели делить любовь и цеплялись из последних сил за

то маленькое и жалкое, что они называли любовью. Труднее всего мне было поверить в обращение Никки. Вот он стоит передо мною и говорит, улыбаясь:

— Я отдаю свое сердце Господу, Дэви. Я не мог поверить в это, настолько неожиданной была перемена. Он нервно покусывал губы и говорил мне, что что-то произошло в его сердце. "А как же насчет употребления наркотиков, алкоголя, садизма, драк?" — думал я. Он как будто прочитал мои мысли, выразившись единственным доступным ему средством — ругаясь:

— Пошло все к черту, Дэви. Я отдал свое сердце Господу.

— Очень хорошо, Никки, — сказал я ему. Потом я попросил Никки пройти со мной. Я дал ему и его друзьям Библии. Они были двух размеров: большие и поменьше. Никто не желал брать маленькие издания.

— Дай нам книги побольше, Дэви, чтобы люди видели, что мы несем.

С этими словами ребята взяли Библии под мышки и ушли.

Утром следующего дня раздался звонок. Миссис Ортез приоткрыла дверь в мою комнату и сказала:

— Дэви. звонят из полиции.

— Полиция?!

Сердце упало у меня в груди. Вопрос, который мне задали по телефону, еще больше обеспокоил меня. Лейтенант спросил, знаю ли я банду "May-Maus". Я ответил, что знаю. Он попросил меня немедленно явиться в участок.

У полицейского участка на Эдвард Стрит стояло несколько ребят из банды. Я прошел мимо них в участок. Я никогда не забуду того, что случилось потом.

Навстречу мне вышел лейтенант и протянул руку для приветствия.

— Пастор, я хочу пожать вашу руку. Как вам это удалось? — спросил он. — Два месяца тому назад эти ребята объявили нам войну. Они всегда приносили нам много хлопот. А сегодня все они пришли сюда, и знаете, чего они хотят?

Я отрицательно покачал головой.

— Они хотят, чтобы мы поставили свои автографы на их Библиях.

Я взглянул на Никки, Израэля и на всех остальных ребят. Они усмехнулись.

— Мы поможем вам, только дайте знать, когда вы будете устраивать очередное собрание, пастор, — сказал на прощание лейтенант.

Как я узнал, ребята всю ночь напролет читали Библию. Особенно им понравились истории Ветхого Завета.

— Дэви, — сказал Израэль, — смотри, вся Библия про меня, мое имя встречается очень часто.

Вечером я позвонил Гвен. Я был так взволнован происшедшим, что не мог больше ни о чем другом говорить.

— Последний вечер показал, что все это не зря. Если бы ты только могла быть со мной!

— Я вроде как была немножко занята. Напомни и я тебя расскажу об этом позднее, когда ты спустишься с небес.

Глава 11

Вскоре я был среди холмов Пенсильвании и наслаждался их красотой после грязных и шумных улиц Нью-Йорка. Но мне не давали покоя мысли о Бакборде, Стейджоуче, Никки, Израэле, Марии, Анжело и Джо-Джо — подростках, судьбы которых так странно переплелись с моей.

Я снова был дома, в Филипсбурге. Я сидел в саду, в тени деревьев, потягивая напиток, который мне приготовила Гвен, и смотрел на своего новорожденного сына, лежащего в коляске под деревьями.

Я вспомнил детей Нью-Йорка, которым приходилось драться за право посидеть в красивом уголке парка.

— Твой приход в Филипсбурге. Ты не должен забывать о своей собственной церкви, — мягко напомнила мне Гвен, когда в течение получаса я с беспокойством говорил об Анжело, который решил стать священником, но у него не было денег на учебу.

Конечно же, Гвен была права, и следующие шесть месяцев я усердно работал в своем приходе. Работа мне нравилась, но мысли о Нью-Йорке не давали мне покоя.

— Я заметил. — сказал один из прихожан, — что вас больше интересуют те дети из Нью-Йорка, чем ваш собственный приход.

Я смутился, я не думал, что это так заметно. Мне пришла в голову идея переехать с семьей в Нью-Йорк и полностью отдаться работе с этими ребятами. Может я не смогу добиться для них дома, но я мог бы работать с ними на улице.

Эта мысль не давала мне покоя. Я обдумывал ее всю осень и зиму постоянно — даже когда посещал своих прихожан. Я проповедывал о познании воли Господа в надежде самому узнать что-либо о том, как получить водительство.

Я бродил по холмам и размышлял. С детства я проникся симпатией к холмам. Одному из них, по названию Оулд Болди, я доверял все свои горечи и обиды. Он находился неподалеку от нашего дома в Барнесборо, штат Пенсильвания.

С вершины этого холма я видел, как отец, мать и другие дети бегали возле дома, стараясь найти меня; иногда я проводил там почти весь день, решая проблемы, которые меня тогда одолевали. Когда я возвращался поздно домой, меня бранили. Но ничто не могло удержать меня от этих путешествий, потому что там я находил то, что мне не доставало дома.

И теперь я очень нуждался в моем старом холме. Недалеко от нашей церкви находилась старая заброшенная шахта. Я начал ходить туда, как когда-то ходил к Оулд Болди.

Оттуда я мог видеть церковь, и, если я оставлял машину в определенном месте, Гвен знала, где я, и не волновалась, если меня долго не было.

Там, на холме, я еще и еще раз обдумывал этот вопрос. От Бога ли это желание ехать в Нью-Йорк, или нет? Есть ли необходимость оставлять мой приход и переезжать с Гвен и тремя детьми в грязный Нью-Йорк со всеми его опасностями?

Быстро и ясно ответа не было. Решение пришло постепенно.

Первым шагом явилась необходимость снова съездить в Нью-Йорк.

— Прошел уже год с того времени, как меня выгнали из зала суда, — сказал я однажды Гвен. Она вздохнула:

— Ты собираешься снова в Нью-Йорк? Я рассмеялся.

— Я хотел бы съездить ненадолго — на один день.

Было приятно снова проехать по Джордж Вашингтон Бридж и по Бруклин Бридж, побродить по знакомым местам. Удивительно, но я чувствовал себя, как дома. Мне захотелось заглянуть к старым друзьям, побывать там, где произошли чудесные обращения ребят.

Одним из таких мест был Форт Грин Проджект. Вспоминая о происшедших на этом месте событиях, я бродил по кварталу, как вдруг услышал крик: "Дэви! Священник!"

Я обернулся и увидел двух солдат-негров, которые направлялись ко мне. На них была аккуратно выглаженная форма, до блеска начищенные сапоги. Я приглядывался к ним. "Бакборд! Стейдкоч — я едва узнал их. Каждый поправился, наверное, килограмм на десять.

— Так точно, сэр! — по-военному отрапортовали они в один голос. — Ну как?

Попасть в армию для ребят из этого квартала было пределом мечтаний. Для этого необходимы были грамотность и хорошее здоровье, поэтому служба в армии считалась верхом благополучия. Форма считалась признаком добропорядочности. Мы отлично потолковали с ребятами. У них все было превосходно. Они сказали мне, что ушли из банды сразу же после собрания.

— Фактически, шайка "Чаплинз" тоже распалась. Никто не хочет больше драться.

Мне пришлось с сожалением расстаться с ребятами. Я был удивлен, каким чувством симпатии я проникся к ним. Я любил этих ребят и скучал по ним более, чем думал. Но меня ожидал еще больший сюрприз.

Я пошел на Эдвард Стрит к тому месту у фонарного столба, где мы первый раз проповедовали с Джимми, надеясь встретить там Израэля или Никки. Я встретил там парня-испанца, который показался мне знакомым. Я спросил у него, не знает ли он, где сейчас Никки и Израэль из "Мау-Маус".

Мальчик странно посмотрел на меня.

— Вы имеете в виду этих разбойников, которые стали святыми? — спросил он, шутя.

Мое сердце подпрыгнуло от радости. "Слава Богу, — подумал я, — они держатся".

Но следующие слова заставили меня насторожиться.

— Никки, ха, — с усмешкой сказал парень, — он совсем сошел с ума. Он собирается стать священником.

От изумления я не знал, что сказать.

— Никки хочет стать священником? Я правильно тебя понял?

— Так он сам говорил.

Я хотел бы знать, где можно его найти. Когда и с кем он говорил о своем желании? Что он уже предпринял?

Мальчик не мог ответить мне на интересовавшие меня вопросы, поэтому я попрощался с ним и начал сам искать Никки.

Некоторое время спустя я нашел его сидящим на ступеньках какого-то дома. Он разговаривал с другим парнем.

— Никки! — позвал я.

Никки обернулся. Я не узнал его лица. Раньше его лицо было злым и угрожающим, теперь - открытым и привлекательным. Его глаза радостно сверкали.

— Пастор! — он вскочил на ноги и бросился ко мне.

— Дэви! — он повернулся к своему другу. — Смотри, вот тот самый священник, о котором я тебе говорил. Он спас меня.

На него приятно было смотреть. Я спросил его о намерении стать священником. Он опустил глаза.

— У меня никогда не было более сильного желания, — сказал он.

— Это потрясающая новость. Ты уже предпринял что-нибудь?

— Я не знаю, с чего начать.

Я был переполнен идеями. Я предложил написать письмо в школу теологии. Я хотел отправить его в клинику, вылечить его голосовые связки. Я думал, где достать денег на все это. Я хотел сделать все от меня зависящее.

Несколько недель назад меня пригласили выступить в церкви Эльмира в Нью-Йорке и рассказать о проблемах подростков в городах. В тюрьме Эльмира сидит Луис Авварез. Но к тому времени, когда я приеду туда, его уже наверняка переведут в другую тюрьму, но куда, я не знаю.

— Никки, — предложил я, — ты поедешь со мною в Эльмиру? Ты сможешь там рассказать о своей судьбе? Может случится так, что они тебе помогут.

Предложив ему это, я стал сомневаться, правильно ли я делаю. История Никки была ужасной, полна грубости и насилия, и могла быть не принятой в Эльмире. Я привык к ужасным картинам Нью-Йорка, но история Никки была даже для меня шокирующей.

Но ведь в Эльмире хотели знать о судьбах уличных подростков. К тому же и я получил бы возможность выслушать историю Никки с самого начала до конца, чего мне никак не удавалось сделать раньше, и, самое главное, увидеть результаты всего происшедшего в Сант-Николасе.

Таким образом, Никки предстал перед собранием в Эльмире с тем, чтобы рассказать о своей прошлой жизни и о своем обращении. Перед началом его выступления я немного рассказал о нем, подчеркивая бедность и безысходность положения таких же, как он, подростков. Я попросил аудиторию не судить Никки слишком строго.

Но мои предостережения были напрасны. Все прониклись симпатией к мальчику, как только он начал говорить. Этот простой, откровенный, без преувеличений, рассказ мальчика о мире, из которого он вышел, был гораздо важнее многочисленных социологических исследований.

— Большую часть времени я проводил на улице, — начал он, — потому что к нам часто приходили клиенты. Они могли прийти в любое время дня, и тогда всем детям приходилось идти на улицу. Мои родители занимались спиритизмом. Они давали объявления в газетах о том, что они могут говорить с мертвыми, лечить больных, давать советы по денежным делам, оказывать помощь в решении семейных проблем.

У нас была только одна комната и поэтому детям приходилось все время быть на улице. Сначала все дети били меня, и я их боялся. Потом я научился драться, и тогда уже дети начали бояться меня.

Проводить время на улице для меня было приятнее, чем быть дома. Дома я был самым маленьким. Я был ничто. Но на улице все знали, кто я. Мы часто переезжали с места на место, и тому причиной был я. Что бы ни случилось в округе, полиция всегда приходила к нам, и затем начальник полиции приказывал отцу переехать в другое место. Мои родители не хотели портить отношений с полицией. Это было обычное явление. Если полиция в чем-то подозревала пуэрториканца, то уже невозможно было ничего доказать, и семье приходилось переезжать.

Я не знаю, почему я так вел себя. Во мне было какое-то непреодолимое чувство страха и злобы. Оно не давало мне покоя. Когда я видел инвалида, во мне поднималось желание убить его. Те же чувства обуревали меня, когда я видел слепых, маленьких детей, слабых, убогих — я ненавидел их.

Однажды я обо всем рассказал отцу. Мы никогда не говорили с ним по душам, но это чувство очень пугало меня. Он сказал, что во мне сидит дьявол. Он пробовал его выгнать из меня, но ничего не вышло.

Я становился все хуже и хуже. Если я видел у кого-то хороший костюм, я топтал его; если я видел бородатого старика, мне дико хотелось вырвать его бороду; если я видел малышей, я бил их. И все это время я испытывал страх. Мне хотелось плакать, но что-то внутри меня смеялось. И потом — кровь. Как только я видел кровь, я начинал смеяться и потом не в силах был остановиться.

Когда мы переехали в Форт-Грин, я присоединился к "Мау-Маус". Ребята хотели, чтобы я стал "президентом". Но во время побоищ "президент" должен был только руководить, а я хотел драться, поэтому они избрали меня "вице-президентом". Я также отвечал за наше оружие. У нас были военные ремни, штыки, кинжалы. Мне нравилось разглядывать эти вещи. Для приобретения оружия мы воровали все, что плохо лежало.

Но для драки я предпочитал бейсбольную битую. Или еще — я проделывал дырку для глаз в помойном ведре, надевал его на голову и размахивал бритвой. "Мау-Маус" никогда не дрались вместе со мной. Они знали, что, когда я входил в раж, то мог ударить любого. Я так же научился наносить ножом такие ранения, чтобы человек оставался живым. Я ранил 16 человек и был 12 раз судим. Иногда мое фото появлялось в газетах. Меня все знали, и когда я проходил по улице, матери спешили увести своих детей.

Меня также знали и в других бандах. Однажды, когда я стоял на остановке метро, ко мне подошло пятеро ребят. Они накинули мне на шею кожаный ремень и начали стягивать его. Я не умер, но желал бы умереть тогда, потому что после этого случая я не мог нормально разговаривать. Когда я говорил, раздавался странный шум. Я ненавидел людей, имевших физические недостатки, а теперь я и сам стал таким.

Зона действия нашей банды распространялась на Кони-Айленд и Ралф-Авеню. У нас были красные куртки с буквами "ММ" и удобные для драки ботинки. Однажды мы зашли в кондитерский магазин на Флатбут-Авеню. Нас было шестеро. Мы пили содовую, когда в магазин зашли шестеро из банды Бишопс. Эта банда враждовала с нами.

Один из них подошел к прилавку с видом хозяина. Мои ребята посмотрели на меня. Я подошел к нему и оттолкнул. Он дал сдачи. Вскоре завязалась драка. Жена кондитера начала кричать. Все покупатели дали стрекача. На прилавке лежал огромный нож. Один из моих ребят схватил его и ударил им своего противника шесть раз. Я увидел кровь и начал смеяться. Я знал, что он мертв, и я боялся, но не мог остановиться. Жена кондитера звонила в полицию. Другой наш парень схватил нож и всадил ей в живот. Мы убежали.

Меня не отправили в тюрьму потому, что я не дотронулся до ножа. Но в суд вызвали моих родителей, и, мне кажется, только тогда они по-настоящему разглядели меня. Они пришли в ужас, увидев, кем я стал. Они решили уехать из Нью-Йорка и вернуться обратно в Пуэрто-Рико.

Мы с братом проводили их в аэропорт. По дороге из аэропорта он дал мне пистолет 32-го калибра и сказал: Теперь ты сам себе хозяин, Никки.

Первое, в чем я нуждался, был ночлег. С помощью пистолета мне удалось добыть десять долларов. Я снял комнату на Матрл-Авеню. Мне тогда было 16 лет. С тех пор я так и добывал себе деньги с помощью

пистолета.

Днем все было отлично. Я был с бандой. Ребята делали все, что приказывали им мы с "президентом". Но на ночь я должен был возвращаться к себе в комнату, и это было ужаснее всего: передо мной вставали как наяву два мертвеца из кондитерского магазина. Я бился головой об пол, чтобы отвлечься. По ночам я просыпался и начинал звать свою мать. Мы никогда не были близки с ней, но теперь я почувствовал, как необходима мне была ее забота.

В июле 1958 года мне исполнилось 18 лет. В том месяце шайка "Драгонз" из Ред Хука убила одного нашего парня. И мы хотели убить одного из них в отместку. По закону банды, если погибает один из "Мау-Мау с", погибает и один из "Драгонз". Мы шли по Эдвард Стрит по направлению к метро и вдруг мы увидели, что неподалеку, где собралась банда "Чаплинз". остановилась полицейская машина. "Чаплинз" — это негритянская банда из Форт Грин. У нас с ними был договор о "мире и содружестве".

Вся банда собралась вокруг двух людей, которых я до этого не видел никогда; у одного из них была труба, другой был худой, как щепка. Затем кто-то принес американский флаг, и машина уехала. По всему было видно, что те двое собрались проповедовать на улице. Как только принесли флаг, худощавый человек поднялся на стул. открыл книгу и прочел: "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную".

— А теперь, — сказал священник, — я хочу поговорить с вами. Знаете ли вы, что когда распяли Иисуса, вместе с ним были распяты также и разбойники по одну и другую сторону от Него.

— Довольно. — сказал я своим, — пошли, у нас дела.

Но никто не сдвинулся с места. Впервые они не послушались меня. Я испугался и назвал того священника самым грубым словом, какое только я знал. Но он не обратил на это внимания и продолжал говорить.

Вы знаете, что произошло потом? Президент "Чаплинз" упал на колени прямо на Эдвард Стрит и зарыдал. "Вице-президент" и двое "военных министров" встали на колени рядом с ними и тоже заплакали. Я не мог выносить плач и обрадовался, когда все "Чаплинз" ушли. Мы тоже собрались уходить.

Но в этот момент священник подошел к Израэлю — он тогда был президентом "Мау-Маус", — и пожал ему руку. Я решил, что он хочет расколоть нас. поэтому толкнул его первым. Израэль посмотрел на меня так, будто видел впервые.

— Никки, — сказал мне священник, — я люблю тебя.

Никто еще мне этого никогда не говорил. Я не знал, что делать.

— Если ты подойдешь ко мне, я убью тебя, — сказал я священнику.

Я бы действительно это сделал. Израэль и священник поговорили еще немного, потом он ушел. и я думал, что на этом все кончилось. С тех пор мы никогда не преследовали "Дра-гонз".

Но позже этот священник пришел еще раз и сообщил нам о собрании для команд в Манхаттане, сказав, что будет ждать нас.

— Мы пришли бы, но как мы проберемся через Чинк-Таун? — сказал Израэль.

— Я пришлю за вами автобус, — сказал священник.

Тогда Израэль пообещал, что мы придем.

Но я был против этого. Я сказал, что лучше умру, чем пойду туда. Но когда все пошли на собрание, я отправился с ними. Я боялся остаться один. Для нас оставили три передних ряда. Я был очень удивлен; хотя священник и обещал это сделать, но я не поверил ему.

Вышла женщина и заиграла на органе. Я приказал своим ребятам шуметь. Затем на сцену вышла маленькая девочка и начала петь. Я освистал ее. Все смеялись. Все было так, как я хотел. Я прекрасно себя чувствовал.

Наконец, вышел священник и сказал:

— Сейчас мы будем собирать пожертвования.

Я подумал, что раскусил его. Я все время думал, какую выгоду приносило ему это собрание. Мне казалось, что он такой же любитель денег, как и все.

— Мы попросим самих членов команд собрать пожертвования, — сказал он. — Они соберут деньги и принесут их мне.

Я подумал, как бестолково он поступает: за сценой, где мы должны были проходить, был выход.

— Мне нужно шесть добровольцев. — сказал он.

Я тут же вскочил на ноги. Я выбрал еще пятерых и мы подошли к сцене. Теперь была моя очередь одурачить его. Он дал нам картонные коробки. Мы хотели тут же приступить к делу, но он остановил нас и благословил. Я еле сдержал смех. Мы обошли весь стадион. Если кто-то давал мало, я останавливался и ждал, пока дадут больше. Все знали Никки! Мы встретились за кулисами.

Дверь была открыта. Я видел уличные фонари и слышал журчанье ручьев. На стадионе стоял хохот.

Они знали, что мы могли сделать Мои ребята смотрели на меня в ожидании моего решающего слова.

Я продолжал стоять, как вкопанный. Я не знал, что со мной. Я испытывал странные чувства. Эти на стадионе задали жару тому священнику, а ему приходилось стоять перед ними, ожидая меня. И вдруг я понял, в чем дело. Священник поверил мне.

— Хорошо, ребята, — сказал я, — мы возвращаемся на сцену.

Они посмотрели на меня, как на сумасшедшего, но спорить не посмели. Со мной вообще никогда не спорили. Мы поднялись на сцену, и сразу же в зале стало очень тихо. Мы отдали ему коробки.

— Вот твои деньги, пастор. — сказал я. Он взял деньги, нисколько не удивившись. как будто он был уверен в том, что я принесу их.

Я вернулся на свое место и крепко задумался. Он начал говорить о Святом Духе. Священник сказал, что Святой Дух может входить в людей и очищать их. Он сказал, что прошлое не имеет никакого значения. Святой Дух может сделать их жизнь совершенно новой. Я как будто бы видел себя впервые.

— Вы можете изменить свою жизнь. Вы можете стать другими. — сказал он.

Внезапно я так сильно захотел этого, что просто не мог совладать с собой. Я как бы увидел себя впервые. Вся непристойность, мерзость, разврат, ненависть, как кинокадры пронеслись предо мною. Я желал этого превращения всей душой, но почему-то был уверен, что со мной не произойдет того. о чем говорил священник. Он попросил всех желающих выйти вперед, но я знал, что мне это ничего не принесет.

Израэль приказал нам всем подняться и выйти вперед. Я был первым. Я опустился на колени и произнес первую в моей жизни молитву:

"Дорогой Господь, я согрешил. Я самый грязный грешник в Нью-Йорке. Я не думаю, что Ты желаешь меня принять, но если на то будет Твоя воля. то я готов. Я был очень плохим, а теперь хочу быть хорошим для Иисуса".

Потом священник дал мне свою Библию, и я пошел домой, размышляя о том, посетил ли меня Дух Святой и как я об этом узнаю. Первое, что я ощутил, войдя в комнату, это отсутствие страха. Мне казалось, что я не один в комнате. — не то, что это был Бог или кто-то еще, — я чувствовал присутствие своей матери. У меня было четыре сигареты с марихуаной и я выбросил их в окно.

На следующий день все уже знали, что Никки стал верующим и глядели на меня во все глаза. Тут произошел один случай, укрепивший мою веру. Раньше при виде меня маленькие дети убегали. Но на этот раз двое малышей подошли ко мне сами. Они хотели, чтобы я сравнил, кто из них выше. Я знал, что стал совершенно другим.

Спустя несколько недель ко мне подошел парень из "Драгонз" и спросил, правда ли, что я не ношу больше оружия. Я ответил, что правда. Тогда он вытащил десятидюймовый нож и метнул в меня. Я успел схватить нож налету. Парень убежал, а я стоял на месте и разглядывал кровь на руке. Раньше при виде крови я начинал дико смеяться.

Я вспомнил слова, написанные в Библии:

"Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха" Я разорвал рубашку и перевязал руку. С тех пор кровь меня больше не беспокоила.

Пока Никки говорил, в зале стояла тишина. В ту ночь в церкви Эльмира мы действительно были свидетелями чуда или, во всяком случае, слушали о чуде. И все сидели, затаив дыхание.

Резкий, заикающийся голос Никки. которым он начал говорить, изменился к концу его выступления: он начал говорить более свободно, голос стал чище, и, наконец, он заговорил так же четко и свободно, как любой из нас. Теперь и сам Никки почувствовал это. Он молча стоял, не в силах продолжать, и по его лицу текли слезы.

Я не знал, что было у него с речью, что было причиной его косноязычия, но с тех пор голос его был исцелен.

В ту ночь в Эльмире были собраны пожертвования, которые помогли Никки начать длительный и замечательный путь.

Глава 12

Я сидел в своем кабинете в Филипсбурге и с удовлетворением вспоминал, что со мной произошло за последние месяцы. Это был как раз тот ночной час, когда я раньше сидел перед телевизором и у меня были все основания благодарить Бога за выбор, сделанный мною.

Я написал письмо в Латино-Американский институт теологии в Ла-Пуэнто в штате Калифорния о желании Никки стать священником. У меня не было намерения скрывать его прошлое и честно признался, что он не так долго живет обновленной жизнью. Я попросил принять его с испытательным сроком. Они согласились и, более того, они настолько заинтересовались историей перерождения мальчика, что вскоре пригласили в свою школу и Анжело Морализ.

Не было никаких сомнений в том, что все было хорошо и у Бакборда с Стейдкоучем. Все говорило о превосходном ходе дел. Все указывало на счастливое завершение дела, в котором я был призван помогать.

Но успехи не долго кружили мне голову. Весной 1959 года я получил известие, которое заставило меня вернуться на тот путь, о котором я думал, что он будет короток. Израэль попал в тюрьму, его обвиняли в убийстве.

Я поехал в Нью-Йорк, чтобы повидаться с его матерью.

— Мой мальчик был таким хорошим последнее время, — сказала она. — Он стал спокойным, начал ходить в школу. Но тут опять эта банда. Мистер Уилкерсон, вы знаете, что такое "набор"

Значение этого слова я знал. Когда банда только начинала организовываться, или когда ее ряды значительно редели, они останавливали на улице любого парня, заставляли пойти с ними и стать членом банды. Если он отказывался, его избивали. Если он продолжал стоять на своем, ему ломали руки, затем ему грозила смерть. Многие знают, что это такое, и большинство вступают в банду. На Израэля нападали несколько раз, и он вернулся в банду.

Однажды в драке погиб один парень. Никто не говорил, что убийцей был Израэль, но он был с убийцами, и теперь его судили.

Мать показала мне письмо от сына, на котором виднелись следы слез. Он писал, что очень сожалеет о том, что произошло, переживал за мать. Он был оптимистически настроен и писал о том дне, когда он снова будет на свободе. Он упоминал обо мне и писал: "Передайте Дэви, что я буду рад, если он мне напишет".

Что мы могли сделать? Как мы могли спасти Израэля от тюрьмы? Может, было бы лучше, если бы я был рядом с ним и мог помочь ему в трудную минуту? Может, было бы лучше забрать его отсюда насовсем, подальше от банды, которая "засасывает" его и портит ему жизнь?

Я спросил об этом мать Израэля, но она грустно покачала головой.

— Может быть, — сказала она. — Я не знаю. Мой мальчик был таким хорошим некоторое время. Он хочет быть хорошим. Помогите ему, мистер Уилкерсон.

Я пообещал ей сделать все, что было в моих силах. Для начала я сказал, что pošлю ему кое-что для занятий.

Думал я о нем днем и ночью, писал ему, но выяснилось, что он не может писать мне. Ему разрешалось писать только своей семье. Даже тот курс лекций заочного обучения пришлось отправлять через тюремного священника.

В начале лета, когда наши пенсильванские луга снова покрываются зеленым ковром, мысли об Израэле еще больше одолевали меня. При каждой возможности я поднимался на свою гору, чтобы помолиться.

В дальнейшем я ничего не мог сделать. Израэль по-прежнему находился в тюрьме. Меня терзало чувство долга по отношению к нему.

Между тем, при каждом удобном случае я рассказывал его историю окружающим, спрашивая совета. "Продолжай", — было единственным советом. Ошибка же заключалась в том, что мы оставили ребят сразу после покаяния.

Продолжать — означало находиться в гуще событий.

Надвигалось значительное событие в моей жизни, и вскоре оно совершилось.

Это произошло теплой августовской ночью, спустя полтора года после моего первого путешествия в Нью-Йорк. Я проводил вечернюю службу в среду и вдруг почувствовал, что у меня задрожали руки. Температура была нормальной, но трясся я, как в лихорадке. Я чувствовал необыкновенный подъем и ощущал прилив сил, как будто бы Дух Господа вошел в помещение.

Я до сих пор не могу понять, как мне удалось закончить службу. Прихожане начали расходиться. В половине одиннадцатого я закрыл церковь и вышел через черный ход. Потом произошла совсем простая вещь, но я никогда не забуду этого момента.

Я вышел во двор церкви. Луна светила необычным светом, который заливал город. Один участок земли был освещен особенно ярко. Это был четырехакровый участок земли, засеянный зерном. Пшеница достигла полметра высоты. И вдруг какая-то сила направила меня к этому участку. Подойдя к нему, я вспомнил слова из Библии об урожае: "А Я говорю вам, возведете очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели, поспели к жатве... и сеющий и жнущий вместе радоваться будут, ибо в этом случае справедливо изречение: "один сеет, а другой жнет" Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их". (Иоанна 4:35-38)

В каждом стебле мне виделся подросток с улицы большого города, который жаждал новой жизни. Я обернулся и посмотрел на дом, в котором жили мы с Гвен и трое наших счастливых, беззаботных детей. Тихий внутренний голос сказал мне так ясно, как если бы кто-то стоял рядом:

"Эта церковь больше не твоя, ты должен ее покинуть".

Я взглянул на дом, и голос сказал: "Этот дом больше не твой. Ты должен оставить его". Я ответил так же тихо: "Да, Господи, я поеду". После этого я направился к дому, где меня ждала Гвен. Она уже собиралась лечь спать, но я видел, что ее тоже что-то волнует.

— Что случилось, Гвен?

— Что ты имеешь в виду?

— С тобой что-то не в порядке.

— Дэвид, — сказала она, — не говори мне ничего, я все знаю. Ты собираешься оставить эту церковь. Не так ли? Ты должен оставить ее?

Я молча смотрел на Гвен. При свете луны, которым освещалась спальня, я заметил слезы в ее глазах.

— Я тоже слышала это, — сказала она. — Мы уедем отсюда? Я обнял ее:

— Да, моя дорогая, мы уедем.

В следующее воскресенье исполнилось пять лет нашей службы в Филипсбургской церкви.

И вот, наконец, наступило то утро. Я стоял на кафедре и вглядывался в лица хорошо знакомых мне людей.

— Друзья мои, — сказал я, — наверное вы хотите, чтоб я обратился к вам с приветственным словом по случаю нашей годовщины?

— Как вы знаете, для меня, моей жены и для наших детей эти годы были необыкновенно счастливыми и плодотворными. Двое наших детей родились здесь, в Филипсбурге. Мы навсегда сохраним самые теплые и дружеские воспоминания о проведенных здесь годах. Но в прошлую среду случилось нечто необычное, чему можно дать только одно объяснение.

И я рассказал общине о том, что произошло в ту ночь на зеленеющем поле, и о том, что почувствовала Гвен. Я не сомневался в том, что это был голос Бога, которому мы должны подчиняться. Я не мог точно сказать им, куда мы поедem. Скорее всего, это будет Нью-Йорк, но я не был уверен в этом. Единственное, что я знал, — нам нужно было немедленно уехать.

Как чудесно жить в Святом Духе!

Когда я вернулся домой, зазвонил телефон. Первым звонил пастор Флорида и сказал, что он не мог удержаться, чтобы не позвонить мне, и просил срочно приехать, чтобы провести несколько собраний в его церкви. После этого звонили еще, затем еще, и в конце концов я был приглашен читать проповеди по всей стране в течение 12 недель.

За три недели мы распродали всю мебель и переехали в дом родителей моей жены.

Потом я уехал. Остаток лета и начало зимы я проповедовал в больших и маленьких городах по всей стране. Любопытно, что куда бы я ни заехал, Нью-Йорк притягивал меня. Я старался быть поближе к этому городу, который по-своему любил.

В конце зимы 1960 года я приехал в Ирвинтон, штат Нью-Джерси. Там я остановился у пастора по имени Ренджиналь Эйк, которому я рассказал, как и всем, с кем встречался, о моих приключениях в Нью-Йорке. Наша беседа продолжалась около часа.

— Дэви, — сказал он мне, — мне кажется, что в Нью-Йорке необходим пастор для работы с молодежью. Если вы хотите, я позвоню своим друзьям в Нью-Йорк.

Одним из тех, кому он позвонил, был Стенли Бэрд, пастор церкви Глед Тайдингз Табернакл на 33 Вест-Стрит, около Пенг Стейшн. Собрание заинтересованных священников было намечено провести в церкви мистера Бэрда.

Это было самое обыкновенное собрание. На нем было прочитано письмо полицейского комиссара Кеннеди, который просил занять более энергичную позицию в отношении молодежи. Мистер Бэрд ознакомил присутствующих о проделанной мною работе. Затем я высказал свое мнение о направлении работы среди молодежи в настоящее время.

Так родилось новое содружество. Его главной целью было поселить в сердцах юношей и девушек любовь Господа. Мы назвали его "Евангелизм для подростков". Я имел представление об этой работе, поэтому меня выбрали директором этой организации. Капитан полиции Пол Дилена, прихожанин церкви мистера Бэрда, был назначен казначеем. Бедный Пол — его не было на собрании, поэтому он не мог отказаться от этой должности.

На повестку дня встал вопрос финансов. Он был разрешен очень просто. Мы подсчитали, что нам необходим минимальный бюджет в 20 тысяч долларов. Мы остановились на этой сумме. Наличных денег не было, как сообщил Пол, когда Бэрд позвонил и поздравил с победой на выборах.

— Пол, — сказал пастор Бэрд, — я сообщу тебе приятную новость. Тебя только что выбрали казначеем организации Тинэйдж Евангелизм. Дэвид Уилкерсон является твоим директором в этой борьбе за молодых людей. Ты будешь рад узнать, что годовой бюджет организации составляет 20 тысяч долларов.

Капитан Дилена спросил:

— Кто такой Дэвид Уилкерсон? У кого бухгалтерские книги? Где деньги?

— Пол, — сказал пастор, — у нас нет ни книг, ни денег, а Дэвид Уилкерсон — это священник из Филиппсбурга, который считает своим долгом служить в Нью-Йорке.

Пол рассмеялся:

— Вы очень наивны.

— Да, Пол, мы наивны, — сказал пастор Бэрд,

— так же наивны, как Давид, который выступил против Голиафа, не имея ничего, кроме пращи, камня... и убеждения, что Господь на его стороне.

Глава 13

Было серое слякотное февральское утро, почти такое же, как тогда, когда я продал телевизор и начались мои приключения.

Я стоял на небольшом паромчике, едва осознавая, какой гигантский шаг мы совершили к осуществлению моей мечты. Море было неспокойно. Пенистые волны перекачивались через палубу. С правого борта была Статуя Свободы, и я поймал себя на мысли, что это очень символично, что я буду здесь каждое утро. Ведь сейчас я направлялся на остров Стейтен с особой миссией: арендовать помещение для нашего дела по освобождению подростков.

У меня был адрес, который внушал доверие: Виктори-Бульвар, 1865. Там должна была располагаться наша "штаб-квартира". Когда я добрался до нее, я невольно улыбнулся. Она состояла из трех довольно грязных комнат и находилась далеко не в шикарном месте.

— Господи, — сказал я, — благодарю Тебя за это помещение. Я не смог бы работать в другом.

В этих комнатах начиналась работа нашей организации. Единственный работник, которому платили, был я сам. И все же денег не хватало даже на то, чтобы снять самую дешевую комнату, поэтому свой диван я поставил возле письменного стола. Еду готовил сам, или иногда друзья приглашали меня к себе, видя мою тощую фигуру. Тяжелее всего было жить без семьи. Гвен осталась в Питсбурге и ждала удобного случая, чтобы приехать ко мне.

— Дэви, я знаю: все, что ты делаешь — правильно, — сказала она во время одного из телефонных разговоров. — Но я так одинока. И Гарри растет, даже не зная, как ты выглядишь.

^ Мы договорились, что Гвен и дети переедут в Нью-Йорк, как только у Бонни и Дебби закончится учебный год, даже если придется ночевать на скамейке в парке.

Между тем были и преимущества у такого образа жизни. Моя квартирка была отличным местом для молитвы. Здесь было только самое необходимое, и ничто не отвлекало внимания. В десятиметровой комнате стоял письменный стол, стул и диван. Мне очень нравилось молиться в уединении. Каждый вечер я ждал, когда наступит время, отведенное мной для молитвы. На утро я ощущал прилив бодрости и энергии.

Это было чудесное время. Испанские и английские церкви снабдили меня деньгами — 1000 долларов — для начала работы. Большинство этих денег пошло на проведение двух мероприятий. Первое называлось "операция насыщения".

Это была программа, которую мы проводили в школах, расположенных в неблагополучных районах. В своих лекциях мы говорили о проблемах наркомании, секса, алкоголя, насилия, предлагая в помощь Библию. Мы вдохновенно работали по этой программе, привлекая к работе в церкви все большее количество людей и распространяя брошюры. По истечении трех месяцев очень немного молодых людей начали новую жизнь.

Вторым мероприятием было выступление по телевидению. Я собрал сотню юношей и девушек, которые теперь были вместе с нами, организовал хор, и каждую неделю на протяжении трех месяцев нам предоставляли время на телестудии. Все было организовано очень просто: подростки пели песни, а затем кто-нибудь из них рассказывал свою историю.

Мы были удовлетворены результатами своей работы: наши выступления по телевидению стали очень популярными среди молодежи города. Но телевидение — дорогое удовольствие. Мы испытывали денежные затруднения. Выступления по телевидению обходились нам очень дорого, и, несмотря на то, что дети присылали нам свои скромные сбережения, у нас был долг в 4500 долларов уже за первые тринадцать недель работы.

— Похоже, что нам придется прекратить эту кампанию раньше времени. — сказал я на собрании нашего общества.

Все согласились со мной. Мы бы с удовольствием продлили наше выступление еще на несколько месяцев, если бы не эти затруднения.

Вдруг с заднего ряда поднялся человек. Я впервые видел его. У него был круглый воротник, и я решил, что он священник.

— У меня есть предложение, — сказал он и представился; перед нами был пастор Гарольд Бредзен, священник из голландской реформистской церкви в Маунт Верной в Нью-Йорке. — Я видел ваши представления, от них веет необыкновенной свежестью. Прежде, чем вы оставите эту программу, я думаю, вам будет полезно встретиться с моим другом.

Пожав плечами, я согласился, не понимая, к чему это, помня, однако, об удивительных непостижимых путях Святого Духа, если Он намерен открыть нам дверь и в этот раз.

На следующий день мы с Гарольдом направились к Чейсу Воркеру, издателю журнала в Манхэттане. Мистер Воркер внимательно выслушал нашу историю. Казалось, он заинтересовался нашим рассказом, но под конец был озадачен.

— А что вы хотите от меня? — спросил он.

— Я скажу прямо — нам необходимо 10.000 долларов.

Мистер Воркер опешил. Я тоже. Он рассмеялся: — Благодарю за доверие, но у меня нет таких денег. И кроме того, я не участвую в различных фондах. А почему вы обратились именно ко мне?

— Я и сам не знаю, — сказал Гарольд, — но со мною происходит удивительная вещь. Как только я начинаю видеть, что кампания может опять сорваться, я почему-то вспоминаю вас. Ваше имя не выходит у меня из головы. Ничего более удивительного со мной никогда не происходило.

Гарольд с надеждой посмотрел на Чейса Воркера. Тот молчал.

— Я ошибся, — сказал Гарольд, упавшим голосом, — но я думал, что эти мысли имеют какой-то смысл, раз они так настойчивы.

Мистер Воркер поднялся, давая понять, что наша встреча окончена:

— Если у меня появится какое-либо соображение на этот счет, я сообщу сам. Еще раз благодарю за доверие. Мы уже вышли из квартиры, когда мистер Воркер вдруг окликнул нас:

— Гарольд! Дэвид! Подождите... Мы вернулись в кабинет.

— Сегодня со мною случилась непонятная вещь. Я получил довольно странную телеграмму и никак не могу разобраться в ней, — он отыскал ее среди бумаг на столе. — Телеграмму прислал Клемент Стоун, президент страховой компании Чикаго, мой хороший друг. В ней говорилось: "Предыдущая телеграмма недействительна. Буду в Савой Хил-тоне в среду". То есть сегодня. Но я никогда не получал от него первую телеграмму, — сказал мистер Воркер. — И почему он сообщает мне о своем приезде? Ведь мы не договаривались о встрече. Может быть его секретарь перепутал мое имя с чьим-то другим?

Воркер взглянул на Гарольда, взял ручку и что-то написал на листке бумаги.

— Поезжайте в Савой, — сказал он, протягивая записку Гарольду. — спросите там мистера Клемента Стоуна. Если он будет там, отдайте ему эту записку.

Мы прочитали записку: "Дорогой Клемент, представляю тебе Давида Уилкерсона, который проводит сейчас важную работу среди подростков города. Ему нужно 10 тыс. долларов. Он тебе все расскажет. Если сможешь, помоги ему. Чейс".

— Все это очень глупо, — сказал я Гарольду, — я думаю нет смысла идти туда.

— Напротив! — возразил Гарольд. Он был уверен в успехе предприятия. Через полчаса мы прибыли по указанному адресу. Было половина шестого вечера. Дверь открыл мужчина. Он завязывал галстук, видимо собираясь на обед.

— Мистер Стоун?

Мужчина утвердительно кивнул.

— Простите, у нас к вам записка от Чейса Воркера.

Мистер Стоун прочитал записку и пригласил нас войти. Он был озадачен не меньше нас. Он сказал, что через несколько минут он должен быть внизу, и если мы согласны, он выслушает нас, пока собирается.

Через 15 минут он был уже готов, а я только начал рассказывать о нашем движении.

— Извините, я должен идти. — сказал мистер Стоун. — Я доверяю Чей су Воркеру. Пришлите мне ваши счета. Я оплачу их на сумму 10 тыс. долларов.

Мы с Гарольдом переглянулись, ошеломленные.

— А сейчас я прошу извинить меня. — мистер Стоун направился к двери. — Вы можете записать свой рассказ на пленку и прислать мне. Я обязательно встречу с вами в следующий раз. Тогда и поговорим о деталях.

И он ушел.

С помощью этих денег мы расплатились с долгами, смогли продолжить наши передачи и выпустили кинофильм "Ястреб на моих венах" об увлечении подростков города наркотиками. Эти деньги имели для нас большое значение. Нам становилось все яснее, что рука Господа помогает нам. Пока мы даем возможность Ему вести нас, чудеса сопровождают нас по всему пути.

Глава 14

Несмотря на достигнутый успех, которого мы добились за последнее время, я чувствовал, что нам не хватает личного контакта с подростками. Поэтому задолго до конца наших выступлений по телевидению я начал ходить по улицам города и разговаривать с юношами и девушками. Это было намного эффективнее. У Иисуса Христа не было никаких средств информации. Он непосредственно общался с окружающими. Возвратившись к своему прежнему занятию, я понял, что это как раз то, что нужно.

Каждое утро я ездил в Бруклин, чтобы поговорить с молодежью. Перемена во многих из них совершалась прямо на глазах, как это было и на стадионе в Сант Николае. Необходимо было что-то делать для определения дальнейшей судьбы моих подопечных. Я не беспокоился за тех, кто стал регулярно посещать какую-либо церковь, но были и такие, кто нуждался в помощи.

Однажды, когда я ехал в Бруклин, моя давняя мечта о доме для подростков обрела в моих мыслях конкретную форму. Этот дом, который можно было бы назвать Центром подростков, располагался бы в самом неблагополучном районе города. У нас был бы штат из десятка специалистов, разделяющих мои взгляды и надежды. Каждый из них вел бы работу по определенному направлению: борьба с преступностью, наркоманией, проституцией, беседы с родителями и занятия с детьми.

Мы создали бы особую атмосферу новой жизни, построенной на доброжелательности и любви. Сюда приходили бы юноши и девушки, нуждающиеся в поддержке, здесь они учились бы и принимали участие в богослужениях. Они узнали бы, что значит жить и работать по-христиански, и готовились бы к жизни, направляемой Святым Духом.

Летом 1960 года, проработав год в Нью-Йорке, я повсюду стал делиться своими планами, пытаюсь найти поддержку, но мне постоянно говорили одно и то же: "Дэви, ваша мечта имеет один недостаток — она требует денег". И правда, у нас на счету никогда не было более 100 долларов.

В конце учебного года собиралась приехать Гвен. Я нашел небольшую квартиру в районе Стейтен Айланд.

— Это, конечно, не отель "Хилтон", но, по крайней мере, мы будем вместе, — сказал я Гвен по телефону. — Собирайтесь, я приеду за вами.

— Дорогой. — ответила она, — я согласна жить и на улице, лишь бы быть вместе с тобой.

И вот мы снова вместе и счастливы, несмотря на тесноту квартиры.

Гвен весьма заинтересовалась идеей создания Центра.

— Дэви, — сказала она, когда я в очередной раз пожаловался на наши финансовые затруднения, — как тебе не стыдно? Ты начинаешь не с того — хочешь накопить деньги, чтобы купить дом, тогда как, если ты делаешь это с верою, должен сначала подыскать дом, а потом позаботиться о деньгах.

На первый взгляд ее предложение показалось мне чисто женским. Но чем больше я размышлял над ним, тем чаще мне приходили на ум примеры из Библии: Моисей должен был простереть руку над морем, чтобы оно расступилось, и священники по слову Иисуса Навина должны были затрубить в трубы, чтобы стены Иерихона обрушились. Да, человек часто поступает, не отдавая себе отчета в водительстве Божиим, и только последующие события говорят об этом. Может и мне нужно прежде заняться поиском дома?

Я встретился с членами нашего комитета. Конечно, такое название для группы из шести человек звучит громко, но это были самоотверженные, преданные делу люди, которые отдавали много сил и времени работе нашей организации.

Я рассказал им о растущей потребности создания дома, где бы малолетние преступники и наркоманы могли встречаться с христианами. Я также высказал им мысль Гвен о том, что сначала нужно найти подходящий дом, а потом позаботиться об уплате за него. Комитет согласился с моим предложением.

— Мы должны рассчитывать только на свою веру, — сказал один из наших служащих по имени Артур Грейвз.

Результатом нашего эксперимента явились следующие события: 15 декабря 1960 года в два часа ночи, во время молитвы, я получил откровение, что нам необходимо искать дом на Клинтон Авеню, а не на Фултон Стрит, где ранее сосредоточивались наши поиски.

Я взял карту, нашел нужную мне улицу и сразу же пометил ее, как будто место расположения Центра подростков было делом решенным.

На следующий день я позвонил нескольким членам комитета, и мы договорились встретиться на Клинтон Авеню с тем, чтобы искать подходящий дом. Я позвонил также казначею нашей организации Полу, сообщил ему о нашем решении и поинтересовался нашим финансовым положением. Оказалось, что мы располагаем суммой в 125 долларов 73 цента.

Первый же дом, который мы осмотрели, казалось, отвечал нашим требованиям. Это было старое, мрачное здание стоимостью 17 тыс. долларов. Цена была приемлемой. Мы осмотрели дом и договорились о покупке. Но, когда мы пришли на следующий день, хозяин начал уклоняться от принятого решения, увеличивая стоимость. Так продолжалось несколько дней, пока мы, наконец, не решили поискать другой дом.

В нашей кассе оставалось не более ста долларов, а дом, который мы снова нашли, стоил уже 34 тыс. долларов. Это была бывшая больница. Во многих отношениях помещение удовлетворяло нашим требованиям. В доме имелось все необходимое для размещения достаточного количества работников и воспитанников Центра.

Мы уговорили владельца дома снизить цену и я уже чуть было не подписал контракт.

— Прежде, чем мы примем решение, я думаю, нам необходимо взглянуть на другой дом, который находится напротив, — предложил Дик Симонз, молодой служащий, входивший в состав комитета.

— Сколько он стоит? — спросил я.

— 65 тыс. долларов.

— Прекрасно, — сказал я. — Всякий раз, когда мы находим новый дом, его цена поднимается, а наша касса пустеет. Когда у нас было 125 долларов, мы хотели купить дом за 17 тыс. долларов. Когда у нас было 100 долларов, мы решили купить дом за 34 тыс. долларов, а теперь, когда у нас почти ничего не осталось, мы собираемся купить дом за 65 тыс. долларов.

Тем не менее дом всем понравился. Это был настоящий дворец, построенный из красного кирпича в стиле эпохи короля Георга.

Я никогда не встречал более запущенного жилища. Здесь уже давно никто не обитал. Раньше его использовали студенты. Теперь там жил один старик, который собрал здесь столько всякого хлама, что трудно было даже представить. Весь дом был завален горами газет, разбитых бутылок, детских колясок, старых зонтиков и прочим хламом. Все водопроводные краны не действовали, во многих местах с потолка и стен обвалилась штукатурка, лестничные перила шатались из стороны в сторону, а двери были сорваны с петель.

Но, несмотря на все это. чувствовалось, что когда-то это был вполне приличный дом, там даже был внутренний подъемник. Наверху размещались комнаты для прислуги, подвал был сухой и крепкий. Мы молча осмотрели его. И вдруг Гарольд Бредезен, пастор из Маунт Вер-нон, громко, словно читая проповедь, сказал:

— Это место выбрано для вас Богом! Он сказал это голосом, не терпящим возражений, его слова прозвучали, как пророчество. Нотки уверенности в его интонациях я слышал еще много дней, и, мне кажется, они имели отношение к тому, что мы собирались делать.

Возвращая ключи хозяевам дома. Дик Симона заметил, что цена в 65 тыс. долларов подошла бы, если бы дом был в лучшем состоянии. Он уговорил владельца снизить цену до 42 тыс. долларов!

— Итак? — спросил я Дика, — замечательнейшая сделка, учитывая, что на счету у нас целых сто долларов!

Но мне не очень хотелось покупать этот дом. Слишком много потребуются усилий, чтобы привести его в надлежащий вид. Меня больше интересовали творческие вопросы, а не ремонт старого дома.

С другой стороны, если нам суждено въехать в это здание, то кто я такой, чтобы возражать? Прежде, чем предпринимать что-либо, я хотел убедиться, что мы действуем по воле Бога.

Поэтому в ту же ночь, во время молитвы, я спросил об этом у Господа.

— Господи, Ты помогал мне постичь Твою волю, давая знаки.

Я вспомнил, как мы спрашивали у Бога о работе в Филипсбурге, о продаже телевизора.

— Я хотел бы испросить Твоего позволения еще раз "расстелить шерсть" пред Тобой.

На следующий день я поехал в Глад Тайдингз и долго разговаривал там с миссис Марией Браун, которая работала в церкви Стенли Бэрг. Я подробно рассказал ей о необходимости создания Центра и о доме, который мы выбрали.

— Дэвид, — сказала миссис Браун. — По-моему все так и должно быть. Когда вам понадобятся деньги для уплаты?

— Через неделю.

— Может быть. вы придете в воскресенье в нашу церковь и попросите помощи у прихожан? Конечно, приближается Рождество, и это не самое удобное время, но все же приходите, если хотите.

Я с радостью согласился. Я знал, что в Глад Тайдингз я не соберу и двух тысяч долларов, а нам нужно было более, чем в два раза больше — 4200 долларов, то есть первый взнос, составляющий 10% от общей суммы. Но я просил Господа совершить чудо. Я хотел удостовериться в Его поддержке.

— Господи. — молился я в ту ночь. — Если Ты хочешь, чтобы мы купили этот дом, помоги нам собрать необходимую сумму денег для первого взноса за один вечер.

Было весьма нелегко, но, подобно Гедеону, я решился усложнить ситуацию:

— Более того, позволь собрать мне эту сумму не говоря, сколько именно нам нужно. Пусть люди жертвуют от чистого сердца.

Я чувствовал, что нахожусь в глупом положении. Было ясно, что я не очень-то хотел покупать этот дом. Но я уже вознес молитву и теперь хотел видеть, что же из этого получится.

Наступило воскресенье. Я организовал очень простую службу. Намеренно прохладно и без эмоций я рассказал о наших затруднениях, привел примеры из жизни ребят, начавших новую жизнь. В конце службы я сказал:

— Я не хочу произносить трогательные призывы, я хочу, чтобы все свершилось под действием Святого Духа. Я сейчас оставлю вас и сойду вниз в подвальное помещение. Если вы пожелаете внести свою лепту в наш фонд, я буду рад.

Я ушел в заднюю комнату и начал ждать. Я никогда не забуду того, что мне довелось пережить в те минуты. Я даже удивился своим переживаниям. До этого я не задумывался всерьез о покупке этого дома на Клинтон Авеню. Прошло десять минут. Никто не появлялся. Я даже обрадовался, что все кончилось. По крайней мере, я знал, что на этот раз знамения не будет.

Вдруг в конце коридора открылась дверь, и вошла пожилая дама. В ее глазах были слезы.

— Пятнадцать лет, — сказала она, — я молюсь о том, чтобы кто-нибудь взялся за эту работу. Вот десять долларов. Это все, что может дать вдова. Но я знаю, что эти деньги принесут пользу.

Следующей пришла женщина, которой было приблизительно лет 50. Она сказала:

.— Пастор Уилкерсон, мне платят пенсию из отдела социального обеспечения. Я хочу отдать эти деньги вашим ребятам.

Не успела она выйти, как кто-то широко открыл дверь, подперев ее стулом, и в комнату хлынул непрерывный поток людей.

Я был потрясен. Я прежде не видел ничего подобного. Люди приносили по 100, по 200 долларов, кто сколько мог. Маленький мальчик принес все свои сбережения — 14 центов. Он сказал:

— Вот все, что у меня есть. Я отдаю их во имя Бога.

Казалось, для каждого была установлена определенная сумма. Школьный учитель Рад Рунги сказал:

— Дэвид, я зарабатываю немного, но я знаю, что значит работать с подростками. Вот чек на 25 долларов.

Люди приходили и складывали деньги на стол. Но каждый из них приносил что-то более важное, чем деньги — поддержку, ободрение. В тот вечер мы собрали 4400 долларов!

Я рассказал ми сие Браун о своих молитвах. Она была взволнована не меньше, чем я. Она постоянно повторяла, что совершилось чудо. Их церковь никогда еще не собирала такую сумму. Она была более чем уверена, что Бог был с нами.

Меня только удивляло, откуда взялись лишние 200 долларов. Нам необходимо было 4200 долларов, а мы собрали 4400. Конечно, мы не могли ожидать, что получим точно такую сумму, на которую рассчитывали, ни больше, ни меньше, но все же, почему получилось на 200 долларов больше?

Прошло несколько дней. Я разговаривал с нашим юристом Джулиусом Фрайдом об уплате первого взноса.

— У вас чек ровно на 4200, Дэвид? Я отдал ему чек с благодарственной молитвой.

Джулиус беспокойно заерзал в кресле, как бы готовясь сказать нечто не совсем приятное.

— Вы знаете, что я ничего не беру с Центра за свои услуги, но другим юристам приходится платить.

— Что ты имеешь в виду, Джулиус?

— Нам понадобится немного денег.

— Сколько?

— 200 долларов.

Подобным образом Бог послал нам и остальную сумму для оплаты за дом. В следующее воскресенье в Церкви Бетрейдж в Лонг Айланд прихожане собрали три тысячи долларов. На следующей неделе приехал Артур Грейвз и объявил мне решение своей церкви:

— Дэвид, — сказал он. — Мои братья послали меня к вам, чтобы отдать этот незаполненный чек. Вы можете вписать туда сумму, необходимую вам для окончательного расчета за здание. Она будет оплачена.

Таким образом Бог дал нам все необходимое для покупки дома. В тот день, когда мы получили ключи от ставшего теперь нашим домом прекрасного особняка, я сказал своей жене:

— Да. Гвен, ты была права. Потребовалась женщина, чтобы указать нам путь.

— А когда нужно платить следующий взнос?

— Следующей осенью.

Осень была еще далеко. Я не представлял, что мы будем настолько заняты в этом году, что и не заметим, как наступит день уплаты второго взноса в 15 000 долларов.

Глава 15

В доме, который мы купили, как я уже говорил, собралось невообразимое количество мусора. Гвен предложила организовать уборку хлама совместными усилиями всех подростков.

В один из субботних дней, в конце января, собралось около 15 юношей и девушек, жаждавших привести в порядок свое будущее жилище. Но их пыл охладился, когда они увидели, сколько было там мусора.

Но ребята сделали великое дело. Они усердно работали до тех пор, пока дом не был убран. И весь хлам теперь был во дворе.

Тут Пол Дилена взялся за дело — вызвал из санитарной службы четыре машины для вывоза мусора. Увидев такие горы, приехавшие рабочие потребовали 30 долларов, и Пол согласился их заплатить им после того, как все будет убрано. Вскоре весь хлам был вывезен.

Пол подошел к старшему и предложил обещанное вознаграждение. Тот рассмеялся:

— Ваши ребята рассказали мне, что за работу вы выполняете. У меня самого сын подросток. Неужели вы думаете, мы возьмем с вас деньги?

Через три недели мы начали приводить в порядок сам дом. Маляры из соседних церквей красили стены. Студенты близлежащего колледжа искусств украшали их своими "произведениями". Кроме этого, нужно было сделать много другой работы по устройству и переоборудованию дома. И все это требовало денег, которые мы собирали по всей стране.

И тут еще один удар — власти города заявили, что не выдадут нам сертификат на здание, пока мы не установим противопожарную систему, а стоимость ее — 5000 долларов. И снова я отправился по стране собирать деньги, отвлекаясь от той работы, которую я по настоящему хотел делать. Конечно, я не мог бы сделать этого один — все члены комитета помогали в этом. Грейди Финнин ездил по всей стране, рассказывая о наших нуждах. Весьма преуспевающий певец Мартин Карл оставил свою работу в шоу Артура Годфри и стал нашим "поющим послом". Но вскоре ремонт в доме был, все-таки, окончен.

Теперь в дом должны прийти дети Божий и им нужно дать хотя бы на чем сидеть. У нас было прекрасное здание, но оно было пусто.

Именно на этой стадии нашего эксперимента я осознал, что Господь пожелал, чтобы очень разные люди принимали в нем участие. У нас в комитете имелись представители Епископальной и Пресвитерианской, Баптистской и Голландской Реформистской церквей. Мы также вызвали интерес и у весьма влиятельных бизнесменов.

У нас были следующие планы на будущее. В Центре будет работать 20 служащих. Каждое утро будет начинаться с молитвы, затем занятия. Это будет важной частью работы, ибо я давно пришел к выводу, что без спокойного размышления никакое дело не будет двигаться успешно. После этого группами по 2-3 человека мы будем выходить на улицы. Все наши сотрудники будут подготовлены для работы с наркоманией, алкоголиками, проститутками, членами преступных группировок.

Наши сотрудники будут выходить на улицы не с целью приобщения к вере, но для помощи. Большинство подростков, с которыми мы будем встречаться таким образом, не будут жить в нашем Доме. С ними работа будет проводиться на дому до тех пор, пока мы не убедимся, что он крепко стоит на собственных ногах.

Но некоторые из ребят потребуют особого внимания. Таких мы будем приводить в Центр. Мальчики смогут жить наверху вместе с мужчинами, а девушки — на втором этаже, где у нас размещаются семейные служащие и женщины. Вообще мы предполагали вести работу исключительно с юношами, но если и девушка окажется в беде, то мы не откажем ей в помощи.

Основная трудность состояла в том, что я не знал, где мне найти 20 молодых, здоровых, заботящих и любящих детей мужчин и женщин, которым мы сможем к тому же платить всего лишь десять долларов в неделю? При этом работа их будет сопряжена с риском.

Как раз в то время, когда я был занят поиском штата сотрудников, на одного нашего парня, Карлоса, было совершенно покушение.

Карлос был раньше членом одной из самых ужасных банд города под названием "убийцы". После того, как его жизнь изменилась, он пошел в банду, чтобы рассказать своим бывшим друзьям, как это произошло. Как только он там появился, его окружили члены банды.

— Говорят, ты стал верующим? — спросил главарь "убийц".

— Это правда, — ответил Карлос.

— Говорят, ты теперь не будешь драться?

— Совершенно верно.

— Ты будешь драться, если я нападу на тебя, — крикнул главарь, вытаскивая нож.

Карлос отскочил в сторону и сорвал со стоящего рядом автомобиля антенну, но, подумав, тут же отбросил ее в сторону.

— Нет, я не буду драться.

В этот момент главарь шайки ранил Карлоса ножом. Все члены банды тут же разбежались. Карлос истекал кровью, когда его доставили в госпиталь Сумблиранд, его жизнь висела на волоске. Карлоса все же вылечили. При выписке врач посоветовал ему больше не проповедовать перед вооруженными людьми.

Карлос не обратил внимания на слова врача и сразу же отправился проповедовать на улицы. Наверное, благодаря этому случаю он стал одним из лучших работников.

Но кому хотелось рисковать жизнью? Сколько еще таких, как Карлос, согласятся сотрудничать с нами?

Как будто в ответ на мой вопрос, вскоре я получил телеграмму из Центрального Библейского Колледжа в Спрингфильде, штат Миссури, с просьбой прочитать там лекцию. Я принял приглашение и прочитал студентам лекцию о работе с подростками, рассказал о нашей работе, о том, что нам нужны сотрудники. Это была прекрасная служба, на которой ясно ощущалось присутствие Духа Святого.

После моего выступления поднялся президент колледжа и сказал, что наша работа очень напоминает Деяния Апостолов. Он предложил финансовую помощь студентам, которые пожелают работать со мной. Когда я пришел в библиотеку колледжа, назначенную местом встречи, там уже собралось семьдесят студентов.

Мне нужно было выбрать только двадцать человек. Я рассказал собравшимся, что ожидает их в Нью-Йорке; рассказал, что работать они будут почти бесплатно и даже свой проезд в Нью-Йорк должны будут оплатить сами. Все, чем мы могли обеспечить их, была еда и жилье. Я также рассказал, что работа сопряжена с риском для жизни и рассказал им, что произошло с Карлосом и двумя другими ребятами, которых избили на улице. Я добавил, что нужно будет самим готовить пищу, мыть посуду, убирать в доме. К моему удивлению, набралось около 20 желающих.

В конечном итоге у нас было 16 студентов из этого колледжа и 4 из колледжа Ли в Теннессе. Через некоторое время они начали прибывать в наш Центр. Осматривая наш дом, они, видимо, размышляли над тем, куда они попали.

Вот письмо одной студентки, написанное ею домой вскоре после прибытия:

"Мои дорогие, привет из Нью-Йорка! Я приехала в вчера в 8.15 вечера. На вокзале было очень много народа, но с помощью Господа я и мои товарищи благополучно добрались до места назначения. Доехала хорошо. Здесь буду работать по следующему распорядку:

1. Работа по евангелизации девушек:

Понедельник — свободный день. Вторник — работа с подростками на улице. Среда — навещаем девушек в больницах. Четверг — навещаем девушек в тюрьмах. Пятница — работаем на улицах. Суббота — работаем в церквях различных деноминации. Воскресенье — работаем в Пятидесятнических церквях.

2. Работаю воспитателем: слежу за уборкой помещения, за выполнением домашних заданий т.п.

3. Работаю музыкальным руководителем. Мы молимся о том, чтобы Бог дал мне в помощь еще одну девушку. На этой неделе было убито трое ребят. А сейчас я должна помочь приготовить ужин. Не забываете ходить в церковь. я люблю вас!"

Я никогда не забуду тот день, когда я мог сказать Гвен: "Итак, дорогая, мы приступили к работе".

Мы находились в небольшой часовне нашего центра, которая раньше была гостиной. У одной из стен находился огромный камин. Я прислонился к резному кожуху камина. Я напомнил Гвен о том вечере в Филипсбурге, когда я стоял во дворе дома и смотрел на поле ржи. Теперь Господь дал нам урожай. Он дал нам отличный инструмент: 20 служащих с верой в силу Святого Духа.

— Взгляни, дорогой, — сказала Гвен.

Сначала я не мог понять, что она имела в виду, но приглядевшись, я увидел, что на кожухе камина, к которому я прислонился, был искусно вырезан сноп пшеницы.

Глава 16

Как только вновь прибывшие студенты разместились, я собрал их всех в часовню у того самого камина со снопом и рассказал им о положении дел в нью-йоркских преступных группировках.

— Насилие — вот самая характерная черта действий таких команд, — сказал я молодым служащим. — Это слово подразумевает и драки, в которых гибнут ребята, и изнасилования, садизм, и гомосексуализм, наркоманию, алкоголизм. Это обычные явления среди шаек.

Я считал, что нашим молодым работникам необходимо было знать причины такого положения дел.

— Мы, проповедники, кажемся иногда слишком многословны, но во многих случаях наш лексикон не позволяет достаточно ясно представить действительное положение вещей. Например, мы говорим о потерянных грешниках. Узнав поближе этих уличных бойцов, я понял, что они действительно потеряны и для Бога, и для людей. Они живут в постоянном страхе. Они носят оружие, чтобы в любую минуту быть готовыми защищаться от противников. Банда — это объединение таких вот потерянных ребят, которые собираются вместе, чтобы бороться за свое существование.

Во время своей работы с ними я выяснил, что, в сущности, ни у кого из них не было дома. О доме они говорили, как о тюрьме.

Я повел своих сотрудников на квартиру к одному из "уличных" ребят.

Когда мы пришли, дверь была открыта, дома никого не было.

— Сейчас вы увидите, почему они называют это домом ужасов — шепнула девушка с фермы Миссури.

В однокомнатной квартире жило пять человек. Воды нет, нет и холодильника, плиты. Восемь семей пользовались одним туалетом, который располагался внизу. Вентиляция тоже оставляла желать лучшего. В комнате сильно пахло газом. Единственное окно выходило прямо к стене другого дома. Комната освещалась 40-ваттной лампочкой.

— А вы знаете, сколько они платят за этот "дом ужасов"? — спросил я. — 20 долларов в неделю, 87 — в месяц. Я быстро подсчитал, что владелец этого дома имеет ежемесячную прибыль в 900 долларов.

— Но почему же они не перейдут в другое место?

— Потому что негр или пуэрториканец не может жить там, где ему хочется. Это гетто, — сказал я.

— А как насчет жилищных программ?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы поехали в район, который, как считают многие, решит проблему трущоб в городе. В перенаселенные районы приезжали бульдозеры, разрушали старые дома и вместо них строили новые здания, в которые должны были заселяться люди из старых домов. Но те, у кого была работа, не ждали два года окончания строительства. И здесь оставались только безработные. Результатом этого было то, что население района почти полностью обновлялось. Собиралось много людей, потерявших себя в этом мире, не имевших возможности позаботиться о себе.

Мы побывали в таком районе, которому было всего несколько лет, но всюду уже были следы заброшенности, многие окна нуждались в ремонте, стены домов были исписаны, пахло дешевым вином.

Здесь мы тоже посетили знакомую мне семью, в которой мать сильно пила. В комнате было грязно, не убрано. Мальчик, к которому мы пришли, сидел молча, словно не замечая нашего присутствия.

— Я знаю этого парня другим. — сказал я. — Он бывает очень энергичным на улице, где он почти все время пропадает. Домой он возвращается только тогда, когда нет матери.

Вот так и образуются банды: в одном районе собираются семьи, подобные этой семье, дети которых забиты и запуганы. Они организуются в банды, находя в них защиту и покровительство. Они сражаются с другими бандами за свою территорию, куда не может проникнуть никто чужой. Это их крепость.

Им некуда девать время. Кроме того, многие из них очень бедны. Однажды я встретил четырнадцатилетнего подростка, который не ел около двух дней. Его бабушка давала ему каждое утро 25 центов и выгоняла на улицу. На завтрак он выпивал на 7 центов кока-колы, на обед тратил 15 центов, а когда наступало время ужина, он смеялся и говорил, что у него диета. Весь вечер он сосал одноцентовый леденец.

Странно, но несмотря на то, что у всех этих ребят не было денег на еду, на бутылку вина у них всегда находилось.

— Меня пугает то, что они так много пьют, — сказал я. — Многие ребята целыми днями пьют вино. Напиваются они редко — на это у них не хватает денег. Но они никогда почти не бывают трезвыми. Они начинают пить с самого утра и кончают только тогда, когда истощаются их денежные ресурсы. Часто они отбирают деньги у малышей или воруют, и иногда устраивают грандиозные попойки, которые, как правило, заканчиваются трагично.

Когда мы вернулись в Центр, я снова собрал всех служащих в часовню и рассказал им историю Мартина Илинского. Мартин был учеником старшего класса и работал, чтобы содержать больную мать. Однажды он пошел к своему другу, где устраивалась вечеринка. Там собралось десять подростков — шесть ребят и четыре девушки. Когда у них кончились запасы спиртного, они начали собирать на пиво. Мартин отказался дать деньги. Последовала драка, и Мартин Илинский был убит.

Я знал, что эта история до глубины души взволнует молодых работников. Я сказал:

— Представьте, что вы встретились с Мартином на улице. Вы знаете, что если он пойдет на тот вечер, он будет убит. Что бы вы ему сказали?

— Что Иисус спасает, — ответил один парень.

— Вот этого-то я и опасаюсь. Все были озадачены.

— Мы должны быть очень осторожны в употреблении подобных фраз, — сказал я. — Прежде, чем сказать такие слова на улице, я обычно молюсь, чтобы Дух Святой вложил в них истинную силу и смысл. А что подразумеваете вы под этим — "Иисус спасает"?

Конечно же, отвечая на этот вопрос, наши ребята и девушки не были голословны. Они имели в виду то, что произошло с ними в свое время.

— Это значит, — сказала одна девушка, — родиться вновь. Но в ее словах не было той свежести, той убедительности, которая могла бы повлиять на решение Мартина Илинского.

— Что произошло с вами, когда вы возродились для новой жизни? — спросил я девушку.

Она немного подумала и рассказала свою историю. Она была очень одинока, жизнь для нее не имела никакого смысла.

— Я слышала о Христе, — сказала она, — но Его имя было для меня пустым словом. Однажды мой друг сказал, что Христос может освободить меня от одиночества и страха. Мы пошли в церковь, и после служения священник попросил меня выйти вперед, что я и сделала. Я опустилась на колени и попросила того самого "Христа", который был для меня лишь пустым словом, сотворить перемену в моей жизни. С тех пор моя жизнь полностью изменилась. Я думаю, это и означает "родиться заново".

— Ты больше не чувствуешь одиночества?

— Нет. И я больше не испытываю страха.

— Теперь для тебя Христос значит больше, чем простое слово?

— Конечно. Само слово не может ничего изменить.

Все молчали.

— Вот также и в случае с Мартином: пустые слова ничего бы не изменили в его жизни, — сказал я. — Помните об этом мальчике, когда будете работать.

К весне 1961 года наш Центр развил бурную деятельность. Каждый понедельник, который у нас был выходным днем, молодые сотрудники Центра выходили на улицы Бруклина, Гарлема, Бронкса и

встречались с подростками, нуждавшимися в помощи. Они заходили в больницы и тюрьмы, ходили по школам и судам. Они проводили собрания в Гринвич Виллидж, Кони Айланд, в Центральном парке. Благодаря этой работе количество подростков, приходивших в Центр, значительно увеличивалось. За первый месяц работы было спасено более 500 юношей и девушек. Они ощутили на себе воздействие Святого Духа, бросили банды, начали ходить в церковь, нашли работу. Особо нуждающиеся жили в нашем Центре.

Одним из первых обратившихся был девятнадцатилетний Джордж. Родители выгнали его из дома, возмущенные его связями с женщинами и мошенничеством. Обычно он имел связи с женщинами, которые были вдвое старше его. Это происходило так: он заводил знакомство с пожилой женщиной, рассказывал ей о своей трудной жизни и просил разрешить зайти еще раз, просто поболтать. Вскоре он переселялся в дом женщины, которая заботилась о нем, как о сыне. Джордж работал ювелиром. Когда он прочно входил в доверие женщины, он брал у нее драгоценности "для переделки" и исчезал.

Так и проходила его жизнь. Но однажды все изменилось. Джордж случайно попал на одно из наших уличных собраний. Через несколько дней он появился в нашем Центре. Он зашел просто так, поразвлечься. Войдя, он тут же ощутил доброжелательную, теплую атмосферу в доме. К нему подошел один из наших сотрудников, Ховард Кальвер.

После разговора с ним Джордж решил начать новую жизнь. Он молился, чтобы Господь возродил его к этой новой жизни.

— Я как будто бы освободился от какого-то тяжелого груза, — сказал он мне позже.

Он был очень взволнован тем, что с ним произошло, и не переставал говорить об этом.

Спустя некоторое время, Джордж решил вернуть деньги за все украденные драгоценности. Он нашел хорошую работу и начал выплачивать долги, оставляя себе на пропитание самую незначительную сумму. Когда он уплатил все долги, то стану священником, — так решил Джордж.

По мере увеличения числа воспитанников в Центре вставала другая нравственная проблема. Все ребята были нарушителями закона, многие совершили тяжелые преступления. Как им нужно было поступать?

Для тех, кто уже укрепился в вере, ничего не стоило отсидеть в тюрьме за свое преступление. Но для того, чтобы иметь на это силу, нужно время. Им нужно еще долго учиться быть христианами. А если они откроют свою вину слишком рано и попадут в тюрьму, возникает опасность вновь потерять их. С другой стороны, все они нарушили закон и должны были отвечать за это, иначе они не получат духовного спокойствия.

На этот вопрос часто нельзя было дать однозначного ответа, и я часто не знал, что посоветовать. Однажды ко мне обратился Педро.

— Я не могу ни есть, ни спать.

— В чем дело, Педро?

— Я чувствую тяжесть совершенных мною преступлений. Я должен пойти в полицию и во всем признаться.

Я выслушал его и решил, что ему следует сделать признание в полиции, но не сейчас. Педро, не вдаваясь в подробности, рассказал мне о своих преступлениях. Он плохо говорил по-английски, а я почти не знал испанского. Он находился в подавленном состоянии, и ему казалось, что единственным выходом из создавшегося положения было откровенное признание в полиции. Но я боялся, что решение суда могло сломить его и вернуть к прежней жизни, и советовал ему повременить. Но он не желал и слушать об этом.

Я попросил Винцета Ортеза быть переводчиком. Все трое мы направились в полицию. Когда мы зашли в полицейский участок, сержант жевал бутерброд.

— Я вас слушаю, сэр, — сказал он.

— Я — пастор Уилкерсон, лидер Евангельского движения среди подростков. Этот парень был членом банды "Драгонз", он хочет кое-что вам сообщить.

Сержант окинул меня странным взглядом. Я повторил только что сказанное.

— Он что, сумасшедший?

— Нет, — ответил я.

— К нам часто приходят люди и признаются в преступлениях, которых они никогда не совершали. Но если вы считаете, что мальчик в здравом уме, отведите его к следователю.

Мы последовали его совету. Следователь спросил нас, принуждали ли мы Педро прийти к нему.

— Нет, — сказал я, — мальчик пришел по собственной воле.

— Вы знаете, что он может попасть в тюрьму?

Я попросил Вицента перевести. Мальчик утвердительно кивнул: да, он знает это. Следователь приготовился к допросу. Чувствовалось, что он проникся к мальчику симпатией.

— Итак, Педро, что бы ты хотел нам рассказать?

Педро начал свой рассказ: "Вы помните то убийство?..." И он рассказал о жесточайшей драке с поножовщиной в Центральном парке, которая произошла два месяца тому назад. Педро описал это происшествие со всеми подробностями: он был на игле и не мог найти дозу. Он и еще двое ребят напали в парке на молодого человека, избили, ограбили и нанесли ему ножевые ранения. Затем Педро рассказал о двух кражах. Допрос продолжался около шести часов. Детективы проверяли и перепроверяли все факты. В случаях с грабежами заявлений от пострадавших не поступало, так как, по словам полицейских, те сами были нечисты перед законом.

Мы поручились за Педро, и его отпустили. На следующее утро Педро поднялся раньше всех в Центре. Он разбудил всех своим пением. Педро стал совершенно другим человеком, его сердце наполнилось настоящей радостью.

Но не все истории были так драматичны. Большинство подростков приходило в Центр, гонимые одиночеством и душевным опустошением. Они никому не были нужны. В нашем Центре они нашли настоящий дом. Одним из таких ребят был Дакки. Когда ему было 11 лет, он связался с бандой "Краунз". Его любимым занятием было бить окна в патрульных машинах. Он получал истинное наслаждение от этого занятия и радовался, когда полицейским не удавалось поймать его. Потом он попал в банду "Драгонз" и в 15 лет стал ее президентом. Он не долго занимал этот пост, потому что вскоре его посадили в тюрьму за избиение своего учителя. Через шесть месяцев его отпустили. Он учился в школе кондитеров, затем в школе поваров и, наконец, в школе мясников, но нигде не мог поладить с учителями, и его выгоняли. Наш Центр был единственным местом, где он чувствовал себя, как дома.

— Что мне здесь больше всего нравится, — говорил он, приветствуя новичков своей широкой, искренней улыбкой, — так это то, что здесь не обращают внимания на твою национальность или расовую принадлежность. Все — и белые, и цветные — живут здесь одной семьей, объединенные Богом. У Лакки был необычайно глубокий духовный опыт и он связывал его с нашим Центром и ни за что не хотел покинуть его. Он не хотел двигаться вперед, будучи совершенно удовлетворенным своим положением. Он хотел оставаться с нами и помогать нам. И мы решили оставить его у себя до тех пор, пока он сам не почувствует готовность к движению.

Глава 17

Работа Центра постепенно налаживалась. Все работали с утра до ночи по следующему расписанию:

Подъем в 7:00, завтрак в 7:30, уборка и личное время до 9:30, занятия в часовне с 9:30 до 11:30. Обед в 12:00, уборка, молитва и работа на улице с 14:00 до 18:00, затем легкий ужин и работа на улице до 19:30. Вечерняя служба до 12 ночи.

Мне одному было трудно справиться со всей работой в Центре, поэтому вскоре был создан оперативный комитет по организации всех дел. Говард Кульвер стал нашим администратором:

не очень легкая работа, когда ты имеешь дело с двадцатью энергичными молодыми коллегами и постоянно меняющимся количеством членов различных шаек. Его жена была настоящим даром для нас — она была квалифицированной медицинской сестрой.

С особой теплотой я относился к Никки, который теперь работал у нас. Однажды он робко вошел ко мне, ведя за руку красивую девушку.

— Знакомьтесь, Дэви, это моя жена Глория. Никки и Глория встретились в Вест Коуст, где они вместе учились в библейской школе.

Глядя на Никки, трудно было поверить, что это тот самый парень, который три года назад хотел убить меня. Во время нашей с ним второй встречи я думал, что Никки безнадежен. И вот передо мной теперь сидит священнослужитель, переполненный планами на будущее.

— Я бы хотел работать не с детьми, а с их родителями, — говорил он. — Что толку помогать парнишке, если ему все равно придется возвращаться в свой жалкий дом.

Мне понравилась эта идея. Глория тоже хотела работать в Центре. Она любила детей и хотела работать с малышами. Никки рассказал ей о жизни малышей, которые убегают из дома. и Глория считала, что необходимо предотвратить их вступление в банды, потому что это значительно легче, чем потом выручать их оттуда.

Мне очень нравилась работа наших сотрудников. Мы творчески подходили к решению проблем подростков-гангстеров. Я работал с ребятами, Никки — с их родителями, Глория — с малышами. Серьезным недостатком в нашей работе было отсутствие в штате наших сотрудников человека, который вел бы специальную работу с "дэб". Обычно в каждой банде есть такие девушки, которые собирают вокруг себя как бы девичий придаток банды, их называют "дэб". Очень часто ее имя является производным от имени парня, ее партнера.

Вскоре я выяснил, что эти девушки очень часто бывают причиной многих драк среди гангстеров. Стоит такой девушке пожаловаться своим, что к ней приставал парень из другой банды, как завязывается драка. Хотя часто это просто придумывалось, чтобы спровоцировать драку. Такое вот развлечение.

— Замужество — предрассудок, — говорили мне эти девушки, и не было никакого смысла разговаривать с ними или убеждать их в чем-то. Нам нужна была девушка, достаточно привлекательная для того, чтобы завоевать уважение среди них, но сильная в вере, чтобы ничто не могло поколебать ее. Наконец мы нашли такую девушку.

— Итак, дорогая, мы нашли девушку для такой работы, — сообщил я Гвен однажды вечером.

— Надеюсь, она хорошенькая. Ей необходимо быть красавицей, — сказала Гвен, — вот уж никогда бы не подумала, что я буду заставлять мужа разыскивать хорошеньких девиц.

— Она очень симпатичная, зовут ее Линда Мейснер и она из Айовы. Я надеюсь, эти горожанки не перепугают ее.

Работа Линде предстояла тяжелая и начать ей пришлось в первый же субботний вечер. Тогда к нам заявили пять девиц и потребовали, чтобы мы показали им Центр. Линда собиралась их пропустить, но я не разрешил, потому что девушки были пьяны.

— Приходите в 7:30 вечера, у нас будет служба. Вам будут рады, — предложил я. Они пришли и привели с собой группу ребят.

— Что мы будем делать? — спросила Линда. — Они совершенно пьяны.

— Давай разделим их: девушек в одну сторону, а ребят в другую.

Но это не принесло никакой пользы. Девушки смеялись, разговаривали, бросали реплики. Из-за шума ничего нельзя было разобрать. Мы начали персонально обращаться к девушкам и ребятам. Большинство девушек ушли прочь, с силой захлопывая за собой дверь. Одна девушка, которая осталась в церкви, подходила к ребятам, обнимала по очереди их за плечи и говорила: "Не верьте ни одному его слову".

В этот вечер девушки одержали победу. Линда была в смятении:

— Что делать, Дэви? Как мне работать с ними?

— Наберись терпения и жди, пока Святой Дух не сделает что-нибудь.

Через несколько дней Линда засвидетельствовала о перемене, происшедшей в девушках. Позже она показала мне свое письмо, написанное к родителям.

"... Каждая минута здесь наполнена радостью, ожиданием чего-то нового. Во вторник к нам пришла целая банда. Мы хотели, чтобы девушки, которые уже раньше приходили к нам, пришли одни, но они попросились прийти вместе с ребятами. Они пообещали вести себя хорошо, и мы впустили их. Мы пели церковные гимны. Дэви спросил, хотели бы они, чтобы Господь изменил и их жизнь. Четырнадцатилетняя девочка пожелала избавиться от употребления алкоголя, а другая девочка хотел знать, простит ли ей Бог применение героина.."

С тех пор девушки всегда обращались к Линде за помощью. Одна девочка из местной банды, которую звали Элейн, сказала, что ее жизнь отравляет постоянная ненависть. Я знал Элейн. Это была трудная девушка. Ее ненависть проникала во все, с чем она сталкивалась. С ней не могли сладить ни в школе, ни дома. Если ей приказывали сидеть, она вставала; если встать — сидела. Если ее просили остаться дома, она уходила на улицу; если просили уйти, она оставалась.

Однажды она пришла к Линде. Они разговорились. Выяснилось, что девушка сильно пьет и посещает "дикие вечеринки". Вдруг Элейн заплакала:

— Линда, я прекрасно понимаю, что живу неправильно, и ненавижу себя за это, но ничего не могу сделать. Каждый раз, ложась к кому-либо в постель, я знаю отсюда — она показала на свое сердце — что поступаю дурно. Я так устала ненавидеть саму себя. Ты можешь мне помочь?

Элейн стала регулярно приходить к нам. От ненависти ее не осталось и следа. Теперь это была веселая, искренняя девушка. От нее веяло теплом и свежестью. Она перестала пить и посещать вечеринки.

Таких девушек, как Элейн, было немало. Я был очень рад, когда увидел, что Элейн поняла исцеляющую силу любви Христа. Это любовь, которая ничего не требует взамен. Это любовь, которая желает всем добра, и таким как эти мальчики и девочки — тоже. И в этом ее исцеляющая и вдохновляющая сила.

В одном из своих писем домой Линда писала, что жизнь ее подвергается постоянной опасности. И это не было преувеличением. Мы делаем все, чтобы защитить наших сотрудников. У нас есть правило, по которому для работы на улице следует выходить по двое или по трое, девушкам не следует вступать в контакт с ребятами и наоборот. И всем следует периодически проверять друг друга, особенно в вечернее время. В конце концов, нам приходится работать в таких районах, где вооруженные полицейские ходят по двое. Многие подростки вооружены и в состоянии наркотического опьянения готовы пустить оружие в ход потехи ради. Особо опасно было то, что наша работа вызывала у многих подростков ненависть, так как часто рушились их взаимоотношения.

Однажды после вечерней службы Линда и ее подруга Кей Уэйр, переполненные чувствами после вечерней молитвы, вместо того, чтобы лечь спать, пошли на улицу, молясь, чтобы Дух Святой привел их к девушкам, которые нуждались в их помощи. Девушки зашли в кондитерский магазин, где развлекалась группа девушек-подростков. Линда и Кей завязали с ними разговор. Через некоторое время одна из девушек под воздействием этого разговора заплакала.

— Давайте уйдем отсюда, — предложила она. — Я не могу больше выносить этого шума.

Они вышли на улицу. Через некоторое время плакали все девушки. Мимо проходили двое ребят. Они остановились возле девушек и спросили:

— Что тут происходит?

Но девушки не хотели разговаривать с ними. Ребята начали приставать к Линде и Кей. К ним присоединились другие парни.

Через некоторое время Линда увидела, что к ним со всех сторон приближаются ребята.

— Будьте осторожны, — шепнула одна из девушек.

Линда и Кей придвинулись ближе друг ко другу и продолжали разговор с девушками. Вдруг с криками и воплями их окружила толпа парней и силой отделила от остальных девочек.

— Послушай, милашка, ты сводишь меня с ума, — сказал главарь. — Ты хочешь увести наших девушек?

Начался разговор на сексуальные темы. Вдруг что-то блеснуло в темноте. Линда увидела у одного из парней нож. Парень бросился к Линде, и она едва успела увернуться. Повернувшись к парню, она сказала: "Благослови тебя Господь". Потом взяла Кей за руку.

— Приходите завтра в Центр. Клинтон Авеню, 416. Мы будем ждать вас.

Они пошли по направлению к дому. Сначала ребята шли за ними, выкрикивая непристойные слова, затем главарь приказал им оставить Линду и Кей в покое.

Они вернулись в Центр, дрожа от страха. Но на следующий день опять пошли на то же место. В своем письме Линда писала: "Я знаю, что моя жизнь в опасности. Но я не боюсь умереть за Господа".

Глава 18

Больше всего меня поражала в моих молодых сотрудниках готовность умереть за Господа.

Я частенько задумывался об этом и думаю, что это произошло потому, что наш Центр превратился именно в то, о чем мы мечтали: в дом. Полный любви, подчиненный духовной дисциплине, движущийся по направлению к общей цели, но свободный. Есть отдохновение в такой атмосфере, которое нельзя переоценить. Оно не завязывает нас в узлы и позволяет нам свободно смеяться.

Я рад этому и мне не кажется, что каждый Дом Господень должен быть мрачным и унылым местом.

В нашем Центре бывают потасовки на подушках и мне приходится хмуриться, но никто особо не обращает на это внимания. Мне приходится напоминать о том, что свет должен быть выключен, и в ответ я слышу притворный храп. Я бы был обеспокоен таким отсутствием почтения, но работа наша столь напряженная, что даже молодые силы иссякают и нет желания нарушать дисциплину.

Летом мы вывозили своих воспитанников на ферму в Хидден Вали, где у церкви Глэд Тайдингз было небольшое местечко для отдыха, чтобы они отдохнули и набрались сил. На этот раз с нами поехали Никки со своей женой, Лакки и многие другие. Однажды вечером Никки и его жена прогуливались перед сном. Лакки и его друзья решили разыграть их, выросших в городских условиях.

Ребята взяли свечи и пошли в лес. Вскоре они встретили Никки и Глорию.

— Что вы делаете? — спросил Никки.

— Ничего особенного, — ответил Лакки. — просто охотимся на медведей. Хочешь взглянуть на их следы?

Лакки опустился на землю и показал Никки коровий след. Никки внимательно пригляделся к этому таинственному для него знаку. Он взял жену за руку и попросил свечу.

Вдруг Лакки остановился.

— Что это? — вдруг спросил он испуганным голосом и показал на освещенный лунным светом предмет. В темноте предмет этот действительно напоминал медведя. Я и сам бы испугался, если бы не знал, что это старый лунный колокол. Никки и его жена в страхе спрятались за дерево. Остальные ребята храбро начали бросать в "медведя" камни. Вдруг Никки и Глория решительно вышли к ним.

— Фу! — громко сказал Никки. — У меня есть вера. Я верю в Господа. Я верю, что Он поможет нам убежать.

С этими словами они бросились назад, на ферму. Все дружно рассмеялись. Возвратившись на ферму, мы насилу отпоили перепуганных Никки и Глорию горячим шоколадом.

В нашем Центре не хватало повара, и, как мы ни старались, мы нигде не могли найти его. Кухня всегда является центром каждого дома, и настоящий повар всегда знает, как выставить вас из кухни, чтобы сделать свою работу. Но совсем по-другому было в нашем Центре. Как и все остальные в Центре, мы получали пищу, молясь об этом. Все подростки, живущие в Центре, принимали в этом активное участие. Каждый день мы молились о хлебе насущном и получали его. Это было хорошим уроком для подростков, только что обратившихся к Господу. Нам присылали мясо, овощи, фрукты. Иногда мы получали деньги.

Но однажды, придя в столовую, ребята увидели пустые столы. Когда я пришел в Центр, он гудел как улей.

— Ваши молитвы не помогли на сей раз? — спросил меня один парень.

"Господи, — сказал я про себя, — преподай нам урок веры, который навсегда бы запомнился всем присутствующим здесь". А вслух сказал:

— Давите проведем эксперимент. Нам нечего есть?

Тот парень кивнул головой.

— В Библии сказано: "Хлеб наш насущный дай нам на сей день" Так? Так почему бы нам не пойти в часовню и не помолиться, чтобы Бог послал нам еду или деньги, на которые мы могли бы купить продукты?

— До завтрака? Я голоден, — сказал парень.

— Да, до завтрака. Сколько у нас здесь народу? — Я осмотрелся. Было около 25 человек. Я подсчитал, что нам понадобится 30-35 долларов. Все согласились со мной. Мы пошли в часовню и начали молиться.

— Господи, — молился один из мальчиков, — позаботься о нас, чтобы у нас в течение лета была пища.

Мне показалось, что это слишком долгий срок, но я тут же подумал, что мы сможем уделять больше внимания другим видам молитвы, если отпадет необходимость постоянно заботиться о еде.

Частенько мы молимся в нашем Центре очень громко. Молясь вслух мы получаем иногда удивительную свободу в Духе, но это иногда пугает людей, кто слышит такую молитву впервые.

Мы не слышали, когда в часовню вошла женщина и увидела всех нас молящихся на коленях и благодарящих за пищу и просящих о ней. Я уверен, что она пожалела о том, что вошла.

— Извините, — тихо сказала она.

— Извините, — повторила погромче. Я первый заметил ее и подошел к ней. Остальные продолжали молиться. Женщина не спешила сообщить о цели своего прихода. Она расспрашивала меня о жизни в

Центре. И по мере того, как она узнавала о том, что мы делаем, она становилась все более оживленной. В конце нашей беседы я рассказал ей о том, что произошло утром.

— Когда вы начали молиться? — спросила она.

— Около часа назад.

— Необыкновенно! Я очень мало знаю о вашей работе, но час назад я почувствовала, что должна опорожнить свою копилку и придти к вам. Теперь я знаю, почему это произошло.

Она отдала мне деньги — 32 доллара. Это была необходимая нам сумма.

Молитва того мальчика тоже не осталась без ответа. В течение всего лета мы не испытывали недостатка в пище.

Сложнее было доставать деньги на ведение хозяйства во всем Центре. Мы оплачивали счета за электричество, перевозки, платили налоги и т.д. Мы также покупали одежду для наших воспитанников. Каждую неделю мы расходовали более 1000 долларов. Наш счет в банке был невелик.

Откуда же мы брали эти 1000 долларов? Большая часть этой суммы зарабатывалась трудом самих подростков — они сидят с малышами, стригут газоны, моют машины... Нам присылали деньги со всех сторон. Иногда буквально центы — но каждая сумма с молитвой и благодарностью принималась. Верующие юноши и девушки старались помочь своим сверстникам, чем могли. Нам помогли некоторые церкви. Например, однажды в Центр приехала женщина из Флориды, которая знала о нашей работе только понаслышке, и только тогда, когда она своими глазами увидела жизнь подростков в Нью-Йорке, она поняла, как тяжело им приходится. Вернувшись домой, она рассказала о том, что увидела и услышала, всей общине.

— Нам здесь хорошо, а там бедные дети нуждаются в духовной и материальной поддержке. Я предлагаю взять на себя заботу о Центре и его воспитанниках.

И все же мы постоянно ощущали нехватку денег; никакие пожертвования не могли отсрочить кризис. Через две недели наступал срок выплаты второго вклада в 15 тысяч долларов. Честно говоря, я старался не думать о приближении срока уплаты, который надвигался с неумолимой быстротой. И вот наступило 28 августа 1961 года.

Глава 19

Чем ближе приближались мы к финансовому кризису, тем сильнее хотели мы его преодолеть, потому что нам был брошен вызов с той стороны, с которой мы еще никогда не встречались.

Однажды поздно вечером мне позвонила Мария и сказала, что ей нужно встретиться со мной.

— Конечно. Мария, ты ведь знаешь наш новый адрес? — спросил я ее.

Я позвал Линду и коротко рассказал ей о Марии:

— Тебе нужно обязательно познакомиться с этой девушкой. Она обладает огромным запасом энергии, которую нужно направить в нужное русло. Она смелая, но ее смелость — гангстерская бравада. Когда она стала "президентом" банды, ей пришлось выдержать тяжелое испытание: она у стены, а остальные били ее изо всех сил. Она прекрасный организатор, под ее началом находятся более 300 девушек. Но мне кажется, что ее приход не связан с бандой. Скорее всего, она опять взялась за героин".

Я рассказал Линде, как Марии удалось избавиться от наркотиков после посещения ею собрания на стадионе в Сант-Николасе. Она вышла замуж, у нее появился ребенок. Вроде бы все шло хорошо. Но однажды Мария сильно поссорилась с мужем. С тех пор она снова начала применять наркотики с небольшими перерывами. Я был почти уверен, что причина ее прихода была именно в этом. Пока мы разговаривали с Линдой, вошла секретарша и объявила, что пришла Мария. Как она изменилась! Мы с Линдой встали, когда она вошла — было такое чувство, что нам следует стоять в присутствии самой смерти.

Мария смотрела на нас остекленевшими глазами. У нее был сильный насморк. Лицо ее приобрело лиловатый оттенок. Волосы были не убраны и неряшливо болтались. Чулок у нее тоже не было, ноги посинели от холода. Руки были сжаты в кулаки, и было видно, что она готова драться при появлении малейшей несправедливости по отношению к ней.

— Пастор Уилкерсон, — обратилась она ко мне, — я думаю, вам не нужно говорить, что я пришла за помощью.

Я усадил ее в кресло. Линда предложила ей чай. Она ведь не знала, что "чай" на языке наркоманов означает наркотики.

— Нет! — резко ответила Мария. — Я ничего не хочу!

— Как дети? — спросил я.

— Откуда я знаю?

— Ты бросила Джонни?

— Мы подрались.

Я взглянул на Линду.

— Я рассказал Линде все, что случилось с тобой, Мария. Я хочу, чтобы вы поближе познакомились.

Линда работает у нас в Центре с девушками. Я надеюсь, вы поладите.

После разговора с Марией Линда пришла ко мне. Она была очень расстроена тем, что не смогла убедить Марию.

— Вся беда в наркотиках, — сказала Линда. Положение Марии становилось угрожающим. Однажды она позвонила Линде по телефону, умоляя о помощи. Она приняла большую дозу героина и к тому же выпила виски. Она была опять со своей бандой.

— Мы собираемся убить девушку по имени Дикси, — сказала Мария, — вы должны остановить нас.

Линда и еще двое наших сотрудников отправились на 134 Стрит в Манхэттане. Им удалось предотвратить драку и избежать кровопролития. Вернувшись, Линда сказала мне:

— Дэви, положение отчаянное, мы обязательно должны помочь этим девушкам.

Что такое наркомания?

Мне потребовалось четыре года, чтобы осознать полностью угрозу, которая скрывается за этим словом.

По официальным данным, в Нью-Йорке зарегистрировано более 30 тысяч наркоманов. Это только те, кто попал в больницы или тюрьмы. А сколько еще незарегистрировано? Тысячи мужчин, женщин и детей постоянно принимают наркотики, тем самым обрекая себя на преждевременную смерть. Среди них около 4000 подростков. И самое ужасное в том, что число их постоянно увеличивается. Для того, чтобы понять опасность применения наркотиков, необходимо представить источники их получения и понять, насколько фантастичны доходы тех, кто занимается их распространением.

Наиболее распространенный наркотик в Нью-Йорке — героин, который получают из опиума.

Килограмм героина можно купить в Бейруте, в Ливане, за 3000 долларов. Пока он достигнет улиц Нью-Йорка, его цена достигнет 300.000 долларов. При достаточно большом спросе на наркотики, каждые вложенные в это дело 3000 долларов могут обернуться прибылью в миллион долларов, не облагаемых налогом! Такой бизнес не может не процветать.

Сопоставьте этот факт с тем, что бороться с торговлей наркотиками практически невозможно и вы поймете обстановку с наркоманией в Нью-Йорке.

Каждый год в портах этого города останавливается 12.500 судов и 18.000 самолетов из-за границы. Если учесть, что на осмотр одного корабля 12 полицейским необходимо затратить большую часть дня, то 265 человек, которыми располагает таможня, никак не могут справиться с осмотром всех средств передвижения, которые прибывают в Нью-Йорк. Это означает, что любой человек может преспокойно перевезти любое количество героина.

Но как сбывается героин? Недавно все газеты кричали о том, что героин сбывается в школе. Это не было новостью для школьного начальства, которое прекрасно знало, что зачастую дети начинают применять наркотики именно в школе или неподалеку от нее. Ученикам 44 школы в Бруклине запретили покидать здание школы во время обеденного перерыва, чтобы уберечь школьников от наркотиков. Однако те сами проникли в стены школы. Торговцы предлагают образцы бесплатно.

Один парень, которого звали Джозеф, рассказывал мне, как подростки вовлекаются в это гнусное дело.

— Торговец затягивает тебя в свою машину, Дэйв, или ты и пара твоих приятелей из класса оказывается в том месте, где обычно курят и говорит, что марихуана не вредна и не создает привычки. Он предлагает ему выкурить сигарету с наркотиком. Если парень отказывается, другие начинают смеяться и издеваться над ним. В конце концов он делает свой первый шаг... Так и я начал.

История Джозефа достаточно типична — именно так и начинают — с пары затяжек на заднем сидении чьего-то автомобиля.

Большинство наркоманов — одинокие, разочарованные люди, которые ищут в наркотиках забвения, спасения от своих проблем. Пара затяжек — и все трудности позади, забыты и отец-пьяница, и разбитый дом, и бедность. Все кажется прекрасным. Человек обретает покой и свободу.

На следующий день торговец тут как тут и предлагает еще один раз.

Постепенно его приучают к героину. Первое время наркотики выдаются бесплатно, но тот, кто их дает, знает, что расходы окупятся со временем, потому что непрерывное применение наркотиков в течение 15 дней делает человека наркоманом.

Порция героина для одноразового введения стоит от 3-х до 15-ти долларов. Как сообщила мне одна двадцатилетняя девушка, ей необходимо 60 долларов в день для удовлетворения потребности в наркотиках. Многим необходимо 100 долларов в день. Средняя сумма 25-30 долларов в день. Возникает вопрос, откуда же подросток, получающий 25 центов в день, берет 25 долларов?

Единственный выход — пойти на преступление. Подростки воруют деньги у прохожих, грабят дома, магазины, совершают вооруженные нападения. Преступления, совершаемые подростками, являются одной из основных проблем Нью-Йорка. По мнению полиции, всему виной наркомания. При продаже украденных товаров наркоман получает только треть стоимости товара. Поэтому, чтобы иметь в день 25 долларов, он должен иметь на продажу вещей на 75 долларов. Директор бюро наркотиков в Нью-Йорке Эдвард Киорей сообщил, что в результате этого количество денег от украденных вещей составляет 200 миллионов долларов в год.

И, все-таки, кража сопряжена с опасностью и риском и не является самым лучшим выходом для наркомана. Куда лучше торговать наркотиками.

Однажды Карл — 18-летний парень — рассказал мне, как это происходило с ним. После трех лет применения наркотиков он понял, что сумма денег, расходуемая на наркотики, постоянно растет: вначале — 15 долларов, затем — 20, и наконец, — 25 долларов в день. Тогда он пришел к одному поставщику и предложил свою помощь в продаже наркотиков.

— Нет, — возразил тот, — для того, чтобы продавать, нужно иметь постоянных клиентов.

В этом кроется одна из причин столь быстрого распространения наркомании.

Карлу, чтобы найти своих собственных клиентов, пришлось воспользоваться уже описанной схемой. Я часто задавал им вопрос: почему вы не бросите это занятие?

Предположим, что кто-нибудь решится бросить. Что ожидает его? Через два часа после окончания действия наркотика появляются симптомы абстиненции, которые сопровождаются судорогами, рвотой, обильным потоотделением, повышением температуры, лихорадкой, нервным перевозбуждением. Его преследуют боли во всех органах тела — от ног до корней волос. Появляются галлюцинации еще более ужасные, чем у алкоголиков.

Это продолжается три дня. Даже после оказания помощи шансы на то, что этот человек больше не будет применять наркотики, один из девяти. Каждый год на лечение в госпиталь в Лексингтоне поступают 3500 наркоманов. Более шестисот докторов стараются помочь больным избавиться от вредной привычки. Исследования, которые проводились в течение 20 лет, в 1935-1955 годах, показали, что 64 % наркоманов после лечения снова попадают в госпиталь, остальные возвращаются к старой привычке.

— Если уж втянешься в это дело. — сказал мне один парень, который прошел курс лечения, — это уже навсегда. Я получил свою дозу через пять минут после того, как вышел из госпиталя.

Что же происходит с теми девятью из десяти, которые не могут избавиться от этой привычки. Физическая деградация. Карл, даже заставляя употреблять наркотики школьников, был знаком с бюллетенем, выпущенным полицией:

Наркоманы — это люди, обреченные на преждевременную смерть. Вот наиболее распространенные симптомы отравления наркотиками: выпадение зубов, отсутствие аппетита, нарушение деятельности желудочно-кишечного тракта, деформация носа, окрашивание глаз и кожи в желтый цвет. Содержание кислорода в крови уменьшается, развивается бронхит, туберкулез. Появляется дрожание конечностей. Человек испытывает панический страх, наркоманы часто кончают жизнь сумасшествием.

По официальным данным Министерства Здравоохранения США, смертность наркоманов по сравнению с людьми, не принимавшими наркотиков, составляет: от туберкулеза — 4:1, от пневмонии — 2:1, от заболевания мозга — 3:1, от других заболеваний — 2:1. Такова судьба наркомана.

Карл знал, что его ожидает, но это его не останавливало. Не останавливало это и Шорти, который обратился ко мне за помощью.

Шорти было 19 лет, он принимал героин с 15 лет. У Шорти была подружка Темми, семнадцатилетняя красивая девушка. Ее родители были известны в деловых кругах Нью-Йорка. Они посещали фешенебельную церковь.

Шорти попросил меня спасти Темми. Я согласился. Когда мы с Шорти постучали в дверь, ведущую в темное, пропахшее мышами подвальное помещение в Бруклине, нам открыла дверь Темми, которая была очень удивлена нашим приходом.

В слабоосвещенной комнате было еще два парня с закатанными до локтя рукавами рубашек. Перед ними на столе лежали "инструменты": спиртовка, игла, стакан воды и маленький целлофановый мешочек с белым веществом — героином.

— Кто это? — спросила Темми, указывая на меня.

— С ним все в порядке, это пастор, — ответил Шорти. — Это я попросил его прийти сюда.

— Хорошо, но ему придется немного обождать, если он хочет поговорить со мной.

Темми повернулась к нам спиной, и все трое продолжали прерванное занятие. Шорти, как будто читая мои мысли, приблизился ко мне и прошептал:

— Не пытайтесь их остановить или звать полицию. Они могут убить вас. Смотрите, это будет полезно для вас. Я последовал его совету.

Пока шли приготовления к приему наркотика, Шорти рассказал мне историю Темми. Она тоже начала применять наркотики с 15 лет. Ее родители не знали о двойной жизни, которую она вела, включая и сожительство с мужчинами. Все, что они знали о ней, это то, что она ушла из дому и жила в Вилидж. Они видели ее только по воскресениям и, хотя удивлялись ее богемной жизни, не трогали ее. Они считали, что все девушки проходят через такую стадию неповиновения родителям.

У Темми же эта стадия заключалась в растущей зависимости от наркотиков и, как следствие, в проституции.

— Ей приходится этим заниматься, чтобы покупать наркотики, — объяснил мне Шорти. — У нее есть постоянные клиенты с Мэдисон Авеню, которые имеют жен в Уэстчестере. Но что меня действительно бесит, так это то, что все больше становится лесбиянкой.

Я не решился спросить, где же место самого Шорти в нарисованной им картине. Он был небольшого роста и ничем не привлекающей наружности. Темми же была высокой стройной белокурой девушкой.

Я никогда не забуду сцену, свидетелем которой оказался. Приготовление закончилось, и теперь каждый из подростков хотел быть первым. Шорти также вступил в эту борьбу. Жадно следили они за тем, как один из парней высыпал содержимое целлофанового пакета в кипятильник. "Быстрее, быстрее", — подгоняли его остальные.

Дрожащими руками парень зажег спиртовку и поставил на огонь кипятильник. Затем снял с себя ремень и перетянул руку Шорти. Остальные с нетерпением ожидали своей очереди, судорожно сжимая кулаки, кусая губы и еле удерживаясь от желания броситься к Шорти и выхватить у него шприц с наркотиком.

— Ну, так что? — спросил меня Шорти, вспомнив, зачем он меня сюда привел. — Ты сможешь Темми выпутаться из всего этого?

Я сказал, что обязательно попробую. Я действительно пытался поговорить с Темми, но она смотрела на меня стеклянными, ничего не видящими глазами. Когда я сказал, что у меня нет ничего чудодейственного, и единственное, что я мог предложить, была моя помощь, Шорти вдруг разозлился:

— Так чего же ты сюда пришел!

Это был мой провал. Я не мог помочь Темми так же, как и Мари. Я ушел. Когда я снова вернулся, их там уже не было, и никто не знал и не желал знать, куда они ушли.

Глава 20

Пагубное действие наркотиков невозможно определить только с точки зрения физиологии. Как говорил мой дедушка, наркоманы находятся во власти дьявола. Я думаю, он прав. Тем более, что сами наркоманы говорят то же самое, только немного по-другому.

— Дэвид, — сотни раз говорили они мне, — нужно преодолеть фактора, если ты хочешь соскочить с иглы: фактор тела и фактор разума. С первым все просто: три дня ты будто находишься в аду, затем еще месяц мучений, — и ты свободен. Но вот со вторым сложнее: это неопишимо ужасное. Есть внутри тебя нечто такое, что заставляет тебя вернуться, что-то шепчет тебе. Мы это по-разному называем, и избавиться от него невозможно. Но ты ведь священник, Дэйви. Может быть. Святой Дух, о Котором ты нам рассказывал, может нам помочь?

Я так и не могу понять, почему мне так долго пришлось идти к этой истине. Это было как просветление после трагического поражения.

Я никогда не забуду, как четыре дня сидел у постели страдающего наркомана по имени Джой, стараясь облегчить его муки. Джой был симпатичным парнем: высокий, белокурый, он был хорошим спортсменом в школе. Он стал наркоманом немного необычным способом.

— Я думаю, эти болеутоляющие средства действительно были необходимы, — рассказывал он мне как-то в нашем центре. — Я знаю, что когда я нуждался в них, то я радовался избавлению от боли. Но вот как все обернулось.

Джой работал в угольной компании. Однажды он поскользнулся и сильно ударился. Несколько месяцев он находился в больнице, страдая от мучительной боли. Чтобы уменьшить его страдания, врач прописал ему наркотики. Ко дню выписки из больницы Джой стал уже наркоманом.

— Я не мог достать наркотик, но обнаружил, что в некоторых лекарствах от кашля содержится это вещество, поэтому я ходил по всем аптекам города, скупая его. Я заходил в ближайшее укромное место и выпивал всю восьмиунцевую бутылочку.

Но этого стало не хватать. И когда Джой пришел к нам в центр, он уже восемь месяцев употреблял героин.

— Ты не мог бы остаться в Центре на три-четыре дня? — спросил я его.

— Мне больше некуда идти.

— Ты будешь жить наверху. Джой пожал плечами.

— Тебе придется нелегко.

Он снова пожал плечами.

Мы поместили Джоя в комнате наверху, вместе с нашими служащими. Первое, что нам предстояло сделать, было подготовить его к предстоящим страданиям. Я спросил Джоя, знает ли он о том, что ему предстоит испытать.

У нас не больница и мы не могли бы облегчить его страдания лекарствами.

— Да, вот... все говорят.

— Правильно, все говорят, что это ужасно, и ты уже сейчас обливаешься потом от одной только мысли о том, что тебе предстоит пережить. Но все должно быть по-другому.

Мы поместили его в комнату наверху. Хорошо, что с нами была Барбара — опытная медсестра, мы также поддерживали на всякий случай связь с врачом.

— Джо, — сказал я, — ломка начинается, но я могу обещать тебе, что ни одну секунду ты не будешь один. В любой момент мы с тобой в молитве.

Последующие четыре дня мы постоянно молились за него как в нашей часовне, так и у него в комнате.

Первое, что мы попытались сделать — это заставить забыть его о боли.

Мы заставили Джоя выучить 30-ый псалом. Мы называем его песней наркомана. Некоторые строки как будто бы написаны специально для них:

"Выведи меня из сети, которую тайно поставили мне, ибо Ты крепость моя. В Твою руку предаю дух мой. Ты избавь меня. Господи Боже истины. Ненавижу почитателей суетных идолов, но на Господа уповаю. Буду радоваться и веселиться о милости Твоей, потому что Ты призрел на бедствие мое. узнал горесть души моей, и не предал меня в руки врага, поставил ноги мои на просторном месте. Помилуй меня. Господи, ибо тесно мне. иссохло от горести око мое, душа моя и утроба моя". Когда начались его страдания, Барбара ни на минуту не отходила от него. Джой лежал на животе, обливаясь потом, который ручьями тек с него. Он кричал и стонал, зажимая голову руками, просил пить, а затем швырял стакан. Он умолял помочь ему, но я только сжимал его руку и говорил, что мы молимся о нем.

Ночью мы включали магнитофон с записями из Священного Писания, Среди ночи я шел в часовню, чтобы удостовериться, что там кто-нибудь молится, затем поднимался в комнату Джоя. Его страдания не уменьшались.

На четвертый день Джюю стало немного лучше. Он разгуливал по Центру, улыбаясь всем, и говорил, что самое ужасное позади. Когда он заявил, что он хочет повидать родителей, у меня возникали сомнения, но поделаться мы ничего не могли. Радостный и счастливый, полный благодарности. Джой покинул Центр. Но когда пришло время возвратиться в Центр, Джой не пришел. На следующий день мы узнали, что наш Джой был арестован за ограбление. У него нашли наркотики.

Опять неудача.

— Что же было неправильно в том, что мы делали? — спросил я на собрании совета. — Он перенес три ужаснейших дня в своей жизни. Все. казалось, было позади. Он так хорошо вел себя, и на тебе — сорвался.

— Нужно поговорить с ребятами, которые прошли через это, — предложил Ховард Кульвер. — Может быть, тогда ответ будет найден.

Я поговорил со многими ребятами, и все они говорили, что это обычное явление.

Я беседовал с Никки, который покуривал марихуану и принимал различные лекарственные препараты. Я спрашивал его, когда же он почувствовал победу над прежней жизнью. Нечто огромное случилось с ним в момент преобразования тогда, на углу улицы. Он предстал пред любовью Господа, но и тогда у него не было ощущения победы.

— Но когда же, Никки?

— В момент крещения Святым Духом.

Я позвал Дэвида и задал ему тот же вопрос.

— О, это очень простой вопрос. Когда я был крещен Святым Духом.

Глава 21

Что же такое крещение Святым Духом?

Вскоре после того, как мы заинтересовались ролью Святого Духа в избавлении подростков от зависимости от наркотиков, к нам в Центр зашел священник-иезуит. Он также хотел побольше узнать о крещении. Он имел возможность выслушать одну из уличных проповедей кого-то из наших сотрудников и это произвело на него большое впечатление.

Всю вторую половину дня мы исследовали с отцом Гэри глубинное значение крещения.

— Крещение Святым Духом не есть принадлежность какой-либо деноминации, — сказал я. — У нас работают лютеране, баптисты, методисты — и все они исполнены Святым Духом.

В сущности, сказали мы ему, крещение есть такой религиозный опыт, который дает вам силу. Иисус, когда Он явился Апостолам после Своей смерти, говорил: "Но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой".

Мы открыли Библию и я сказал:

— Первое упоминание об этом особом опыте встречается уже в начале Евангелия. Евреи, как вы помните, спрашивали Иоанна Крести теля, не Мессия ли он. И он отвечал: "...идет за мною Сильнейший меня, у Которого я не достоин наклонившись развязать ремень обуви Его, я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым ." (Мк. 1:7-8).

От самых истоков христианства крещение Святым Духом имело особое значение, потому что оно отмечает различие между миссией простого человека и Христа: Иисус крестит Своих последователей Духом Святым. В последние Свои часы на земле Иисус разговаривал со своими учениками о Святом Духе, который снизойдет после Его смерти, дабы поддержать, утешить и вести их, дать им силу продолжать Его миссию.

После распятия Он явился пред ними и повелел не отлучаться из Иерусалима. Он сказал:

"...ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы чрез несколько дней после сего будете крещены Духом Святым... вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святой". (Деяния 1:4-8.)

Мы обратились ко второй главе Деяний и я напомнил отцу Гэри:

— Сразу после этого ученики собрались в Иерусалиме праздновать Пятидесятницу.

"При наступлении дня Пятидесятницы, все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились, и явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать" (Деян. 2:1-4).

— То, что было испытано тогда на Пятидесятницу и есть то, от чего мы, пятидесятники, получили свое название. Мы большое значение уделяем крещению Святым Духом, предсказанного Иоанном, обещанного Отцом и произошедшим на Пятидесятницу. Вы наверняка заметили то огромное изменение, что случилось в апостолах после этого. До этого они были обыкновенными слабыми людьми, но впоследствии они получили ту силу, о которой говорил Христос. Они исцеляли больных, изгоняли демонов, поднимали мертвых. Те самые люди, которые спрятались при распятии, вышли ко всему враждебному миру со своим посланием.

После этого я рассказал отцу Гэри о той гигантской волне возрождения, охватившего Соединенные Штаты, Канаду, Англию и Южную Америку в начале двадцатого века. В основе этого возрождения лежало

то, что сила, данная Церкви во время Пятидесятницы, обратилась, по большей части, в бессилие и могла быть восстановлена только через крещение Святым Духом.

— В Деяниях Святых Апостолов, — говорил я. — пять раз упоминаются такие случаи, когда люди испытывали подобный опыт. И в четырех случаях из пяти крещенные Духом Святым начинали говорить на иных языках.

Отец Гэри поинтересовался, на что похоже говорение на иных языках.

— Это похоже на речь на иностранном языке, но который вы не понимаете.

Я указал отцу Гэри на те места в Библии, где упоминается это явление. Апостолы говорили на языках во время Пятидесятницы. Савл был исполнен Святым Духом при своем обращении по дороге в Дамаск и впоследствии говорил на языках, указав в 1-м послании Коринфянам:

"Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками" (1 Кор. 14:18). Также домашние Корнелия и вновь обращенные христиане в Ефесе были крещены Святым Духом и начали говорить на языках.

При крещении в Самарии Симон волхв увидел нечто сверхъестественное и сам захотел иметь такую силу и предложил деньги за это, "чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святого" (Деян. 8:19). Логично ли предположить, что то, что он увидел при крещении, и было говорением на иных языках?

— Это имело бы смысл, я полагаю, если бы подобное происходило при всех остальных крещениях. А когда вы сами испытали это? — спросил отец Гэри.

— В нашей семье через это прошли уже три поколения.

Потом я рассказал ему о своем деду. Он сам услышал об этом в 1925 году, он даже проповедовал против Пятидесятников при каждом удобном случае. Но однажды, стоя на кафедре и опять понося их, он вдруг начал трястись, что часто бывает с людьми, в которых впервые вливается эта сила. Обычно это вызывает шок, хотя само ощущение вовсе не неприятное. Как бы то ни было, дед был поражен, когда он сам получил крещение и начал говорить на языках. Мой отец испытал то же в возрасте 25 лет, а я — в 13 лет. И теперь все три поколения проповедают это послание.

Отцу Гэри хотелось знать побольше о самом ощущении.

— А почему бы нам не спросить наших ребят?

Мы пригласили их вместе перекусить и отец Гэри выслушал несколько их историй о том, что они ощущали, исполнившись Святым Духом.

Первой была двенадцатилетняя Неда. Мы обнаружили ее на Кони Айленд, где она бродила будто потерявшись. Линда выяснила, что секс и алкоголь являлись главными ее проблемами.

— Я много пила, — рассказывала она теперь, — и крутилась с каждым парнем, посмотревшим на меня. Я ненавидела родителей, особенно мать. Линда привела меня в Центр, и в часовне я слушала о том, как другим ребятам помогает Иисус, когда их искушает дьявол. Когда он искушал меня, я сдавалась и чувствовала себя гадко. Наркоманам еще хуже. Они говорили мне, что и сейчас он продолжает их искушать, но когда они бегут в часовню и молятся на иных языках, они обретают уверенность, и искушение отходит.

И я сделала то же самое. Однажды я пошла в часовню и стала молиться. Я рассказала Господу о всех своих проблемах и попросила Его войти в мою жизнь, как Он вошел в жизнь тех наркоманов. Словно яркий свет Иисус ворвался в мое сердце, что-то произошло с моей речью. У меня было такое чувство, будто я сижу на берегу реки и она каким-то образом протекает через меня и журчит во мне музыкой падающей воды. И только после этого я прочитала в Деяниях Апостолов, что это все значит.

Отец Гэри внимательно слушал и изредка кивал, соглашаясь с тем, что она говорила.

Такую же реакцию вызвал следующий парень.

— Прежде всего, — начал Джон, — я точно знаю, что все это реально. Потому что мне кажется, будто Иисус Христос вышел из Библии и встал рядом со мной, чтобы решить все мои проблемы.

— Что касается меня, — рассказал Джозеф, — то Он помог избавиться мне от наркотиков. Я уже перешел от "колес" и марихуаны к героину. Когда я услышал о Христе, меня потрясло то, что Он любит людей несмотря на их грехи, меня тронуло то, что Он держит Свое слово, входя в нас и наполняя Святым Духом. Святого Духа называют Утешителем. Когда я думал об утешении, я представлял себе бутылку вина и с полдюжины "колес". Но эти парни говорили об утешении небес, где я очищусь.

— Как и Неда, в часовне я воззвал к помощи Господа и Он спустился. Он двигал моими губами и языком. Я заговорил на ином языке. Сначала я подумал, что сошел с ума. Но внезапно понял, что я больше не одинок, не хочу наркотика и люблю всех. Впервые в своей жизни я почувствовал себя очищенным.

Ребята продолжали и продолжали, каждый хотел рассказать о том, что произошло с ним. Отец Гэри ушел час спустя, повторяя непрерывно: "Да, да, да". Он сказал, что хочет поделиться услышанным со своими друзьями из Университета Фордхэм. Я жалею только о том, что он не задержался еще немного, так как в тот вечер еще один мальчик был крещен и он мог увидеть все своими собственными глазами. Мальчика звали Роберто. Ему было шестнадцать, он употреблял героин в течение двух лет, а до этого — марихуану. Четыре раза он был в тюрьме. Один раз — за нанесение ножевых ран в уличной драке, тот парень выжил, но с тех пор Роберто боялся, что он может убить. В отличие от многих в Центре, у него были родители, которые повсюду старались найти помощь, но падение Роберто ускорялось.

Этим вечером я встретил его в часовне и по его поведению сразу понял, что он хочет принять дозу наркотика.

— У меня проблемы, Дэйви, — сказал он. Когда наркоман говорит так, это означает, что ему нужно уколиться, и поскорее.

Я вновь начал говорить с ним о крещении Святым Духом.

— Никки будет сегодня молиться об этом, приходи и дай Святому Духу снизойти на тебя.

— Не знаю, не знаю. Мне нужно подышать свежим воздухом, мне что-то нездоровится.

Я не мог ему помешать и, честно говоря, не ожидал увидеть его вновь. Но вечером он был в часовне и по его виду я мог сказать, что он обошелся без наркотика. Я сел рядом с ним и наблюдал, как многие из бывших наркоманов подходят к нему и рассказывают о том, что произошло с ними. Никки проповедовал о том, что любой наркоман может найти спасение в Святом Духе.

— Если ты нуждаетесь в силе... если ты на игле и действительно хочешь измениться, послушай меня. Святой Дух — это то, что тебе надо. И когда ты исполнишься им, ты получишь десять даров. Если у тебя есть бумага и карандаш, можешь отметить ссылки на Библию.

— Прежде всего ты можешь иметь силу. Об этом можно прочесть в 8-м стихе 1-ой главы Деяний. Ты будешь иметь ее, когда Дух Святой снизойдет на тебя.

— Затем, ты сможешь иметь Утешителя. Смотри Евангелие от Иоанна 14:26. Но Утешитель это не кто-то, кто будет тебя утешать, а тот, кто будет рядом и давать силу.

— Далее, у тебя будет защита. Прочти в Деяниях 16:6, как Святой Дух не дает Апостолам совершить трагический шаг. Он будет водить вас так же.

— И вот еще что важно — ты больше не будешь жить по желаниям похоти и помыслов, у тебя будут духовные ценности. Прочти об этом в Послании к Ефессянам 2:3-6.

— У тебя будет жизнь. Сейчас ты двигаешься к смерти, но со Святым Духом, как говорится во 2-м Послании к Коринфянам 3:5-6, ты будешь жить.

— И ты будешь жить в Духе Истины. Игла дает тебе обещание, которое никогда не исполняет, ты не освобождаешься, когда колешься, все становится хуже. А в Евангелии от Иоанна 16:13 говорится, что Истина будет с тобой.

— У тебя будет доступ к Отцу. Прочти Послание к Ефессянам 2:18.

— И последние три пункта: у тебя будет надежда. Она есть у тебя сейчас? Об этом говорится в Послании к Римлянам 15:13.

— И самое главное, вы, ребята, вы будете свободны, 2-е Послание к Коринфянам 3:17.

— А как все это получится? Прочтите об этом сами в Деяниях 10:44

Никки сделал паузу и заговорил почти шепотом:

— Вот что ждет вас в новой жизни. Но я думаю, что сегодня нам нужно не читать об этом и не говорить, а делать!

— Если ты хочешь этих изменений — силы, надежды и свободы в своей жизни — встань и выйди. Я возложу свои руки на тебя, как святой Павел, и с тобой произойдет то же самое, что и с вновь рожденными христианами в его времена. Ты получишь крещение Святым Духом!

Роберто взглянул на меня и вскочил на ноги.

— Я хочу получить все то, что у Господа есть для меня, — сказал он, — я хочу пройти через это.

Роберто почти подбежал к Никки, схватил его руку и положил ее себе на голову. Он затрясся, как и мой дед в свое время, и пал на колени. Ребята собрались вокруг него и молились.

Как будто ожила сценка из Деяний. Через пару минут поток на ином языке излился из уст Роберто, как весенний дождь на иссохшую землю.

Собравшиеся вокруг повторяли:

— Он сделает это, он пройдет через это. Никки говорил:

— Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, за помощь этим ребятам!

И все присоединились к нему:

— Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи. слава за помощь!

Глава 22

Мы обнаружили, что фактически крещение Святым Духом не освобождает, а наоборот — пленяет. И это является одним из самых ободряющих результатов нашей работы.

Мы полагали, что крещение навсегда освободит ребят от героина. И для этого были веские основания.

Сначала мы очень осторожно провели такой эксперимент с теми, кто употреблял марихуану и испытывал воздействие на разум, а не на тело. Луис был одним из таких; получив крещение Святым Духом он полностью избавился от влияния марихуаны на свой разум.

Ободренные результатом мы продолжали. Вот Роберто. Героин действовал и на его разум и на тело. Что будет с ним теперь? Мы с беспокойством наблюдали за ним, не вернется ли он к употреблению наркотиков. Но день за днем он приходил в Центр с горящими глазами.

— Я думаю, я на вершине, Дэвид. У меня есть теперь инструмент, которым я могу пользоваться — я буду приходить сюда с другими парнями и молиться.

И в других случаях у нас были такие же результаты. Харви, Джонни, Лефти — все они отказались от героина, а Лефти решил даже стать служителем церкви.

Я был так взволнован, что решил даже проконсультироваться с медиками, имеем ли мы основания для оптимистических выводов.

— Никаких, — сказали мне често, — в Лексингтонском госпитале считают наркомана излечившимся, если он не употребляет наркотики пять лет. А сколько времени воздерживаются ваши ребята?

— Не так уж долго, несколько месяцев, кое-кто — около года.

— Что ж, и это неплохо. Расскажите-ка нам об этом.

В конце нашего разговора меня предупредили, что наркоманам практически невозможно помочь и мне следует быть готовым к возможным падениям. И самое печальное в таких рецидивах, как мне сказали, было то, что после периода воздержания деградация наркомана идет быстрее.

И вот вскоре оступился один из наших ребят. Он не понял, что жизнь в Духе столь же необходима, как и крещение Святым Духом.

Ральф курил марихуану два года и три года пользовался героином. Он много раз пытался выбраться из этой трясины, но бесполезно. Однажды он понял, что готов убить из-за дозы наркотика. И тогда он решил покончить с собой, прежде, чем убьет кого-то другого. Он взобрался на крышу и ожидал, когда никого не будет на тротуаре.

И тут он услышал пение.

Это пели в одном из наших собраний в здании напротив.

Он спустился и подошел. Объявление приглашало его послушать о том, как Господь помогает наркоманам и преступникам.

Ральф вошел и жизнь его изменилась с этого момента.

Мы очень гордились им, и до сих пор гордимся. В течение года он не употреблял наркотики и уехал в Калифорнию. Однажды он вернулся и посетил нас. Позднее мы узнали, что его бывшие дружки стараются вновь посадить его на иглу. Его вновь искушал дьявол. Мы старались поддерживать контакты с ним, но он уклонялся. И тогда он сорвался.

Пять раз он пытался бросить колоться до того, как был крещен Святым Духом, и вот теперь, после года воздержания, он начал опять.

Но в этот раз случилось нечто странное. Укол не имел своего обычного действия. На следующий день он пришел в Центр и сказал мне:

— После того, как я укололся, у меня было ощущение, будто ничего и не произошло. Такого прежде не бывало. И вдруг у меня возникло непреодолимое желание пойти в церковь и помолиться, что я и сделал. Я почувствовал, что я прощен, и желание уколиться, вместо того, чтобы усилиться, просто исчезло.

Глаза Ральфа горели, когда он сказал:

— Знаешь что? Я в ловушке, но не героина, а Святого Духа. Он во мне и не даст мне сбежать.

Ральф вернулся к нам, осознав, что крещение сделало его Христовым каким-то особым образом. То же случилось и с некоторыми другими ребятами — например, с Сонни, который, оступившись, возвратился с еще большей силой в себе и убеждением пойти учиться в семинарию.

Конечно, было бы неверно утверждать, будто у нас есть волшебное средство от наркомании. Дьявол, прячущийся на кончике иглы, силен. Возможно, мы можем сказать, что мы нашли силу, которая держит сильнее, чем наркотик. И сила эта есть Святой Дух, который в отличие от наркотиков захватывает, чтобы освободить.

Мы еще только в начале пути. Нам предстоит многое узнать о том, что может и чего не может сделать вера в несчастной жизни. Каждый день мы делаем новые открытия. Каждый день мы узнаем, как работать эффективнее, как увеличить количество исцелений.

Одним из обещаний Христа есть истина. На этом мы стоим, зная, что однажды Он приведет нас к принципам работы, которые мы сможем использовать не только у нас на Клинтон Авеню, но и по всей стране, где отчаяние и одиночество заставляет юношей и девушек искать выход в шприце, грязной игле и спиртовке.

Однажды мы сидели с Линдой и размышляли о том, куда мы движемся в нашей работе. И мы не забывали об одном имени, но которое не называли: Мария.

— Как ты думаешь, сможет Мария когда-нибудь принять крещение Святым Духом, — спросил я неожиданно.

По глазам Линды я понял, что она думает над тем же. Да, перед Марией тяжелая задача. Она многие годы употребляет героин. И мы не думали, что проживет еще долго. Иногда я представлял ее запавшие глаза, стиснутые кулаки и трясущиеся губы.

Мы молились о чуде в жизни Марии и мечтали о том, что она придет в нашу часовню и примет крещение.

Но получилось не так.

Однажды летом раздался звонок. Звонила Мария из церкви преподобного Ортеза.

— Преподобный Уилкерсон! — кричала она в трубку. — Я приняла крещение Святым Духом!

Она едва могла говорить от волнения и я попросил подойти к телефону преподобного Ортеза.

Он описал то, что произошло, и я ясно видел, как Мария идет к бывшей квартире, где располагается эта церковь, как она пробирается между рядами, стараясь найти себе свободное место, как она слушает проповедь и призыв выйти вперед и как она выходит. Я почти слышу ее голос, просящий Господа ниспослать Святой Дух. Она опускается на колени и надежда касается ее сердца и вот непонятные, мягкие и мелодичные звуки раздаются из ее уст как печать и знак того, что ее мелодия услышана.

— Мы все этого очень ждали, правда? — спросил Ортез.

— Конечно, вот еще одна победа.

Но в глубине души я опасался, что, разозлившись как-нибудь, она не выдержит и опять примется за наркотики. Если бы она могла преодолеть свой гнев, все было бы в порядке. И очень скоро ей пришлось пройти такую проверку.

Как-то вечером, выходя из автобуса на одной из улиц Манхэттана, она столкнулась с тремя девицами из своей бывшей компании. К тому же позади них маячила фигура парня.

— Привет, Мария. Скажи-ка нам, правда, что ты откололась и ударилась в религию?

— Да.

— Ну не прекрасно ли? Теперь тебе не надо тратить на это зелье. Не одолжишь ли ты старым приятелям парочку долларов?

Мария прекрасно знала, на что пойдут эти деньги, она сама не раз сидела с ними в затемненной комнате, перетянув руку жгутом и вводя в вены героин.

— Извините, но на то, на что вы собираетесь истратить деньги, я дать не могу...

Мария не видела, откуда пришел удар. Согнувшись пополам, она почувствовала желание ответить, а она была известна как отчаянная драчунья, но она опустила руки и стала молиться.

Она молилась, когда получила удар ножом, молилась, когда вся троица наклонилась над ее бесчувственным телом и, забрав кошелек, с хохотом удалилась.

Вскоре она пришла в себя, смогла подняться и добрести до дома. Вместе с Джонни они осмотрели рану — нож прошел в мякоть, не задев ребер. Джонни беспокоила не столько рана, а чувства Марии. Сколько раз она пыталась измениться, но гнев не давал ей продержаться достаточно долго.

Но в ту ночь, промыв и перевязав рану, Мария отправилась спать и заснула как дитя.

Это происшествие произвело на меня огромное впечатление.

Она пришла к нам вся в синяках, но очень оптимистически настроенная.

— Они здорово поколотили меня, преподобный Уилкерсон, но я молилась и все кончилось благополучно. Святой Дух был со мной.

Мы с Линдой в изумлении смотрели на Марию. Изменение было просто ошеломляющим.

— Это все, что мы хотели узнать,— сказал я вслух.

В последний раз, когда я видел Марию, она с семьей собиралась в Пуэрто-Рико. Джонни с гордостью поглядывал на нее. Три их ребенка непрерывно крутились возле матери, которой они могли доверять.

Мария сказала мне, что в Пуэрто-Рико они собираются пройти курс подготовки для работы при церкви и после этого хотели бы присоединиться нам. Я смотрел им вслед и опять думал об истине и свободе, обещанных Христом.

Глава 23

Для большинства жителей Бруклина утро 28 августа 1961 года было просто очередным солнечным утром. Для нашего же Центра то был черный день.

Во второй половине дня мы должны были уплатить наш второй взнос за здание — 15000 долларов.

— Сколько там у нас на счету? — спросил я Пола.

— Четырнадцать долларов.

Я полагался на очередное чудо и в глубине души был уверен, что мы не лишимся нашего Центра.

Настал полдень, а чуда все не было.

— Нельзя ли как-то отложить срок платежа? — спросил я Джулиуса, нашего юриста.

Тот провел остаток дня в переговорах и добился отсрочки до десятого сентября, но если денег к этому сроку не будет — нам рассчитывать больше не на что.

— Есть ли у вас какие-то идеи? — спросил Джулиус.

— Да.

Лицо Джулиуса просветлело, но потемнело вновь, когда я сообщил, что собираюсь молиться. Он привык к нашим молитвам, но думаю, желал бы, чтобы его шеф был чуть попрактичнее в данной ситуации.

В этот день я собрал всех, кто находился в Центре и сообщил им, что мы в безопасности. Все возликовали, и я пригласил их в нашу часовню для вознесения молитвы благодарности.

Так мы и сделали. После молитвы меня кто-то все же спросил, кто же дал деньги.

— Хм, да денег еще нет. Двадцать пять изумленных лиц.

— Да, денег еще нет, — продолжал я, — но до десятого сентября мы их получим. Я уверен, что смогу показать вам чек. Просто я думал, что мы можем заранее поблагодарить Господа.

С этими словами я вышел.

Наступил сентябрь. Я проводил много времени, пытаюсь как-нибудь решить нашу проблему. Все указывало на то, что Господь хочет, чтобы мы продолжали. Прошедшее лето было успешным. 2500 ребят обратились к Христу, 12 человек готовились к служению. А ведь все это началось с того репортажа в журнале "Лайф". Странно, что до сих пор я так и не смог увидеться ни с кем из тех ребят, суд над которыми привел меня в Нью-Йорк четыре года назад. Их судьба и судьба Израэля (бывшего главаря "May-Maus") находилась пока в руках правосудия. Возможно, что после того, как они будут освобождены, я смогу сказать им о том беспокойстве об их судьбах, которое до сих пор испытываю.

Есть еще один человек, с которым я связан с первого дня моего пребывания в этом городе. Это — Анжело Моралес. Однажды утром он пришел к нам в гости и мы вспоминали первую нашу встречу. Теперь же он уже оканчивал семинарию и собирался работать вместе со мной.

— Если Центр еще будет существовать, — сказал я и сообщил Анжело о наших финансовых затруднениях.

— Я могу чем-то помочь?

— Да, пойдй вместе с остальными в часовню и молись. А я пока позвоню по телефону.

Все члены нашего комитета обзванивали всех наших старых друзей. Помощь приходила, но не в том объеме, чтобы выручить нас.

Позвонили мы и Клему Стоуну в Чикаго. Он был более чем щедр по отношению к нашему Центру. Но боюсь, что когда он узнал о нашем звонке, его рука инстинктивно потянулась к кошельку, чтобы защитить его.

Восьмого сентября Харольд разговаривал с его сыном. Это был долгий разговор и под конец он сказал:

— Послезавтра мы должны заплатить 15 тысяч. Я ничего не знаю о состоянии ваших дел и не могу просить тебя, но поговори с отцом. поблагодари его за все, что он делал для нас.

И вот наступило десятое сентября. С почтой пришли центы от детей.

— Благодарю тебя, Господи, нам было бы трудно без этих денег.

Но больше ничего не было.

На утренней службе я слышал, что многие благодарят Господа за присланные нам деньги.

Неожиданно меня попросили выйти. Заказное письмо из Чикаго. Внутри конверта был чек на 15000 долларов.

Я просто онемел. Я вернулся в часовню и жестом попросил тишины. Пол передал чек ближайшему мальчику и сказал почти неслышным шепотом:

— Передай по кругу.

Этот погашенный чек находится сейчас в конторе у Клема Стоуна. Он рассказывает о чудном водительстве Божиим, о работе Господе среди подростков Нью-Йорка. Если вы более внимательно посмотрите на чек, то увидите, что он помят, так как передавался из рук в руки ребятами, которые поняли, что такое верить. Может вы увидите и следы слез. Слез благодарности Господу, который творит чудеса.

ЭПИЛОГ

Наша история на этом не кончается. Каждый день пишутся новые главы в жизни подростков Нью-Йорка, вступивших в новую жизнь.

Новый этап нашей работы начинается с создания такого же Центра в Чикаго.

Его организация построена на тех же принципах, что и в Нью-Йорке, с учетом недостатков нашего первого Центра.

Как и наш дом в Нью-Йорке, он работает с бюджетом около 50000 долларов в год.

Когда я летел в Чикаго на открытие нового Центра, я вспомнил вопрос, заданный когда-то

Полом Дилленсом: Где деньги, книги и кто за все это отвечает?"

Ответ — Дух Святой.

Пока Он заботится о Своем деле, все будет хорошо. Но если только мы захотим сделать что-то сами — неудача неизбежна.

Таков главный принцип работы Центра в Нью-Йорке и вновь открывающихся Центров в Чикаго, в Филадельфии, в Бостоне, Лос-Анжелесе и Торонто.

Святой Дух во главе всего.

Нам следует написать эти слова на каждой двери нашего дома. Но может показаться, что это только слова, поэтому мы сделаем лучше — мы впишем эти слова в наши жизни, и в жизни тех, кого мы можем достичь, коснуться и вдохновить живым Духом Господа.

КОНЕЦ